

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Курганский государственный университет»

Кафедра русского языка, литературы и массовых коммуникаций

На правах рукописи

ЖАПАРКУЛОВА Назира Нарынбековна

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С
КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКАХ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ, СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И
ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Ратушная Екатерина Радиогеловна

Курган 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	16
1.1. История становления и основные аспекты русской фразеологии	16
1.2. Изучение фразеологии в киргизском языкознании	25
1.3. Сопоставительный анализ фразеологизмов как актуальное направление в современном языкознании	33
1.4. Проблема перевода фразеологизмов в художественном тексте	37
1.5. Проблема функционирования фразеологических единиц в художественном дискурсе	45
Выводы по первой главе	50
ГЛАВА 2. СЕМАНТИКО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКАХ (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)	54
2.1. Семантико-лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-наименованием домашних животных в русском и киргизском языках	54
2.1.1. Фразеологизмы с компонентами «баран/кочкор», «овца/кой»	54
2.1.2. Фразеологизмы с компонентами «лошадь/жылкы», «конь/ат»	60
2.1.3. Фразеологизмы с компонентом «собака/ит»	66
2.1.4. Фразеологизмы с компонентом «верблюды/төө»	71
2.1.5. Фразеологизмы с компонентами «корова/уй», «бык/бука», «коза/эчки», «козел/теке», «свинья/чочко», «осел/эшек»	74
2.1.5.1. Фразеологизмы с компонентами «корова/уй», «бык/бука»	74
2.1.5.2. Фразеологизмы с компонентами «коза/эчки», «козел/теке»	77
2.1.5.3. Фразеологизмы с компонентом «свинья/чочко»	79
2.1.5.4. Фразеологизмы с компонентом «осел/эшек»	80
2.1.6. Фразеологизмы с компонентом-наименованием диких животных в русском и киргизском языках	83

2.1.6.1. Фразеологизмы с компонентом «лиса/түлкү»	84
2.1.6.2. Фразеологизмы с компонентом «медведь/аюу»	85
2.1.6.3. Фразеологизмы с компонентом «волк/карышкыр»	86
2.1.6.4. Фразеологизмы с компонентом «заяц/коён»	87
2.2. Семантико-лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-наименованием птиц и насекомых в русском и киргизском языках.....	89
2.2.1. Семантико-лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-орнитонимом	89
2.2.1.1. Фразеологизмы с компонентами «ворон/ворона/карга»	90
2.2.1.2. Фразеологизмы с компонентами-наименованиями хищных птиц «беркут, орел, сокол, ястреб, кречет»	92
2.2.1.3. Фразеологизмы с компонентами-орнитонимами «курица/тоок» и «петух/короз»	94
2.2.1.4. Фразеологизмы с компонентами-орнитонимами «куропатка/чил, перепелка/ бөдөнө, сорока/ сагызган, кукушка/ күкүк, сова/үкү, соловей/булбул, утка/өрдөк»	95
2.2.2. Фразеологизмы с компонентом-инсектонимом в русском и киргизском языках	98
2.2.2.1. Фразеологизмы с компонентом <i>муха/чымын</i>	98
2.2.2.2. Фразеологизмы с компонентами-наименованиями кровососущих насекомых	99
Выводы по второй главе	104
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. АЙТМАТОВА	107
3.1. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке»	107
3.2. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»	113

3.3. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Джамиля»	117
3.4. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в романе Ч. Айтматова «Материнское поле»	122
3.5. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Белый пароход»	126
3.6. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Ранние журавли»	131
3.7. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в произведении Ч. Айтматова «Лицом к лицу»	136
3.8. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!»	139
3.9. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова. «Верблюжий глаз»	148
3.10. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря»	153
3.11. Типы соответствий компонентов-зоонимов в переводах произведений Ч. Айтматова	158
Выводы по третьей главе	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	179

ВВЕДЕНИЕ

Сопоставительное изучение фразеологии является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Повышенный интерес к данной области языка не случаен. Как отмечают многие ученые, именно во фразеологизмах, пословицах и поговорках наиболее ярко отражаются особенности национального менталитета, проявляется своеобразие мировосприятия разных этносов, отражается «...весь сложный комплекс культуры и психологии данного народа, неповторимый способ его образа мышления» [Ройзензон 1967]. Сопоставительные исследования в области фразеологии позволяют выявить универсальное и национально специфичное в родственных и неродственных языках, что способствует более эффективной межкультурной коммуникации.

Глубокие исследования в области сопоставительной фразеологии были проведены в трудах А.Д. Райхштейна, Ю.П. Солодуба, Р.Х. Хайруллиной и других ученых.

В современной лингвистике анализируются фразеологизмы как в родственных, так и в неродственных языках: сопоставляются русский и китайский языки, русский и английский, киргизский и немецкий, киргизский и английский, китайский и корейский и т.д. Например, сопоставительный анализ фразеологии русского и киргизского языков представлен в работе А.О. Кармышакова [Кармышаков 2010]; А.Д. Райхштейн проанализировал фразеологию русского и немецкого языков [Райхштейн 1980].

В центре внимания ученых постоянно находятся проблемы изучения фразеологических групп, объединенных наличием общего компонента — числительного, цветового прилагательного, соматизма и т.д. в различных языках. Так, например, функционально-семантические свойства соматических фразеологизмов в киргизском и немецком языках описаны в диссертационной работе О.С. Абдыкаимовой [Абдыкаимова 1992]. Объектом изучения в работе Ж.К. Секебаевой послужили компаративные фразеологические единицы, рассмотренные в аспекте национально-культурной специфики языкового сознания на материале русского и киргизского языков [Секебаева 2008]. Фразеологизмы с

компонентом-именем собственным в современном немецком и украинском языках охарактеризованы в работе Е.В. Кудиной [Кудина 1982]. Однако сопоставительное изучение фразеологии русского и киргизского языков практически отсутствует.

Объектом научного анализа во многих трудах являются фразеологизмы с компонентом-наименованием животного в разных языках (русском, английском, немецком, французском, китайском, киргизском и многих других). Значительный интерес к данным единицам обусловлен тем, что они составляют важнейшую часть фразеологической картины мира, отражают национальное восприятие мира и человека через образы животных. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом широко исследованы в сопоставительном аспекте на материале как родственных, так и неродственных языков. Назовем некоторые труды, посвященные данной проблематике: «Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом-животным в русском и китайском языках» [Линь Цзыюй 2021]; «Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков: на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков» [Николаева 2022]; «Вариативность зоонимических глагольных фразеологических единиц в английском и киргизском языках» [Жумабекова 2010]; «Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом» [Куличенко Ю.Н. и Королевская Е.М. 2017]; «Межъязыковые соответствия в русской, украинской и болгарской фразеологии (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом)» [Ратушная 1993]; «Семасиологическая структура паремий с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках» [Цзюй Чуаньтин 2020]. Однако до настоящего времени отсутствует сопоставительное описание ФЕ с компонентом-зоонимом на материале русского и киргизского языков, что обусловило актуальность и научную новизну нашего исследования.

Актуальность представленной работы определяется тем, что сопоставительный анализ киргизского и русского языков приобретает особую значимость в настоящее время, так как усиливаются процессы интеграции и взаимодействия русской и киргизской лингвокультур, возрастает интерес к изучению русского языка как иностранного. Взаимодействие данных языковых

общностей обуславливает потребность в точном и адекватном переводе текстов с русского языка на киргизский и с киргизского языка на русский. Важной проблемой современной фразеологии является перевод ФЕ в разноструктурных языках. В нашей работе данная проблема рассматривается на материале произведений Ч. Айтматова, написанных на русском и киргизском языках и переведенных на данные языки либо самим автором, либо переводчиком.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа одного из важнейших фрагментов фразеологической картины мира в русской и киргизской лингвокультурах. Многоаспектный подход позволяет глубоко раскрыть семасиологические и лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-зоонимом в разноструктурных языках, выявить общность и отличия фразеологизмов в национальных культурах, а также описать специфику перевода фразеологизмов, что будет способствовать улучшению процесса межкультурной коммуникации.

Объектом исследования являются русские и киргизские фразеологизмы, включающие компонент-название представителей фауны (животных, птиц, насекомых), то есть компонент-зооним.

Предмет исследования: лингвокультурологические и семасиологические свойства исследуемых языковых единиц, специфика их перевода в произведениях Ч. Айтматова.

Определяя объект исследования, мы в своей работе придерживаемся широкого понимания границ фразеологии. Отметим, что проблема объема фразеологии по-разному решается различными лингвистами. Согласно «узкому» пониманию границ фразеологии, фразеологический состав ограничивается единицами, выделенными в классификации В.В. Виноградова: фразеологические сращения, фразеологические сочетания, фразеологические единства. Следовательно, за пределами фразеологии остаются устойчивые выражения с цельнопредикативной структурой, которые являются объектом изучения ученых-паремиологов. Такой точки зрения придерживаются В.П. Жуков, А.И. Молотков и другие лингвисты.

Иная концепция заключается в том, что фразеология включает устойчивые выражения в широком смысле («широкое» понимание фразеологии): фразеологические сращения, единства и сочетания, а также пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, терминологические сочетания и т. д. (Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, В.Н. Телия, А.В. Кунин и другие).

Так, В.Л. Архангельский включает в состав фразеологии все словесные комплексы, характеризующиеся устойчивостью и воспроизводимостью. По мнению В.М. Мокиенко, широкое понимание фразеологии определяется тем, что в состав фразеологического состава входят все единицы, обладающие устойчивостью [Мокиенко 1990: 232]. А.В. Кунин также исходит из широкого понимания фразеологии [Кунин 1970: 27], полагая, что ее объектом являются все устойчивые сочетания слов с осложненным значением. Нижняя граница фразеологизма представляет собой двусловное образование, в котором один из компонентов может быть служебным словом. Верхняя граница – сложное предложение.

Н.М. Шанский включает пословицы, поговорки и крылатые выражения в состав фразеологии, называя данные единицы «фразеологическими выражениями». По его мнению, к данному разряду относятся «такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями... в процессе общения они не образуются говорящим, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением» [Шанский 1996: 44].

В.Н. Телия в своей работе предлагает рассматривать различные группы фразеологических единиц, такие как идиомы, фразеологические сочетания, клишированные выражения, сочетания слов, характеризующие тот или иной стиль писателя, а также крылатые выражения, пословицы и поговорки. Номинативная функция выступает в качестве категориального признака ФЕ. Таким образом, фразеологизмы представляют собой «характерную часть номинативного состава языка, главное в них – не структурно-семантическое отличие от слов или сочетаний

слов, а тот способ, каким они выполняют то или иное номинативное предназначение» [Телия 1996: 80]. В соответствии с различными способами представления номинативной функции автор выделяет шесть типов единиц: Фразеология 1: полностью идиоматичные сочетания слов; Фразеология 2: фразеологические сочетания; Фразеология 3: формулы речи (клише); Фразеология 4: штампы речи; Фразеология 5: пословицы и поговорки; Фразеология 6: крылатые выражения [там же: 60-75].

Методы исследования: в процессе анализа нами использовались различные методы исследования, соответствующие поставленным целям и задачам:

- сопоставительный метод применялся для изучения сходства и различия между фразеологизмами с компонентом-зоонимом в русском и киргизском языках;
- описательный, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию и классификацию;
- метод компонентного анализа использовался при выявлении семантической структуры исследуемых единиц;
- метод контекстуального (контекстологического) анализа применялся при изучении функционирования фразеологизмов в художественном тексте, для уточнения их семантики.

В целом совокупность исследовательских методов определена сложной сущностью самого объекта исследования – фразеологических единиц русского и киргизского языков.

Цель работы: провести сопоставительное исследование фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и киргизском языках в лингвокультурологическом и семасиологическом аспектах, раскрыть специфику употребления и перевода данных единиц в художественном дискурсе.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) установить состав исследуемых фразеологизмов и зоонимов, участвующих во фразообразовании, в русском и киргизском языках;
- 2) сопоставить семантические и лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-зоонимом;

3) выявить сходство и национально-культурные различия данных единиц;
 4) установить типы соответствий фразеологизмов в сопоставляемых языках;
 5) описать особенности употребления и способы перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом с русского языка на киргизский и с киргизского на русский в произведениях Ч. Айтматова.

Структура работы определяется последовательностью решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

В исследовании выдвигается **гипотеза**, согласно которой наименования животных в составе русских и киргизских фразеологизмов ярко отражают специфику национального мировосприятия представителей фауны, что обусловлено исторически сложившимися особенностями образа жизни этносов (оседлый или кочевой), различными природными и климатическими условиями. Вместе с тем фразеологизмы с компонентом-зоонимом транслируют общность базовых морально-этических ценностей, присущих русскому и киргизскому этносам, проявляющуюся через систему коннотаций языковых единиц. Лингвокультурологические особенности фразеологизмов с наименованиями животных прослеживаются в различных типах их соответствий, определяющих использование разнообразных способов перевода фразеологических единиц в произведениях Ч. Айтматова, творческая индивидуальность которого выражается в трансформации узуальных и в создании окказиональных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в русской и киргизской лингвокультурах имеют сходные и национально специфичные семантико-лингвокультурологические особенности, обусловленные практической значимостью определенных видов животных в жизни этноса, природными, климатическими и социальными реалиями окружающей действительности, культурно-историческими традициями.

2. Фразеологизмы с компонентом-наименованием животного отражают нормы поведения, морально-нравственные принципы и отношение русского и киргизского народа к реальной действительности через коннотативный макрокомпонент значения. Позитивно оцениваются социально одобряемые качества, признаки и действия личности, которые воспринимаются обществом как норма. Преобладают фразеологизмы с негативной коннотацией, отражающие неприятие и осуждение отрицательных качеств и поведения человека.

3. В состав ФЕ входят общие и национально специфичные компоненты-наименования домашних и диких животных, птиц, насекомых. Фразообразовательная активность зоонимов обусловлена природно-климатическими, культурно-историческими и социальными факторами, действующими в разных языковых системах. В первую очередь она определяется степенью изученности и значимостью различных животных в жизни этноса, поэтому в обоих языках наиболее продуктивны наименования домашних животных: «собака», «конь», «лошадь» и т.д. Однако ряд зоонимов демонстрирует значительные отличия в количестве образуемых единиц («верблюд», «курица» и другие), например, в русском языке более продуктивны наименования домашних птиц, в киргизском – диких ловчих птиц (беркут).

4. Типы межъязыковых соответствий исследуемых фразеологизмов выделяются в зависимости от степени их семантического, образного и структурного сходства и различия.

5. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом ярко проявляется в художественном дискурсе, в процессе перевода художественных текстов Ч. Айтматова с русского языка на киргизский и с киргизского языка на русский. Писатель использует разнообразные приемы и способы передачи фразеологизмов: фразеологические эквиваленты и аналоги, замена фразеологизмом с иным компонентным составом; описательный способ. Эмоциональное воздействие на адресата значительно усиливается с помощью создания индивидуально-авторских ФЕ и трансформаций узуальных фразеологизмов с компонентом-наименованием животного.

Материалом исследования является картотека фразеологизмов с компонентом-зоонимом, включающая около 700 единиц в русском языке и около 660 единиц в киргизском языке. Картотека была собрана с помощью метода сплошной выборки из следующих фразеологических словарей и сборников пословиц и поговорок русского и киргизского языков: «Фразеологический словарь русского языка» (1994), «Фразеологический словарь современного русского языка» (2014), «Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных» (2001), «Русские пословицы и поговорки» (1998), «Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь» (2008), «Большой словарь русских пословиц» (2010), «Макал-лакаптар, нуска сөздөр, накыл кептер, залкар ойлор» (2012); «Пословицы и поговорки киргизского народа» (1997), «Фразеологический словарь киргизского языка» (1988), «Русско-киргизский фразеологический словарь» (1977), «Киргизско-русский, русско-киргизский тематический словарь» (2000).

Для анализа особенностей перевода данных единиц использовалась картотека их употреблений в повестях и романах Ч. Айтматова, написанных на русском и киргизском языках. Материалом нашего исследования послужили наиболее значимые романы и повести Ч. Айтматова, переведенные с русского языка на киргизский и с киргизского языка на русский: «И дольше века длится день», «Материнское поле», «Лицом к лицу», «Джамиля», «Ранние журавли», «Тополек мой в красной косынке», «Белый пароход», «Прощай, Гульсары!», «Верблюжий глаз», «Пегий пес, бегущий краем моря».

Теоретической и методологической базой нашей работы являются основополагающие труды русских лингвистов в области фразеологии и лингвокультурологии, таких как Н.Ф. Алефиренко [2009], А.М. Бабкин [1970], В.В. Виноградов [1977], Ю.А. Гвоздарев [1973, 1977], В.П. Жуков [2006], В.И. Зимин [2006], А.В. Кунин [1983, 2005], А.А. Мелерович [1980, 1979, 1977], В.М. Мокиенко [1990, 2010], Р.Н. Попов [1973, 2010], А.Д. Райхштейн [1980], В.Н. Телия [1996, 1999], А.М. Чепасова [1990, 2006], Н.М. Шанский [1996], С.Г. Шулежкова [2022] и других; исследования в области киргизской фразеологии

и лингвокультурологии: Ж. Шүкүров [1956], С. Кенесбаев [1954], Ш. Рахматуллаев [1966], К. Юдахин [1940], Ж. Мамытов [1999], Р. Эгембердиев [1979], Г. Жамшитов [2000], З.К. Дербишева [2018], К. Кыдыев [2002], Ф.Ш. Бекмурзаева [2021], Линь Цзыюй [2021], В.А. Степанова [2022], А.А. Смирнов [2023], Ван Сыци [2023], А.В. Ковалева [2024].

Научная новизна исследования заключается в том, что *впервые*:

- проведен комплексный сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом-зоонимом в трех аспектах: лингвокультурологическом, семасиологическом и переводоведческом на материале русского и киргизского языков;
- определена специфика фразообразовательной продуктивности компонентов-наименований животных в русской и киргизской лингвокультурах;
- выявлены национально-культурные особенности и универсальные черты фразеологии русского и киргизского этносов, ярким маркером которых выступает один из наиболее значимых фрагментов фразеологической картины мира, отражающий восприятие представителей фауны в сопоставляемых лингвокультурах;
- определена аксиологическая роль фразеологизмов с компонентом-зоонимом, которые репрезентируют базовые национально-культурные, морально-нравственные ценности названных языковых общностей;
- описаны типы межъязыковых соответствий фразеологизмов с наименованиями животных, охарактеризованы особенности функционирования и способы перевода данных единиц в художественном дискурсе на материале творчества Ч. Айтматова.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении и углублении научного представления о фразеологической картине мира, содержащей знания об универсальных и национально-специфических особенностях менталитета русского и киргизского этносов. Используемый нами многоаспектный подход к сопоставительному изучению фразеологизмов с компонентом-зоонимом в разноструктурных языках вносит вклад в развитие теоретических представлений

об изучаемом явлении и создает основу дальнейшего разностороннего исследования в сфере теории перевода и других областей современной лингвистики. Полученные результаты развивают и дополняют теорию переводоведения в аспекте перевода фразеологизмов разноструктурных языков в художественном тексте.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в процессе преподавания русского языка как иностранного, в целях совершенствования навыков межкультурной коммуникации, при изучении творчества Ч. Айтматова, а также в лексикографической практике для составления двуязычных словарей. Материалы исследования находят применение в киргизской аудитории при изучении таких дисциплин, как «Практикум речевого общения», «Практический курс перевода», «Аналитическое чтение художественной литературы».

Апробация работы. Промежуточные результаты исследования представлены на различных международных, Всероссийских и внутривузовских конференциях.

Основные положения диссертации отражены в 14 публикациях, 5 из которых представлены в изданиях, входящих в реестр ВАК РФ. Принято участие в следующих научных мероприятиях: Межвузовской научно-практической конференции «Современные теории и методы обучения иностранным языкам в ВУЗе» (Москва, 2018, 2020), 4-й Международной научной конференции «Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры» (Белгород, 2019), Международной научно-практической конференции «Чингиз Айтматов и мир» в ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 2018), Национальной научно-практической заочной конференции «Перспективы развития основных профессиональных образовательных программ по уровням образования (бакалавриат, магистратура и аспирантура)». (Курган, 2018), Международная научно-практическая конференция. (Кострома, 2020), Научно-практической конференции «Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах» в рамках проекта «Дни Германии в Кургане» (Курган, 2021), V

Международной научной конференции «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма» (Грозный, 2022), XVI Международной научной конференции «Язык, коммуникация, перевод» (Москва, 2022), Межведомственной научно-практической конференции «Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе» (Москва, 2023), 7-й Международной научной конференции «Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах» (Москва, 2023), научно-практической конференции «Духовно-нравственные основы русской словесности», посвященном 200-летию со дня рождения А.Н. Островского (Кострома, 2023), XVII Международной научной конференции «Язык, коммуникация, перевод» (Москва, 2023), 7-й Международной научной конференции «Универсальное и культурно-специфичное в языках и культурах» (Курган, 2023), Межведомственной научно-практической конференции «Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе» (Москва, 2024).

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. История становления и основные аспекты русской фразеологии

Фразеология как наука в отечественном языкознании сформировалась в середине XX века, однако предпосылки ее развития были заложены в трудах выдающихся русских лингвистов – Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А.А. Потебни, И.И. Срезневского и других. Однако фразеология еще не сформировалась как самостоятельная наука, ее рассматривали как часть лексикологии или стилистики. Например, Шарль Балли полагал, что фразеология исследует связанные сочетания слов и входит в состав стилистики [Балли 1905].

Вопрос о выделении фразеологии в отдельный раздел языкознания был поставлен в советском языкознании в 20-40-х годах XX века в трудах Е.Д. Поливанова, С.И. Абакумова и других лингвистов. Так, Е.Д. Поливанов подчеркивал необходимость создания особой дисциплины, которая будет исследовать индивидуальные значения словосочетаний, подобно тому, как лексикология изучает значения слов [Поливанов 1928]. Впоследствии эта идея получила дальнейшее развитие в трудах Б.А. Ларина [Ларин 1956] и В.В. Виноградова.

В.В. Виноградов внес значительный вклад в становление фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. В своих трудах ученый сформулировал основные понятия фразеологии, ее цели и задачи, представил систематизацию типов фразеологических единиц, которая послужила основой дальнейшего развития русской фразеологии. Ученый выделил три типа фразеологизмов: 1. Фразеологические сращения (идиомы) – немотивированные единицы, эквивалентные слову. 2. Фразеологические единства – мотивированные единицы, имеющие целостное значение, образованное на основе значений слов-компонентов. 3. Фразеологические сочетания – единицы, в которых один из компонентов имеет фразеологически связанное значение [Виноградов 1972].

Расширяя типологию В.В. Виноградова, Н.М. Шанский вводит четвертый разряд – фразеологические выражения, представляющие собой устойчивые в своем составе и структуре фразеологические обороты, которые являются не только семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободным значением. Фразеологические выражения коммуникативного характера – это предикативные словосочетания, по структуре соотносительные с предложением (без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Человек – это звучит гордо). Фразеологические выражения номинативного характера выражают то или иное понятие и выполняют номинативную функцию, например, это устойчивые словосочетания терминологического характера (социалистическое соревнование, белый гриб) [Шанский 1996].

В этот период начинается активное обсуждение проблемы определения фразеологизма, связанной с выделением основных признаков данной единицы, которая до настоящего времени остается дискуссионной. Различные определения ФЕ предлагают А.И. Молотков, Н.М. Шанский, В.Н. Телия, В.П. Жуков, В.М. Мокиенко и другие. В.Н. Телия полагает, что «семантические сдвиги в значении лексических компонентов, устойчивость, воспроизводимость - взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологической единицы» [Телия, 1966: 21]. По определению В.П. Жукова, фразеологизм – это «устойчивая и воспроизводимая, раздельнооформленная единица языка, которая состоит из компонентов, наделенных целостным значением и сочетающихся с другим словом» [Жуков, 1978: 12]. В.М. Мокиенко включает в состав критериев экспрессивность, определяя ФЕ как «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [В.М. Мокиенко, 1980: 5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фразеологизм как языковая единица характеризуется наличием определенных признаков. Одним из важнейших признаков является семантическая целостность, или идиоматичность, то есть значение фразеологизма не выводится из лексических значений составляющих слов. Устойчивость фразеологизма означает постоянство его

компонентного состава. Воспроизводимость фразеологизма выражается в том, что он употребляется в речи в готовом виде, так же, как и слово. В отличие от слова как цельнооформленной единицы, фразеологизм является раздельнооформленной языковой единицей и включает в свой состав минимум два компонента. Многим фразеологизмам присуща эмоционально-экспрессивная окрашенность, оценочность, способность передавать чувства и отношения субъекта речи к предмету сообщения. Фразеологизм может выполнять номинативную функцию, обозначая различные объекты реальной действительности.

В 50-е-60-е годы XX в. наблюдается бурное развитие отечественной фразеологии, разрабатывается широкий круг проблем: соотношение слова и фразеологизма, определение границ фразеологического состава, исследование структурно-семантических свойств фразеологизмов. Определяются методы исследования фразеологического состава, основанные на принципах системно-структурного и дистрибутивного анализа языковых единиц (В.Л. Архангельский, Н.Н. Амосова, В.П. Жуков, А.В. Кунин).

Структурно-семантическая организация фразеологических единиц в русском и английском языках рассматривается в работах А.И. Смирницкого, который, сопоставляя слово и фразеологизм, отмечает их сходство и различие в плане структуры и содержания и подчеркивает, что основное различие состоит в характере оформления: слову присуща цельнооформленность, а фразеологизм – раздельнооформленная единица языка [Смирницкий 1956: 208]. Значение концепции А.И. Смирницкого заключается в том, что он выделил различные структурные типы фразеологических единиц (одновершинные, двухвершинные, многовершинные), исследовал различия их компонентного состава и разнообразие функциональных типов.

В.П. Жуков устанавливает соотношение слова и компонента фразеологизма, выделяет их особенности на семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Подробно исследуя семантику фразеологизма, автор справедливо отмечает, что ее своеобразие обусловлено противоречием между вещественным и этимологическим значением [Жуков 2019].

А.В. Кунин основное внимание уделяет английской фразеологии, классифицирует фразеологизмы в соответствии с типами значения. К первому разделу (идиоматика) относятся собственно ФЕ (фразеологические единицы), или идиомы – «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением». В раздел идиофразеоматики входят идиофразеоматизмы, то есть «устойчивые словосочетания, у первых фразеоматических вариантов которых компоненты имеют буквальные, но осложнённые значения, а у вторых идиоматических вариантов – полностью переосмысленное, например, *chain reaction* – 1) цепная реакция (науч. термин); 2) цепная реакция (полностью переосмысленный идиоматический вариант). Переосмысление носит метафорический характер» [Кунин 2005: 27]. Третий раздел, фразеоматика, включает фразеоматические единицы, или «фразеологизмы неидиоматического характера, но с осложнённым значением». В данную категорию включены пословицы с буквальным значением, основанные на отождествлении или противопоставлении значений компонентов [Кунин 2005: 27]. Таким образом, данная классификация, разработанная на материале английского языка, расширяет и дополняет типологию В.В. Виноградова.

Важным направлением исследований становится системная упорядоченность фразеологического состава, которой посвящены труды И.И. Чернышовой, Н.М. Шанского, А.М. Чепасовой и других лингвистов.

В основе классификации А.М. Чепасовой лежит семантико-грамматический принцип, согласно которому фразеологические единицы объединяются в классы, по своим морфологическим и синтаксическим свойствам соотносительные с частями речи: предметные, процессуальные, качественно-обстоятельственные, призначные, количественные, модальные и служебные. С точки зрения структурной организованности выделяются три типа фразеологических единиц: 1. Фразеологизмы, построенные по синтаксической модели словосочетания (*морской волк*). 2. Фразеологизмы, построенные по синтаксической модели предложения (*кот заплакал*). 3. Фразеологизмы, построенные по модели сочетания слов (*за спиной, под носом*) [Чепасова 2006]. Данная концепция получила широкое развитие

в Челябинской фразеологической школе, изучающей структурные, семантические, морфологические и синтаксические свойства фразеологических единиц разных классов [Лебединская, Усачева 1999; Гашева 1999; Шиганова 2001; Ратушная 2000 и др.].

Наряду с синхроническим подходом к фразеологическому составу, разрабатывается и диахронический аспект, получивший широкое освещение в трудах Р.Н. Попова, А.И. Федорова и других ученых. В.М. Мокиенко внес значительный вклад в изучение фразеологии славянских языков, историко-этимологической фразеологии и паремиологии, а также исторической фразеологии [Мокиенко 1980].

Одним из основных прикладных аспектов фразеологии является фразеографический. Основные принципы описания фразеологизмов в словарях были заложены в трудах А.И. Молоткова и А.М. Бабкина, предложившего лексикографическую разработку фразеологических единиц на материале фразеологизмов в художественном дискурсе XIX-XX в.в. [Бабкин 1964; 1970]. Современные фразеологические словари отражают различные аспекты фразеологических единиц, их структуру, функционирование в художественных текстах и т.д.

В настоящее время в отечественном языкознании активно разрабатывается лингвокультурологический аспект изучения лексических и фразеологических единиц, который исследует культурную значимость языковых единиц, культурное пространство этноса через призму языковой картины мира, язык как средство воплощения культуры.

Проблема взаимоотношения языка и культуры появилась в поле зрения ученых еще в начале 19 века в трудах В. Гумбольдта, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни и других лингвистов. В. Гумбольдт выдвинул идею о том, что язык — это живая деятельность человеческого духа, пронизывающая все бытие человека и лежащая в основе всех видов деятельности. В языке отражается интерпретация мира человеком. Согласно учению В. Гумбольдта, разные языки представляют собой различное видение мира, а

каждый отдельный язык в действительности формирует картину мира определенного этноса и регулирует поведение человека. Гумбольдт подчеркивал важность сравнительного языковедения при изучении разнообразия языков мира [Гумбольдт 1985]. Таким образом, значение трудов В. Гумбольдта состоит в том, что он выдвинул концепцию языковой картины мира, заложил теоретические основы лингвокультурологии.

Концепция В. Гумбольдта послужила основой неогумбольдтианства, которое изучает семантическую сторону языка в тесной взаимосвязи с культурой определенного этноса и подчеркивает активную роль языка в процессе познания окружающей действительности. Язык определяет мышление человека, его культурные установки и мировоззрение, поэтому у каждого этноса существует своя картина мира, имеются различия в характере и типе мышления.

По мнению Э. Сепира, язык аккумулирует культуру и транслирует ее последующим поколениям. Словарный состав языка подвержен изменениям в сфере активного и пассивного лексического запаса, которые непосредственно связаны с культурно-историческими процессами в жизни социума [Сепир 1993]. Согласно концепции представителей неогумбольдтианства о «власти языка», язык оказывает значительное влияние на мышление, определяет культурные ценности и нормы общественного поведения. Данная концепция оказала значительное влияние на развитие лингвокультурологии в России и за рубежом. Так, например, Г.О. Винокур, исследуя историческое развитие языка, подчеркивает, что язык представляет собой важнейший компонент истории народа, и отмечает неразрывную связь языка, истории и культуры [Винокур 1959].

В конце XX в. в отечественном языкознании сформировалось несколько лингвокультурологических школ, основателями которых выступили ведущие российские лингвисты: Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова и другие. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров разработали оригинальный подход к исследованию национальной культуры через язык и текст, позволяющий описать специфику семантики языка в генетическом и функциональном аспектах: целостное описание главной лингвокультурологической проблемы соотношения языка и культуры

включает три лингвострановедческие концепции (лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиен-темы) [Верещагин, Костомаров 2014], при этом язык выступает как основной носитель и источник национально-культурной информации. Концепция Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова получила развитие в трудах В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина и других лингвистов [Воробьев 2008].

Вопрос о статусе лингвокультурологии по-разному рассматривается отечественными лингвистами: «Проблема научного статуса лингвокультурологии неразрывно связана с непрекращающимися дискуссиями относительно её места в ряду смежных гуманитарных дисциплин, особенно это относится к лингвострановедению, межкультурной коммуникации, этнолингвистике, когнитивной лингвистике» [Зиновьева 2009: 22].

Различные подходы к определению лингвокультурологии предлагают В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Н.И. Толстой и другие. В.Н. Телия рассматривает лингвокультурологию как часть этнолингвистики: «Лингвокультурология – часть этнолингвистики, посвященная изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1996: 217]. При таком подходе язык и культура изучаются вне исторического контекста, исследуется только современное состояние языка. Однако многие лингвисты придерживаются иного мнения, справедливо полагая, что лингвокультурология представляет собой самостоятельную дисциплину, изучающую историческое и современное состояние языка через призму духовной культуры, в отличие от этнолингвистики, в центре внимания которой «находятся лишь те элементы лексической системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами» [Маслова 2001: 10-11].

Несмотря на разницу в определении статуса лингвокультурологии, все ученые сходятся во мнении о том, что предметом ее изучения является результат взаимодействия языка и культуры, поэтому лингвокультурология рассматривается как «...дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной

картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 176-180].

Таким образом, лингвокультурология как самостоятельная дисциплина появилась на стыке смежных дисциплин, таких как когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение и социолингвистика, которые являются разными разделами языкознания, изучающими с разных сторон проблему взаимосвязи языка, культуры и этноса.

В современной лингвокультурологии выделяется несколько основных направлений исследования: синхроническое, диахроническое, сопоставительное и фразеологическое.

Лингвокультурологический подход к изучению фразеологизмов в настоящее время является одним из наиболее актуальных направлений исследования фразеологического состава различных языков. По мнению А.М. Бабкина, «идиоматика – святая святых национального языка. Именно в ней проявляются дух и своеобразие каждой нации» [Бабкин 1979:7]. Фразеологизмы отображают и транслируют важнейшие национально-культурные ценности и установки, передают «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев 1954: 37].

Лингвокультурологический подход к изучению фразеологизмов получил широкое развитие в трудах представителей Московской школы под руководством В.Н. Телия: В.В. Красных, М.Л. Ковшовой, Т.З. Черданцевой и других [Телия 1999; Красных 2002; Ковшова 1996, 2016; Черданцева 1996].

В.Н. Телия подчеркивает, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», поскольку именно фразеологизмы наиболее ярко и полно отражают особенности национального мировосприятия этносов. Особое значение при выявлении национальной специфики имеет культурно-национальная коннотация, которая отражает взаимосвязь между ассоциативно-образным основанием фразеологизма и культурой (архетипами, эталонами, мифологемами и др.). Наибольший интерес для исследования представляют фразеологические единицы,

в которых национальная культура «отражена через связь с культурно-национальными коннотациями, эталонами, стереотипами», например, *родная кровь* – символ родства [Маслова 2001: 85]. Поэтому во фразеографии возрастает значимость культурологического комментария, который «способствует прояснению мотивированности культурно значимых смыслов в значении фразеологизмов и их употреблении» [Большой фразеологический словарь русского языка 2006: 12]. Её исследования посвящены фразеологии как особому коду культуры, знаки которого хранят и передают культурные смыслы.

В работах М.И. Ковшовой рассматриваются формы воплощения во фразеологии культурных кодов, выявляется взаимосвязь языковой и культурной семантики в процессе воспроизведения и восприятия фразеологизмов. Под культурным кодом понимаются «...вторичные знаковые системы, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов» [Ковшова 1996: 42]. М.И. Ковшова подчеркивает необходимость разграничения национальной и культурной специфики фразеологизмов: национальная специфика обнаруживается при «...сопоставлении разных языков по алгоритму лингвистического анализа: план содержания – план выражения (внешняя и внутренняя форма) – соотношение обоих планов – функционирование». В отличие от национальной специфики, культурная определяется с помощью лингвокультурологического метода «...соотнесения образа языкового знака с другими символически нагруженными знаками материальной и духовной культуры народа, сведениями из его истории, верований, обычаев» [Ковшова 2016: 91]. Особая культурная функция фразеологизма заключается в том, что он «...способен воплощать в себе устойчивые символные смыслы, которые участвовали в самом процессе его создания, служат основой семантики языкового знака и извлекаются из нее в речи» [Ковшова 1996: 42]. Одним из важнейших аспектов фразеологизма выступает его символное значение, особая знаковая функция – быть символом, эталоном, стереотипом. Именно во фразеологии «...осуществляется системное смысловое закрепление символа» [Ковшова 1996: 28].

Наша диссертационная работа находится в русле данного направления и ставит одной из задач выявление лингвокультурологической составляющей фразеологизмов с компонентом-зоонимом в разных языках.

Таким образом, современная фразеология представляет собой многоаспектную область языкознания, которая исследует фразеологические единицы разных языков в синхроническом и диахроническом аспектах. Актуальными направлениями являются фразеологическая семантика, фразеологическая грамматика, системная организованность фразеологического состава, фразеография, лингвокультурологический подход к фразеологизмам и другие.

1.2. Изучение фразеологии в киргизском языкознании

Фразеологизмы являются одним из важнейших ресурсов киргизского языка, однако до 50-х годов XX века данный языковой уровень практически не исследовался. Изучение фразеологического фонда киргизского языка началось после публикации трудов В.В. Виноградова, посвященных основным понятиям русской фразеологии как лингвистической дисциплины и классификации фразеологических единиц русского языка [Виноградов 1946]. Аналогичные исследования стали проводиться и на материале казахского языка, например, в работе С. Кенесбаева «О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке» [Кенесбаев 1954].

Несмотря на отсутствие теоретических исследований, фразеологизмы отражались в словарях киргизского языка как отдельные языковые единицы. Например, «Кыргызско-русский словарь» К.К. Юдахина, опубликованный в 1940 г., включает значительный фразеологический материал, отделенный от лексического состава. Как подчеркивает автор, «в словаре богато представлен иллюстративный материал: пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания, идиоматика, отдельные фразы и цитаты из произведений» [Юдахин 1957].

Теоретическое изучение фразеологии киргизского языка началось с трудов лингвистов Ж. Шукурова и Ж. Осмоновой. В 1956 году была опубликована статья

Ж. Шукурова «О фразеологических сочетаниях киргизского языка», в которой ученый впервые на материале киргизского языка выявил отличия фразеологизмов от других языковых средств и проанализировал их компонентный состав [Шукуров 1956]. Значительный вклад в изучение фразеологии киргизского языка в 60-е годы XX в. внесла Ж. Осмонова, подробно исследовавшая идиомы киргизского языка. В диссертационной работе «Идиомы в киргизском языке» [Осмонова 1969] содержится определение идиомы, под которой автор понимает «воспроизводимый, синтаксически неразложимый, образный фразеологизм, состоящий из двух или более компонентов, значение которых не совпадает с общим смыслом всего оборота». Выделены основные и второстепенные признаки фразеологизмов. К основным признакам относятся:

- воспроизводимость;
- наличие двух или более компонентов;
- компоненты должны составлять по смыслу единое целое, не совпадающие со значением отдельных компонентов;
- идиома должна представлять собой единство, синтаксически нечленимое;
- идиомы должны обладать образностью.

Отмечены второстепенные признаки фразеологических единиц:

- постоянство места компонентов;
- невозможность дословного перевода с одного языка на другой;
- наличие в составе идиом архаизмов, слов, которые утратили самостоятельное значение;
- эквивалентность слову;
- принадлежность к какой-либо части речи;
- возможность (в редких случаях) замены отдельных компонентов другими словами».

В диссертации выделены общие черты и специфические особенности идиом, пословиц и поговорок, представлены типы вариантов идиом: 1. Лексические. 2. Фонетические. 3. Квантитативные. 4. Грамматические. Проведена грамматическая

классификация ФЕ, согласно которой определены 4 типа фразеологизмов: 1. Идиомы, эквиваленты имени существительного или субстантивные существительные. 2. Идиомы, эквиваленты имени прилагательного или адъективные. 3. Наречные. 4. Глагольные». [Осмонова 1969].

Ж. Мукамбаев [Мукамбаев 1998] рассматривает труды ученых, посвященные изучению фразеологизмов киргизского языка в период до 80-х годов XX в. Автор описывает семантику и структуру фразеологизмов в сопоставлении со словом и предложением, выделяя фразеологизмы терминологического характера, например: *узак өмүр* – длинная жизнь, *суроо белгиси* – вопросительный знак и т.д. Однако многие приводимые им примеры являются предметом дискуссий. В настоящее время киргизская фразеология активно развивается.

В 1992 году была защищена кандидатская диссертация О.С. Абдыкаимовой, посвященная сопоставительному исследованию киргизских и немецких фразеологизмов: «Функционально-семантическое исследование соматических фразеологизмов (на материале киргизского и немецкого языков)». Анализируя проблему синтеза лексики и грамматики, автор отмечает «воздействие значения глагола посредством его валентных связей и свойств на состав и структуру предложения, а также структуры предложения на свободные и фразеологически связанные значения глагола». [Абдыкаимова 1992].

Сопоставительное исследование зоонимических глагольных фразеологизмов на материале английского и киргизского языков проведено Н.М. Жумабековой («Вариативность зоонимических глагольных фразеологических единиц в английском и киргизском языках») [Жумабекова 2010].

Компаративные фразеологизмы в русском и киргизском языках исследуются в работе Ж.К. Секебаевой «Компаративные фразеологические единицы как элемент национально-культурной специфики языкового сознания (на материале русского и киргизского языков)». Автор предлагает следующую классификацию фразеологизмов:

I. Натуромерные: зоонимы, фитонимы, ландшафт, природные явления, климат;

II. Артефактные: предметы быта, продукты питания, предметы одежды;

III. Антропомерные: имена, клички, род деятельности, профессии, этническая принадлежность, соматизмы, номинации состояния, действий, свойств [Секебаева 2008].

Важное место среди исследований по киргизской фразеологии занимает работа Ж. Мамытова «Фразеология киргизского языка», в которой рассмотрены основные вопросы определения и классификации фразеологических единиц. Автор затрагивает проблему разграничения свободных и фразеологических единиц, выявляя три основные отличительные признака фразеологизмов:

1. Порядок и синтаксическая связь компонентов фразеологизма, как правило, постоянны.

2. Фразеологизмы преимущественно используются в переносном значении и имеют эмоционально-экспрессивную окраску. Поэтому фразеологизмы часто употребляются в художественных произведениях и в речи для придания ей наибольшей экспрессивности и образности.

3. Фразеологизм, как и слово, в предложении выполняет одну синтаксическую функцию, в отличие от слов в свободном словосочетании.

Ж. Мамытов сравнивает фразеологизмы с составными словами, которые широко представлены в киргизском языке. Например, *таш бака* (букв.: каменная лягушка) – черепаха, *бака жалбырак* (букв.: лист лягушки) – подорожник, *айры куйрук* (букв.: порванный хвост) – ласточка. Составные слова включают два или, реже, три компонента. Например, *ат кулак* (букв.: лошадиное ухо) – лопух, *козу карын* (букв.: желудок ягненка) – гриб. Фразеологизмы, в отличие от составных слов, содержат в своей структуре от двух до пяти-шести или более компонентов [Мамытов 199].

Следующей отличительной чертой фразеологизмов автор считает отсутствие вариантов у составных слов. Например, *кырк аяк* (букв.: сорок конечностей) – сороконожка и т. д. Напротив, фразеологизмы обладают вариативностью. Например: *аарынын уюгуна тийүү* – (букв.: коснуться пчелиного гнезда) –

разозлить кого-то и *жыландын уюгуна тийүү* (букв.: коснуться змеиного гнезда) – разозлить кого-то.

Важным признаком фразеологизмов, по мнению Ж. Мамытова, является их отличие от цитат и афоризмов, хотя некоторые лингвисты включают их в состав фразеологии. Отличие заключается в том, что фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, а цитаты и афоризмы переходят границу словосочетания и включают в свой состав одно или несколько предложений.

В целом в работе Ж. Мамытова затрагивается широкий круг проблем фразеологии, таких как семантическая классификация фразеологизмов, фразеологическая омонимия, синонимия, антонимия и вариантность (варианты лексические, фонетические, квантативные, грамматические).

Одним из важных направлений киргизского языкознания является изучение фразеологизмов в художественных текстах, на материале произведений киргизских писателей и поэтов. Так, в диссертационной работе Н.Б. Айтбаевой «Переводческое мастерство Ч. Айтматова» подробно описаны способы перевода фразеологизмов с киргизского языка на русский язык и с русского языка на киргизский. Н.Б. Айтбаева выделяет несколько способов перевода фразеологизмов в творчестве Ч. Айтматова: «калькирование, нахождение эквивалентов или описательный перевод» [Айтбаева 1998].

Н.К. Абдыракматова исследует проблемы межъязыковой транспозиции фразеологических единиц в переводах художественного произведения, выявляет лингвокультурологическую специфику переводов романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день» на немецкий и киргизский языки» [Абдыракматова 2011].

В поле зрения киргизских языковедов также находится проблема изучения паремиологического фонда киргизского языка, выявление сходства и различия между фразеологизмами и поговорками. Данному вопросу посвящено исследование А. Сапарбаева «Лексикология и фразеология киргизского языка» [Сапарбаев 1997], в котором автор подробно рассматривает пословицы, поговорки и фразеологизмы киргизского языка и приходит к выводу, что данные языковые явления имеют общие признаки и свойства в функционировании в языке, в семантике, в лексико-

грамматическом составе. В то же время он подчеркивает, что пословицы – готовый языковой материал, в котором не допускается перестановка или сокращение компонентов. В таком случае пословицы утрачивают свою воспитательную, назидательную функцию и превращаются в предложения.

По мнению А. Сапарбаева, сходство пословиц и фразеологизмов заключается в наличии переносного значения. Различие же состоит в том, что фразеологизмы можно использовать полностью в переносном значении, а в пословицах – только некоторые компоненты. В результате сопоставления данных единиц автор выделяет следующие отличия:

а) Пословицы по грамматической структуре похожи на простые или сложные предложения и выражают законченную мысль. Напротив, фразеологизмы чаще всего имеют структуру словосочетания и выполняют лишь номинативную функцию. С этой стороны они не отличаются от слов или словосочетаний и являются структурной единицей языка. Фразеологизмы могут входить в состав пословиц. Например, фразеологизм *Атка жеңил, тайга чак*. (Букв.: Для коня легок, для жеребенка впору) имеет эквивалент «Молод да пригож – всюду вхож». Пословица *Атка жеңил, тайга чак – азамат эрдин адаты*. (Букв.: Для коня легок, для жеребенка впору – качества молодца).

б) Если значение фразеологизма можно определить через эквиваленты или слова, то значение компонентов пословиц объясняется в этой же пословице, так как слова преимущественно выступают в прямом значении.

в) Паремии, в отличие от фразеологизмов, имеют дидактический характер, нацелены на воспитание молодого поколения.

г) Синтаксическое отличие: фразеологизм в предложении выполняет одну синтаксическую функцию, так как выполняет номинативную функцию и является неделимым с семантико-грамматической точки зрения. Напротив, паремии с лексико-грамматической стороны являются самостоятельными, поэтому каждый компонент паремий можно рассматривать как отдельный член предложения, выраженный отдельной частью речи [Сапарбаев 1997].

Одним из актуальных направлений является создание словарей и справочников по фразеологии и паремиологии киргизского языка. Так, большой научный интерес представляет сборник пословиц, поговорок и изречений киргизского народа «Сокровище народного духа» [Таджиева 2011].

В настоящее время исследованы различные аспекты фразеологии киргизского языка. Вопросам фразеологии киргизского языка посвятили свои труды Р. Эгембердиев («Этимология фразеологизмов киргизского языка»), А.В. Новикова («Сравнительный анализ произведений Ч. Айтматова на русском, немецком и английском языках»), Ж.К. Секебаева («Компаративные фразеологические единицы как элемент национально-культурной специфики языкового сознания (на материале русского и киргизского языков»).

Динамическое развитие фразеологии как науки отмечает Р. Эгембердиев: «Фразеология как наука систематически развивается, идет от ступени к ступени, углубляется и расширяется. Так, если в 40-годы нашего столетия определялись семантические особенности фразеологии, и в этом направлении шла их классификация, то в 50-е годы внимание исследований привлекла сфера употребления в художественной литературе и уточнялись специфические отличия фразеологизмов от других языковых единиц, начиная с 60-х г. глубокому изучению подверглись морфологические, синтаксические особенности фразеологизмов, а сама фразеология еще более упрочила свое положение как важная и самостоятельная отрасль языкознания» [Эгембердиев 1979].

Паремиологический фонд киргизского языка является предметом научного изучения начиная с 20-х годов XX века. Пословицы киргизского народа нашли отражение в сборнике известного киргизского фольклориста Б. Керимжановой «Сборник пословиц киргизского языка» (первое издание опубликовано в 1948 году, второе – в 1955 году). Впоследствии вышло в свет третье издание сборника под названием «Киргизские пословицы, поговорки и крылатые выражения» (1964 год), в котором, как отмечает сам автор-составитель, были использованы материалы словаря К.К. Юдахина «Киргизско-русский словарь», а также труды Н.С. Чекменова и Ж. Ашубаева [Керимжанова 1964].

Характеризуя сущность пословиц, Б. Керимжанова справедливо отмечает, что в них мы можем увидеть условия жизни киргизского народа, его традиции и обычаи, отношение к религии, к окружающему миру, к труду и т. д. Автор выделяет среди пословиц 6 тематических групп:

1. О слове и сознании человека.
2. О семье, любви, дружбе, вражде.
3. О жизни, религии, торговле, социальном расслоении общества.
4. О Родине, народе, подвиге, патриотизме.
5. О человеческих качествах.
6. Дидактические пословицы.

Однако выделение последней группы вызывает сомнения у некоторых ученых, например, такое мнение высказывает в своей диссертационной работе Ш. Иманакунова [Иманакунова 2017].

Подробный анализ паремий киргизского языка провел также С. Закиров, который в своем научном исследовании предложил определение пословицы. Как отмечает автор, пословицы и поговорки сохраняются в языке и передаются из поколения в поколение: «В паремиях отражается история народа, его характер, обычаи и традиции, смех, счастье, несчастье – в общем, вся жизнь во всех ее проявлениях. Образцы самых сокровенных, мудрых слов сохраняются в пословицах в самом чистом виде, как хрусталь, и остры, как кинжал» [Закиров 1962]. Далее автор предлагает свою классификацию, отличающуюся от классификации Ш. Иманакуновой по количеству групп и по их содержанию. В его классификации 13 семантических групп: 1. Скотоводство. 2. Религия. 3. Земледелие. 4. Подвиг. 5. Трусливость. 6. Дружба. 7. Вражда. 8. Слово. 9. Знание. 10. Семья. 11. Жизнь и смерть. 12. Достоинство. 13. Дидактические. Следовательно, С. Закиров поддерживает точку зрения Б. Керимжановой о выделении дидактических пословиц.

Таким образом, в настоящее время фразеология киргизского языка является предметом пристального внимания лингвистов. В многочисленных научных трудах освещаются проблемы семантики ФЕ, их вариативности, определения

фразеологизмов и их классификации. Значительное место занимают труды по сопоставительной фразеологии, в которых фразеологизмы киргизского языка сравниваются с ФЕ английского, немецкого, русского и других языков. В результате теоретических исследований создаются фразеологические словари, сборники пословиц и поговорок киргизского народа.

1.3. Сопоставительный анализ фразеологизмов как актуальное направление в современном языкознании

Сопоставительный анализ различных языковых единиц представляет собой одно из актуальных направлений в современной лингвистике. Как отмечает А.Д. Райхштейн, «взаимное соотнесение, сравнение и противопоставление единиц, форм, категорий, разрядов и других языковых явлений выступает как обязательное условие характеристики каждого из них, установления существенных формальных и смысловых связей между ними и конституирования объединяющих их микросистем, субсистем и систем» [Райхштейн 1980].

Сопоставительная фразеология как самостоятельное направление зародилась в 20-е годы XX столетия. Многие ученые уделяли ей большое внимание (И.М. Вульфius, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко и другие). В середине и в конце XX века сопоставительная фразеология получила мощное развитие в работах Л. И. Ройзензона, А.В. Кунина, А.Д. Райхштейна, В.Г. Гака, Ю.П. Солодуба, Е.Ф. Арсентьевой. Особое внимание было уделено выработке системы межъязыковых фразеологических эквивалентов. Эту проблему рассматривали А.В. Кунин, А.Д. Райхштейн, М.М. Копыленко, С. Сятковский и другие.

Огромный вклад в развитие сопоставительного языкознания в России внес В.Г. Гак. В конце 1960-х годов он начал исследования в области сопоставления французского и русского языков [Гак 1966].

Диахроническое сравнительно-сопоставительное исследование фразеологизмов успешно проводится в трудах Б.А. Ларина, В.М. Мокиенко и других лингвистов.

Активное синхронно-сопоставительное изучение фразеологизмов начинается в 60-х годах XX века в работах Л.И. Ройзензона и Ю.Ю. Авалиани. Ученые выделили несколько важных аспектов исследования:

1. Сравнительный аспект предполагает анализ сходных фразеологических фактов в родственных языках.
2. Сопоставительный аспект исследует неродственные языки.
3. Структурно-типологический.
4. Ареальный [Розейзон, Авалиани 1967].

Одной из первых работ в области сопоставления фразеологических систем русского и немецкого языков является учебное пособие А.Д. Райхштейна «Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии». В теоретической части работы автор предлагает новое решение ряда проблем фразеологии, а ее практическая часть систематизирует ценный языковой материал. Ученый отмечает, что «...для современных исследований по конфронтативной фразеологии наиболее характерно сопоставление на уровнях конкретных ФЕ (установление межъязыковых фразеологических эквивалентов, синонимов, вариантов, омонимов и т. п.), разрядов и групп ФЕ (структурно-семантических, лексико-грамматических, семантических и т. п.) и фразеологических явлений и категорий (формальные, формально-смысловые и семантические характеристики ФЕ)» [Райхштейн 1980].

Начиная с 70-х годов XX в. появляются многочисленные диссертационные исследования, выполненные в сопоставительном русле на материале фразеологических единиц с общим компонентом (соматизмом, зоонимом, именем собственным и т. д.). Так, например, Е.В. Кудина проанализировала фразеологические единицы с компонентом «имя собственное» в современном немецком и украинском языках [Кудина 1982].

Сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и английского языков в функционально-параметрическом отображении (на материале анималистической фразеологии) представлен в диссертационном исследовании Э.Л. Тауковой [Таукова 2004]. В данной работе рассмотрены основные вопросы, разрабатываемые в лингвистической науке: объект фразеологии, структурные типы

ЗФЕ, семантическая структура фразеологического значения, основные макрокомпоненты семантической структуры ЗФЕ и другие. Автор раскрывает проблему межъязыковых фразеологических эквивалентов, описывает культурно-национальную специфику ФЕ русского и английского языков, характеризует способы перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом. Придерживаясь широкого понимания фразеологии, Э.Л. Таукова включает в ее состав «зоосемические поговорки» [Таукова 2004: 172] и зоосемические пословицы [Таукова 2004: 181].

Аналогичное понимание границ фразеологического состава излагается в диссертационном исследовании Чжао Чжитян «Функционально-параметрическое описание фразеологизмов русского и китайского языков» [Чжао 2012]. В данной работе, как отмечает автор, «...подверглись анализу разные разряды фразеологических единиц (идиомы, поговорки, пословицы, недоговорки-иносказания, фразеологические сочетания и др.)». В данной работе предпринимается попытка применить метод функционально-параметрического описания фразеологизмов для выявления межъязыковых фразеологических эквивалентов.

В современном языкознании большое внимание уделяется лингвокультурному изучению фразеологии. По мнению Д.О. Добровольского, «тема национально-культурной специфики является достаточно традиционной для исследований в области фразеологии. На протяжении многих лет в работах по фразеологии (в особенности, если они выполнялись в рамках традиционного языкознания) утверждалось, что идиомы представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа» [Добровольский 1997]. Автор приходит к выводу, что «национально-культурный компонент плана содержания фразеологизмов, выделяемый при сравнительном подходе, базируется, как правило, на образной составляющей и увязывается с когнитивно значимыми различиями между языками».

Во многих работах фразеологизмы изучаются как составная часть национальной культуры, исследуется сущность культурной коннотации,

выявляется ее связь с внутренней формой фразеологической единицы (В.Н. Телия, В.А. Маслова, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, А.А. Потебня и другие). Исследуя национально-культурную специфику фразеологизмов, В.А. Маслова подчеркивает, что «фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова 1992].

Сопоставительное лингвокультурологическое исследование фразеологии русского и китайского языков проводится в диссертационной работе Чжао Чжитян, в которой автор приходит к выводу о том, что «фразеологизмы, во-первых, отражают определенные знаки и символы национальной культуры, во-вторых, благодаря своим особым семантическим свойствам сами участвуют в формировании национального сознания. Культурный комментарий имеет основную цель – соотнести образ фразеологизма с мифами (мифологемами), символами, архетипами, эталонами, ритуалами, поверьями и т. п. знаками национальной культуры» [Чжао 2012].

Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом-зоонимом на материале русских, английских и итальянских фразеологизмов выполнен в работе Ю.Н. Куличенко и Е.М. Королевской. Выделены различные типы ФЕ по структуре: субстантивные, адъективные, глагольные и адverbиальные, которые, в свою очередь, на основании семантического признака подразделяются на более мелкие группы, соответствующие признакам человека [Куличенко, Королевская 2017].

Таким образом, сопоставительная фразеология представляет собой активно развивающееся направление в современной лингвистике, которое способствует установлению универсальных и национально специфичных характеристик фразеологизмов в родственных и неродственных языках. Устанавливаются лингвокультурологические и грамматические особенности фразеологических единиц в разных языках. Подобные исследования проводятся на материале различных языков – русского, английского, немецкого, киргизского, китайского и многих других.

1.4. Проблема перевода фразеологизмов в художественном тексте

В современной действительности проблема перевода приобретает особенно важное значение, так как происходит активное взаимодействие между разными народами, и перевод устной и письменной речи способствует эффективной межкультурной коммуникации. По мнению А.И. Федорова, цель перевода – «...как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего языка подлинника, с данным текстом (или содержанием устной речи)» [Федоров 1986: 15]. Многие лингвисты подчеркивают необходимость смысловой идентичности переводного текста. Так, например, Л.С. Бархударов полагает, что перевод есть «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [Бархударов 1975: 11].

Одним из видов перевода является художественный перевод. Перевод художественных произведений с одного языка на другой – это очень сложный процесс. Переводчик должен не только глубоко и в совершенстве знать разные языки, но и иметь художественное чутье и писательский талант. С помощью правильного перевода происходит понимание национальных особенностей этносов, проникновение в другую культуру и ментальность народа: «адекватность переводного произведения во многом зависит от сохранения и полного воссоздания на ином языке национальной специфики изображенных характеров, традиции, быта, истории, мировоззрения народа» [Тургунова 2008: 8].

Как отмечают многие исследователи, в процессе перевода художественных текстов особенно остро встает проблема передачи на другой язык фразеологизмов, что обусловлено различными факторами: сложность семантической структуры фразеологических единиц, образность, яркая национальная специфика, эмоционально-экспрессивная насыщенность. Данная проблема рассматривается различными лингвистами, такими как А.В. Кунин, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.С. Виноградов, И.В. Городецкая и другими [Кунин 2005; Комиссаров 1990;

Рецкер 1974; Виноградов 2001; Городецкая 2007]. В их трудах предложены различные подходы к классификации способов перевода фразеологизмов.

По мнению А.В. Кунина, который исследовал перевод английских фразеологизмов на русский язык, с переводоведческой точки зрения фразеологические единицы делятся на два типа: фразеологические эквиваленты и безэквивалентные фразеологические единицы. Фразеологические эквиваленты могут быть полными и неполными (частичными). К полным эквивалентам относятся фразеологизмы, которые в двух языках совпадают по значению, лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре. Например, фразеологизмы, имеющие интернациональный характер, основанные на мифологических преданиях, библейских легендах и исторических фактах (*Augean stables* – авгиевы конюшни). Частичные эквиваленты имеют одинаковое значение, но содержат лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения.

Среди способов перевода А.В. Кунин выделяет также калькирование, обертональный перевод и другие.

Калькирование – это дословный перевод, который позволяет донести адресату живой образ английского фразеологизма. Обертональный перевод – поиск окказионального эквивалента, используемого для перевода фразеологизма только в данном контексте. Выборочный фразеологический эквивалент – перевод, при котором из нескольких существующих эквивалентов выбирается наиболее подходящий для данного контекста.

Описательный перевод производится при помощи свободного сочетания слов, часто используется для передачи оборотов терминологического характера, не допускающих буквального перевода. Таким образом, А.В. Кунин выделяет шесть типов перевода фразеологизмов [Кунин 2005].

По мнению В.Н. Комиссарова, выделяется три типа соответствий фразеологизмов:

1. Фразеологические эквиваленты, которые совпадают с исходными фразеологизмами по всем признакам: в языке-источнике перевода имеется образный фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала.

2. Фразеологические аналоги, совпадающие по семантике и стилистической направленности, но имеющие другую образную основу.

3. Кальки [Комиссаров 1990: 133].

Таким образом, в современной теории перевода выделяются несколько способов передачи фразеологизмов на другой язык.

Фразеологический эквивалент – фразеологизм, который полностью соответствует по смыслу соответствующему фразеологизму в другом языке и основан на одном с ним образе. Такие ФЕ обладают тождественным компонентным составом. Наличие фразеологических эквивалентов в разноструктурных языках обусловлено, по мнению многих лингвистов, общими закономерностями отражения реальной действительности в языковом сознании разных этносов. Так, Ю.П. Солодуб указывает на однотипность логико-семантической трансформации значений компонентов и сходстве образно-ассоциативных связей, которые служат основанием подобных трансформаций [Солодуб 1985: 9]. Типологическое сходство ФЕ основано на общности логических и образно-ассоциативных процессов мышления разных народов [Степанова, Чернышова 1975], а также тесной межкультурной коммуникацией.

Фразеологический аналог – фразеологическая единица, имеющая в другом языке аналогичный по семантике фразеологизм с другой образной основой.

Калькирование – дословный перевод фразеологизма с одного языка на другой, используется в случае отсутствия у переводимого фразеологизма эквивалента или аналога. Полученное в результате калькирования выражение представляет собой окказиональное образование, имеющее понятную для читателя внутреннюю мотивировку.

Описательный перевод – передача семантики фразеологизма свободным сочетанием слов. При этом способе, как правило, утрачивается изначальная образность исходного фразеологизма.

Контекстуальная замена – использование такого фразеологизма, который с достаточной точностью передает смысл исходного фразеологизма в условиях определенного контекста, хотя в свободном употреблении не соответствует ему по семантике.

Фразеологизмы в художественном переводе могут выступать в преобразованном виде, при этом используются различные приемы трансформации фразеологических единиц.

Я.И. Рецкер выделяет два типа трансформаций фразеологизмов при переводе: 1. Грамматические трансформации (замена частей речи). 2. Лексические трансформации: конкретизация, генерализация, дифференциация значений, антонимический перевод и другие [Рецкер 1974: 184].

В нашей работе находит применение более подробная классификация В.Н. Комиссарова, в которой различаются три типа трансформаций фразеологизмов: лексическая, грамматическая, комплексная. К лексическим трансформациям относится транслитерация, переводческое транскрибирование, калькирование и лексико-семантические замены. К грамматическим трансформациям принадлежат дословный перевод, грамматические замены и членение предложения. Комплексные, или лексико-грамматические, трансформации, включают экспликацию (описательный перевод), антонимический перевод и компенсацию. [Комиссаров 1990].

Способы перевода пословиц и поговорок основываются на аналогичных принципах классификации, предложенной В.С. Виноградовым [Виноградов 1977]:

1. Полное соответствие (эквивалент);
2. Частичное соответствие (аналог);
3. Калькирование, при котором паремии воспроизводятся почти дословно;
4. «Псевдопословичное» соответствие;
5. Описательный перевод, состоящий в толковании, объяснении пословицы или поговорки.

Данная классификация находит применение в нашей работе при анализе перевода паремиологических единиц в творчестве Ч. Айтматова (третья глава диссертационного исследования).

Творчество Ч. Айтматова привлекало внимание многих ученых, занимавшихся проблемой перевода художественных текстов. Произведения писателя были переведены на разные языки: английский, немецкий, французский, румынский, японский, вьетнамский и другие [Курт 2016: 140]. Однако наиболее активно осуществлялись переводы с киргизского языка на русский и с русского на киргизский. Многие произведения, написанные автором на русском языке, впоследствии были переведены им самим на киргизский язык. Писатель-билингв в совершенстве владел данными языками, поэтому либо самостоятельно переводил свои произведения, либо с помощью переводчика, что позволяло сделать текст наиболее приближенным к оригиналу и сохранить национальный колорит каждого романа, повести или рассказа. Особенность творчества писателя-билингва заключается в том, что сфера национального «оказывается представленной единством генетически разнородных элементов мировой, общечеловеческой культуры, что... углубляет его смысловое пространство» [Софронова 1994: 163].

Исследованию особенностей перевода повестей, рассказов и романов Ч. Айтматова посвящены труды А.В. Новиковой, Н.К. Абдыракматовой, К.У. Кыдыева, Н.К. Курта, Ч.Т. Джолдошевой и других.

Ч.Т. Джолдошева подходит к ключевому выводу о процессе взаимного обогащения киргизской и русской литератур в процессе художественного перевода [Джолдошева 1977: 39]. Исследуя автопереводы Ч. Айтматова, исследователь подчеркивает, что «работа Ч. Айтматова над переводом собственных произведений – настоящая творческая работа, которая не только совершенствует стиль, обогащает образность языка, но дает богатый материал для обобщений в области теории перевода» [Джолдошева 1977: 115]. Особенности авторского перевода Ч. Айтматова подробно рассматриваются на примере повести «Материнское поле» (первоначальное название киргизскоязычного варианта – «Саманчынын жолу»). Проводится детальный литературоведческий и переводоведческий анализ

произведения: повесть «переведена емким, красочным, выразительным русским языком, в творческом процессе перевода родился удивительный стиль...» [Джолдошева 1977: 124]. Кроме того, в произведении «отчетливо проступают черты национального своеобразия киргизского и русского народов» [Там же: 129].

Монография Ч.Т. Джолдошевой «Киргизская проза в русских переводах» стала важной вехой в развитии отечественного переводоведения, в ней содержится уникальный материал, органично соединяющий литературоведческий и переводоведческий подходы. Проанализированы особенности автоперевода нескольких повестей Ч. Айтматова: «Первый учитель», «Материнское поле», «Прощай, Гульсары!» и других.

Анализируя тексты повестей «Первый учитель» и «Материнское поле», Ч.Т. Джолдошева отмечает, что авторские переводы на русский язык способствовали синтезу родственных художественных культур, обогатили творчество писателя, через авторские переводы эти произведения активно вошли в общесоюзный литературный процесс, во многом определили развитие жанра повести в советской литературе» [Джолдошева 1981: 149].

В процессе анализа авторского перевода повести «Прощай, Гульсары!» детально рассматриваются сюжетно-композиционные особенности произведения, его образная система. Ч.Т. Джолдошева использует прием параллельного перевода, сопоставляя фрагменты из русскоязычного оригинала и авторского перевода на киргизский язык индивидуально-авторских пословиц, изречений, афоризмов, что наглядно отражает характер переводческих трансформаций.

Особенностью авторского перевода повести «Ранние журавли» Ч.Т. Джолдошева считает усложнение стиля: «стиль киргизского автоперевода усложняется: удлиняются синтаксические периоды, несколько предложений объединяются в одно, усиливается метафоричность звучания, возрастает насыщенность фразеологизмами, идиоматическими выражениями, пословицами, идет замена нейтрального стиля эмоционально-экспрессивным. Авторские переводы воссоздаются во всем богатстве и разнообразии киргизского языка» [Джолдошева 1981: 159-160].

Ж.К. Бакашова в своем исследовании представила творчество Ч. Айтматова как эволюционирующую художественную систему, которая включает «ряд магистральных аспектов: природа художественной условности, средства и способы ее функционирования в художественном замысле, природа образов-характеров, их художественной целостности, стилевая система и стилистические особенности произведений писателя в реализации художественных функций языка» [Бакашова 1998: 6].

А.В. Новикова проанализировала киргизские реалии и их перевод в произведениях Ч. Айтматова и пришла к обоснованному выводу о том, что «по трудности перевода фразеологизмы занимают первое место. К фразеологизмам причисляют как идиоматику, так и фразеологические единицы пословичного типа (в том числе крылатые выражения, афоризмы), как образные (метафоричные) единицы, так и необразные сочетания» [Новикова 2006].

Среди способов перевода в творчестве писателя А.В. Новикова выделяет фразеологический и нефразеологический. При фразеологическом переводе подбираются эквиваленты, которые заимствовались из одного языка в другой или возникали вследствие общности человеческого мышления, близости отдельных моментов социальной жизни, трудовой деятельности, производства, развития науки и искусства. Например, *смел, как лев; петь, как соловей*. А.В. Новикова отмечает комбинированное использование самим автором разных способов перевода: «Сравнивая перевод самого автора и немецких и английских переводчиков, четко видно, что Ч. Айтматов использует все средства для максимально точного перевода. Он комбинирует описательный перевод, транскрипцию и калькирование, донося до читателя оттенки своего произведения, в отличие от иноязычных переводчиков» [Новикова 2006: 149].

В диссертационной работе Сардарбек кызы Нурайым были изучены переводческие трансформации в русских и киргизских переводах повестей Ч. Айтматова [Сардарбек кызы Нурайым: 2005]. В результате сопоставления переводных текстов автор приходит к выводу о том, что при переводе на русский язык происходит сокращение объема произведений, и это обусловлено

переводческими трансформациями, такими как развернутое описание природы, лирические отступления, речевые и портретные характеристики персонажей. Однако, несмотря на различие структурно-композиционных элементов, переводы остаются адекватными оригиналу, так как сохраняется целостность идейно-эстетического единства.

Лингвокультурологическая специфика переводов романа «И дольше века длится день» на материале немецкого и киргизского языков раскрыта в диссертационной работе Н.К. Абдыракматовой [Абдыракматова 2011]. Автор характеризует особенности межъязыковой транспозиции фразеологических единиц в данном произведении путем сопоставления фразеологических единиц в оригинале и в переводах на немецкий и киргизский языки. Н.К. Абдыракматовой удалось выявить национальное своеобразие транспозиции, которое обуславливается «...воздействием двух взаимосвязанных причин – номинационной традиции сопоставляемых языков и особенностей национального мировосприятия» [Абдыракматова 2011: 6].

Сопоставительный аспект изучения фразеологизмов в произведениях Ч. Айтматова представлен в диссертационном исследовании К.У. Кыдыева. Основное внимание автор сосредоточивает на семантической классификации фразеологических единиц, например, выделены группы ФЕ со значением качественной оценки человека и его поведения, психического состояния человека, эмоций и т.д. Большое внимание автор уделяет анализу межъязыковой фразеологической эквивалентности, а также безэквивалентных ФЕ с национальным своеобразием [Кыдыев 2000].

Таким образом, проблема перевода фразеологических единиц в художественном тексте в настоящее время является очень актуальной и рассматривается многими лингвистами. Отмечая сложность передачи фразеологизмов на другой язык, ученые предлагают различные способы перевода: подбор эквивалентов, фразеологические аналоги, лексическая замена, описательный перевод, калькирование. Перевод произведений Ч. Айтматова на разные языки постоянно находится в поле зрения исследователей, которые

анализируют эту проблему как в лингвистическом, так и в литературоведческом аспектах.

1.5. Проблема функционирования фразеологических единиц в художественном дискурсе

Как отмечают многие исследователи, в настоящее время большое внимание уделяется проблеме функционирования фразеологических единиц в художественном дискурсе: изучаются особенности индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов, анализируются функции фразеологических единиц в текстах, выявляется семантико-грамматическая принадлежность единиц, определяется роль фразеологизмов в идиостиле различных писателей. Данной проблеме посвящены труды известных фразеологов, таких как М.А. Фокина, Т.Ю. Третьякова, Ю.В. Архангельская, Н.Н. Захарова, Н.Г. Михальчук, О.В. Павлова, Е.А. Федоркина и других.

Исследуя проблему функционирования ФЕ в художественном повествовательном дискурсе, М.А. Фокина подчеркивает их полифункциональность, при этом основной выступает стилеобразующая функция, которая имеет «интегративный характер» и отражает «своеобразие идиостиля писателя, специфику его языковой личности, обладающей характерными способами использования образных средств, формирующих картину мира художника слова» [Фокина 2008: 10]. Стилeобразующая функция реализуется во взаимодействии жанрообразующей, текстообразующей и концептообразующей функций [Фокина 2008: 10-12].

Значимость ФЕ в художественном дискурсе определяется тем, что они «...способствуют успешному декодированию авторского замысла, так как передают доминантные текстовые смыслы, репрезентируют концептуальное содержание художественного текста, транслируют специфические черты языковой личности писателя» [Фокина 2008: 4].

Подробное исследование окказиональных трансформаций фразеологических единиц в художественном дискурсе проведено в трудах И.Ю. Третьяковой

[Третьякова 1993; 2011]. Автор основывает свою концепцию на том положении, что «каждая фразеологическая единица имеет преобразовательный потенциал различной степени активности, который реализуется в речи в соответствии с прагматическими целями, актуальными для носителей языка в каждой коммуникативной ситуации» [Третьякова 2011: 44]. При этом необходимо различать окказиональное моделирование фразеологизмов и окказиональную фразеологическую деривацию. Под окказиональным моделированием фразеологизмов понимается «...создание окказиональных вариантов и окказиональных фразеологизмов на основе фразеологической модели (языковой ФЕ) при сохранении и актуализации деривационных связей речевых образований с языковой фразеологической моделью» [Третьякова 2011: 9]. Окказиональная фразеологическая деривация, по определению И.Ю. Третьяковой, представляет собой «образование от языковых фразеологизмов их окказиональных дериватов – окказиональных фразеологизмов» [там же].

Представляет значительный научный интерес разработанная автором детальная классификация, включающая 10 типов трансформаций ФЕ, которая находит применение в нашей диссертационной работе [Третьякова 2011: 27-37]:

1. Расширение компонентного состава за счет включения окказиональных компонентов-расширителей.
2. Фразеологический эллипсис.
3. Замена компонентов ФЕ.
4. Контаминация ФЕ.
5. Модификация синтаксической модели ФЕ.
6. Сегментация ФЕ.
7. Образование окказиональных фразеологизмов по модели ФЕ.
8. Ролевая инверсия.
9. Двойная актуализация значения ФЕ.
10. Буквализация ФЕ.

Исследование функционирования фразеологизмов в творчестве русских писателей представляет собой актуальное направление современной лингвистики,

так как помогает глубже раскрыть специфику идиостиля каждого автора, выявить роль фразеологических единиц в формировании неповторимого художественного своеобразия писателей. В поле зрения ученых оказываются произведения Л.Н. Толстого, В.М. Шукшина, Е.И. Носова, М.А. Булгакова и других.

Семантические и структурно-семантические трансформации фразеологизмов в творчестве Е.И. Носова подробно охарактеризованы Е.А. Федоркиной, которая выявила способы авторского использования ФЕ и их композиционную роль в произведениях писателя [Федоркина 2006].

О.С. Дергилева посвятила свое диссертационное исследование анализу индивидуально-авторских приемов преобразования фразеологических единиц на материале художественных произведений М.А. Булгакова. В работе проведена детальная классификация индивидуально-авторских приёмов преобразования фразеологических единиц в произведениях М.А. Булгакова, рассмотрены некомбинированные приёмы преобразования фразеологических единиц, выявлены семантические и структурные модификации фразеологических единиц, подробно описаны крылатые выражения, литературные цитаты и паремии в художественных произведениях писателя [Дергилева 2009].

Фразеологизмы в творчестве Л.Н. Толстого глубоко исследованы в трудах Ю.В. Архангельской. Большое внимание автор уделяет проблеме вариантности фразеологических единиц в языке писателя с точки зрения функционально-параметрического подхода в исследовании фразеологизмов. Рассматривая актуальные вопросы изучения фразеологии в языке Л.Н. Толстого, Ю.В. Архангельская освещает взгляды писателя на язык как на материал словесного творчества и описывает типы варьирования фразеологических единиц и их функции в текстах писателя [Архангельская 2005].

Проблема роли фразеологических единиц в формировании идиостиля М.А. Булгакова исследуется в диссертационной работе Н.Г. Михальчук. Анализ частотности употребления ФЕ позволил автору прийти к выводу о большой значимости ФЕ в структуре художественного текста. Автор доказывает важную роль категориальной принадлежности фразеологических единиц в формировании

идиостиля писателя, устанавливая преобладание глагольных и адвербиальных фразеологизмов по сравнению с другими классами. Представляет большой интерес характеристика способов индивидуально-авторского преобразования фразеологических единиц в творчестве М. Булгакова. Яркой чертой идиостиля писателя являются трансформации узуальных ФЕ, которые придают повествованию парадоксальность и многоплановость [Михальчук 2002].

Диссертационное исследование Н.Н. Захаровой посвящено анализу особенностей использования фразеологических единиц в художественном тексте на материале произведений В.М. Шукшина. Одной из характерных черт идиостиля писателя является значительное преобладание разговорных ФЕ, что обусловлено субъективностью и эмоциональностью разговорной стихии, диалогической речи, лежащих в основе повествования. По мнению Н.Н. Захаровой, В.М. Шукшин использует преимущественно антропологическую фразеологию, выражающую различные ментальные и душевные состояния субъекта [Захарова 2017].

Комплексное исследование фразеологических единиц в художественной прозе русских писателей-народников на материале произведений Н.Н. Златовратского и А.И. Левитова проведено в диссертации Н.Н. Баскаковой. По нашему мнению, актуальность работы заключается в том, что творчество писателей изучается в сравнительно-сопоставительном аспекте, благодаря чему становится возможным выявить общие и дифференциальные черты в использовании фразеологизмов в художественном дискурсе, созданном двумя авторами, принадлежащими к одному литературному направлению [Баскакова 2010].

В диссертационной работе М.В. Ореховой проводится комплексное изучение семантических и грамматических свойств, функционирования и стилеобразующей роли ФЕ в романах Б. Зайцева. Как подчеркивает автор, «фразеология является мощным средством создания образности и ярким элементом идиостиля любого писателя, поэтому изучение текстообразующей функции ФЕ в произведениях разных авторов и накопление сведений об особенностях их использования разными

писателями необходимо, чтобы говорить о роли фразеологии в художественном тексте вообще» [Орехова 2009].

Таким образом, проблема функционирования ФЕ в художественном тексте представляет собой важное и актуальное направление в современной лингвистике. В многочисленных исследованиях освещается широкий круг проблем, связанных с определением роли и функций фразеологизмов, их взаимодействию с контекстом, а также с трансформациями фразеологизмов, созданию индивидуально-авторских единиц и т.д.

Выводы по первой главе

Изучение фразеологизмов в отечественном языкознании берет начало в трудах Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Потебни, А.А. Шахматова и других лингвистов, однако как самостоятельная наука фразеология сформировалась только в середине XX века. Весомый вклад в ее становление внес В.В. Виноградов, который сформулировал основные понятия фразеологии, разработал классификацию ФЕ.

На следующем этапе началось активное обсуждение важнейших проблем: определение фразеологизма и границ фразеологического состава, соотношение слова и компонента фразеологизма, классификация ФЕ и т.д. Формируются основные аспекты изучения фразеологизмов:

1. Фразеологическая семантика, анализирующая семантическую структуру ФЕ, семантические свойства, связи и отношения (Н.Ф. Алефиренко, А.М. Мелерович, В.П. Жуков и др.)

2. Фразеологическая грамматика, которая изучает структурно-грамматические свойства фразеологизмов, системную упорядоченность фразеологического состава (А.М. Чепасова, Н.М. Шанский, В.А. Лебединская и др.). Структурно-грамматические классификации основываются на соотношении семантико-грамматических свойств фразеологизмов с частями речи. В классификации А.М. Чепасовой выделяется 7 классов ФЕ, объединенных общностью категориального значения: предметные, процессуальные, призначные, качественно-обстоятельственные, количественные, модальные и служебные (грамматические).

3. Диахронический подход к изучению ФЕ, исследование этимологии фразеологизмов (В.М. Мокиенко, Р.Н. Попов, Н.М. Шанский и др.).

4. Фразеография – создание общих и аспектных словарей и справочников на материале одного или нескольких языков.

5. Лингвокультурологическое направление, в котором исследуется отражение культурно-исторических традиций народа в языке в целом и во фразеологии в частности. Теоретические основы лингвокультурологии были заложены в трудах В. Гумбольдта, Э. Сепира и др. В отечественном языкознании

сформировалось несколько лингвокультурологических школ под руководством Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова и др. Вопрос о статусе и определении лингвокультурологии остается дискуссионным, различные определения предлагают В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, В.В. Воробьёв, В.А. Маслова, Н.И. Толстой. Лингвокультурологический аспект фразеологии активно изучается представителями Московской школы под руководством В.Н. Телия.

6. Сопоставительное изучение фразеологизмов на материале родственных и неродственных языков. Выделяются два основных подхода в сопоставительном анализе фразеологизмов: диахронический (Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко и др.) и синхронический (А.В. Кунин, Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон, А.Д. Райхштейн и др.). Целью анализа является исследование семантических, лингвокультурологических и этносемантических особенностей фразеологических единиц в сопоставляемых языках, определение их аксиологической ценности, установление межъязыковых эквивалентов. Активно изучаются фразеологизмы с общим компонентом в разных лингвокультурах, определяется роль интегрального компонента в смысловой структуре фразеологизмов (Е.В. Кудина, Чжао Чжитян, Э.Л. Таукова и др.).

7. Переводоведческий подход к фразеологизмам. Проблема перевода ФЕ в художественном тексте является очень сложной и актуальной. Она освещается в трудах А.В. Кунина, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, В.С. Виноградова, И.В. Городецкой и др., которые выделяют различные типы соответствий ФЕ: фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги, описательный перевод, калькирование.

В нашей работе исследуются способы перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в творчестве Ч. Айтматова. Произведения писателя в переводоведческом аспекте были рассмотрены в работах Ч.Т. Джолдошевой, Ж.К. Бакашовой, К.У. Кыдыева, А.В. Новиковой и др.

8. Функционирование фразеологизмов в художественном дискурсе: рассматриваются стилистические функции ФЕ, авторские преобразования

фразеологизмов, роль и место ФЕ в жанрово-смысловой организации художественного текста (М.А. Фокина, Т.Ю. Третьякова, Ю.В. Архангельская, Н.Н. Захарова, Н.Г. Михальчук, О.В. Павлова, Е.А. Федоркина и др.).

Фразеология киргизского языка начала активно развиваться с 50-х г. XX века, до этого фразеологизмы фиксировались в лексикографических источниках как самостоятельные языковые единицы. Значительный вклад в исследование киргизских фразеологизмов внесли Ж. Шукуров, Ж. Осмонова, Ж. Мукамбаев, в трудах которых были определены основные понятия киргизской фразеологии и разработаны основы классификации фразеологических единиц. Многие последующие исследования были посвящены сопоставительному изучению киргизских фразеологизмов в сравнении с русскими, немецкими, английскими и другими языками (труды О.С. Абдыкаимовой, Н.М. Жумабековой, Ж.К. Секебаевой). А. Сапарбаев исследовал паремиологический фонд киргизского языка. В поле зрения современных исследователей также находятся проблемы перевода киргизских фразеологизмов (например, труды А.В. Новиковой). Теоретические исследования находят отражение в лексикографии, в составлении словарей и сборников киргизских фразеологизмов, пословиц и поговорок.

В целом киргизская фразеология представляет собой актуальную область языкознания, которая исследуется в различных аспектах, одним из которых является сопоставительное изучение фразеологического состава киргизского языка в сравнении с родственными и неродственными языками. Проблема функционирования фразеологизмов в художественном дискурсе является актуальной в современной лингвистике, так как фразеология представляет собой одно из основных средств формирования образности и служит важным компонентом идиостиля писателей.

Многие фразеологи исследуют особенности употребления фразеологических единиц в произведениях известных авторов: Л.Н. Толстого, В.М. Шукшина, М.А. Булгакова, Е.И. Носова и других. В поле зрения лингвистов находятся семантико-грамматические свойства фразеологизмов в художественных текстах, функции фразеологических единиц, их стилеобразующая роль в

творчестве писателей. Одной из центральных проблем является исследование трансформаций фразеологизмов на материале произведений различных писателей, создание окказиональных фразеологических единиц. В современных исследованиях раскрывается роль фразеологизмов в структурно-смысловой организации художественного текста, анализируется семантическое взаимодействие фразеологических единиц и контекста, определяются способы индивидуально-авторского преобразования ФЕ в художественном дискурсе.

Одним из важных направлений является перевод фразеологизмов в художественном тексте. С помощью правильного перевода происходит понимание национальных особенностей этносов, проникновение в другую культуру и ментальность народа. По мнению многих лингвистов, проблема перевода фразеологизмов вызывает особые трудности, что обусловлено сложной семантической структурой ФЕ, их структурно-грамматическими особенностями, ярким национальным колоритом.

В настоящее время существуют различные классификации способов перевода фразеологизмов. Большой вклад в разработку данной проблемы внес А.В. Кунин. В нашей работе находит применение классификация В.Н. Комиссарова, который выделяет три типа соответствий фразеологизмов: фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги, совпадающие по семантике и стилистической направленности, но имеющие другую образную основу, и кальки.

Таким образом, современная фразеология русского и киргизского языков представляет собой сложную, многоаспектную область языкознания, которая исследует фразеологический фонд языков в различных направлениях: в семантическом, грамматическом, лингвокультурологическом, сопоставительном и переводоведческом и функциональном аспектах.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИКО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКАХ (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)

2.1. Семантико-лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-наименованием домашних животных в русском и киргизском языках

2.1.1. Фразеологизмы с компонентами «баран/кочкор», «овца/кой»

Как показало проведенное нами сопоставительное исследование, фразеологизмы с компонентами «баран/кочкор» и «овца/кой» являются одной из многочисленных групп в сопоставляемых языках. Это связано, прежде всего, с важной ролью животного в сельском хозяйстве этносов: овца являлась источником питания, из ее шерсти изготавливалась одежда и предметы домашнего обихода. Лексемы «баран/кочкор» и «овца/кой» в русском и киргизском языках отражают дифференциацию наименований животного по полу. В лексическом значении зоонима «баран/кочкор» содержится сема «мужской пол», «овца/кой» – сема «женский пол». Поэтому для анализа нами привлекались оба наименования. Зоонимы имеют различное образное значение: баран в лингвокультуре обоих этносов символизирует упрямство, глупость; напротив, овца характеризует тихого, кроткого, безобидного человека.

Отмечено значительное преобладание киргизских фразеологизмов с компонентом «овца». Количественное соотношение ФЕ в двух языках представлено в табл. 1:

Таблица 1

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Овца/кой	27 (3,8%)	66 (10%)
Баран/кочкор	22 (3,09%)	6 (0,9%)

Как показано в таблице, ФЕ с компонентом «овца» в киргизском языке в два раза превышают количество ФЕ в русском языке. Это обусловлено следующими

экстралингвистическими факторами. В кочевой жизни киргизского этноса овца служила основным источником питания, мясо и внутренности животного широко использовались для приготовления различных блюд национальной кухни. В домашнем обиходе киргизского народа активно применялся прочный материал, сделанный из шерсти овцы – войлок, из которого изготавливались юрты, ковры и головные уборы, например, «ак калпак» (в переводе «белый колпак»), который носили мужчины.

В киргизской лингвокультуре имеются социокультурные традиции, связанные с животным. Так, из костей барана изготавливали амулеты, а небольшие косточки – *чукө* применялись в национальной киргизской игре «ордо». Согласно обычаям киргизского народа, в знак особого уважения для почетного гостя специально резали барана, что нашло отражение в пословице «*Конок «тойбодум» деbeit, «сойбоду» дейт* (букв.: гость не скажет «я не наелся», он скажет «не зарезали»).

К числу национальных традиций относится и принятое в киргизской культуре распределение членов социума по рангам с помощью устуканов (мясистые мослы, приготовленные при разделке бараньей туши). Как отмечает в своей монографии З.К. Дербишева, «каждый устукан имел определенное символическое значение, в соответствии с возрастными и гендерными критериями». Например, *куймулчак* (задний бараний курдюк) нужно было преподносить только женщинам, дочери или снохи должны были получать свои определенные устуканы. Таким образом, церемония распределения устуканов имела важное социокультурное значение, демонстрируя степень уважения к каждому члену коллектива. Нарушение правил этикета воспринималось как оскорбление: *Эрдик кылып кой сойду, иттик кылып төш тартты* (букв.: зарезав барана, оказал честь, но, подав грудинку, проявил свинство). Лингвокультурная основа данной пословицы связана с тем, что грудинка считалась исключительно женским устуканом, который принадлежал замужней дочери, и преподнести ее мужчине значило оскорбить его». [Дербишева 2017: 62-63].

В киргизской лингвокультуре выделяются национально специфичные ФЕ и пословицы, отсутствующие в русском языке. Например, поведение голодной овцы сопоставляется с поведением человека: *Ач киши урушчак, арык кой тырышчак* (букв.: голодный человек драчлив, тощая овца корезлива). В русском языке данное значение передается семантическими аналогами без компонента-зоонима: *Голодный укусил бы и камни; Голодный, что бешеный: во все двери суется*. Фразеологизм *кой үстүнө торгой жумурткалоо* (букв.: «соловей высиживает яйца на спине овцы») обозначает период благоденствия, изобилия (в русском языке аналог отсутствует).

Наряду со специфическими отличиями, нами обнаружено сходство в восприятии и использовании животного в обеих культурах.

1. Практическое использование шерсти животного нашло отражение в русских и киргизских поговорках: *«Ала койду бөлө кырккан жүнгө жарыбайт»* – «Кто пеструю овцу по частям стрижет, тот шерсти вдоволь не получит» - так характеризуется поведение корыстного человека, который ничего не получит из-за своей алчности. Аналогичная семантика передается русской пословицей *«Выгадал алтын, потерял рубль»*. Сравн. в русском языке: *баран без шерсти не живет; овцу стригут – баран дрожит (ожидание наказания, неприятностей); от стриженного барана шерстью не поживиться; с паршивой овцы хоть шерсти клок*.

2. Фразеологизмы с компонентами «овца/кой», «баран/кочкор» характеризуют человека по различным свойствам, поведению, отличаясь коннотативной окрашенностью. Овца обозначает человека смиренного, робкого, покорного, безответного: *конок койдон жоош* (букв.: гость смирнее овцы) – «о человеке, который в гостях должен есть все, что ему предложат»; *кой оозунан чөп албаган* – (букв.: такой смирный, что изо рта овцы травинки не возьмёт); *«боз койдон жоош, ак койдон аңкоо* (букв.: «смирнее серой овцы, проще белой овцы»). В русском языке: *(смирный, тихий, робкий) как овца; как овца на закланье – «безропотно, покорно»*.

Баран, напротив, наделяется такими отрицательными свойствами, как упрямство, непонимание и глупость, что находит отражение во фразеологизмах,

передающих максимальную степень признака человека: (*глупый*) как баран – «очень, до крайности, в высшей степени (о глупом человеке)», (*упрямый*) как баран – «очень, до крайности, в высшей степени (об упрямом человеке)», (*смотреть, уставиться*) как баран на новые ворота, (*смотрит*) как баран в гумно – «изумленно, ничего не понимая», *нашему барану ни в чем нету талану*. Лексема «баран» в русском языке является многозначной: наряду с основным значением (животное), присутствуют переносные значения, основанные на внешнем либо ассоциативном сходстве животного с человеком и реализуемые в предикативной функции. Например, внешний вид животного послужил основой формирования фразеологизма (*кудрявый, завитой*) как баран. Данным фразеологизмам присуща ироническая, неодобрительная коннотация.

Тождественное отношение к животному характерно и для киргизского народа. Поэтому в обеих лингвокультурах присутствуют семантические эквиваленты, основанные на сходной внутренней форме. Например, киргизская пословица *эки кочкордун башы бир казанга кайнабайт* (букв.: головы двух баранов не помещаются в одном казане) имеет эквивалентную паремию в русском языке: *две бараньи головы в один котел не лезут (что-нибудь, да торчит)*». Данные пословицы употребляются для характеристики конфликтной ситуации «ссора – брань – драка», в которой оказываются два конкурента, не желающие уступать первенство.

3. Семантико-лингвокультурологическое сходство выявлено также в ФЕ и паремиях, отражающих способ содержания баранов и овец в стаде: *стадо баранов* – «люди, которые не организованы, слепо, без рассуждений следуют за кем-либо»; *как бараны в стаде* – «о глупых людях, которые не способны к самостоятельным действиям»; *паршивая овца все стадо портит*. Аналогичные по семантике паремии присутствуют и в киргизском языке. Так, например, человек, который не может найти общего языка с другими людьми, сравнивается с овцой, отделившейся от стада: *Койдон бөлүнгөн котур эчки* (букв.: плешивая овца, отделившаяся от стада). Семантическим эквивалентом выступает фразеологизм *заблудшая овца* – «человек, который сбился с правильного жизненного пути».

4. Наличие пословиц, основанных на противопоставлении «овца/баран – волк», «пастух – стадо», что обусловлено условиями содержания и разведения овец: *Адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт* (букв.: человек мыслью не насытится, волк овцами не насытится); *Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел*; *Не что в лесу треицит, волк барана таицит*; *бөрү карыса да, бир койлук алы бар* (букв.: несмотря на старость, волк еще способен добыть овцу) – «о пожилом человеке, который еще может создать семью»; *И то бывает, что овца волка съедает*: *Смирная овца волку по зубам*; *Упрямая овца волку корысть*; *качкан кой – бөрүгө той* (букв.: если баран убежит из стада, то станет добычей волка), т.е. «если принимать решения необдуманно, можно потом очень сильно пожалеть». Противопоставление «волк – овца» послужило основой названия известной пьесы А. Островского «Волки и овцы», которое стало крылатым выражением в русском языке.

5. Образ пастуха служит символом защиты от опасности (пастух – стадо/овцы): *По ватаге атаман, по овцам пастух* (начальство – приказ – послушание); *кой семизи – койчудан* (букв.: состояние овцы, количество жира, зависит от пастуха) – «по результату будет видно, насколько хорошо работает человек»; *каков пастух, таково и стадо*.

6. Противоположное значение – отсутствие защиты от опасности – передается пословицами: *Плохо овцам, коли волк в пастухах*; «*волк не пастух, а свинья не огородник*»; *Молдо (койчу) көп болсо, кой арам өлөт* (букв.: Когда мулл (пастухов) слишком много, овцыдохнут погано (без покаяния), то есть «если слишком много ответственных, происходят неприятности, так как все надеются друг на друга» (сравн. в русском языке семантический аналог *У семи нянек дитя без глаза*)).

7. Образ волка ассоциируется с потенциальной опасностью. Так, императивное значение предупреждения выражено в киргизской пословице «*Бөрүгө кой кайтартпа*» – «Не поручай волку пасти овец», то есть не следует доверять ответственное дело ненадежному, опасному человеку. Аналогичное значение передается многими русскими фразеологизмами с различными

компонентами-зоонимами, имеющими сходную образную основу и тождественное инвариантное значение «дать доступ кому-либо туда, где он может причинить наибольший вред»: *пустить козла в огород, бросить щуку в реку, пустить лису в курятник, пустить волка в овчарню*.

8. Противопоставление «бедность – богатство» является основой пословицы *Миң койлууга карышкыр тийсе, бир койлуу бычак ала чуркаптыр* (букв.: на владельца тысячи овец волк напал, а владелец одной овцы с ножом побежал) – бедный человек с готовностью защищает свое имущество, в то время как богатый ничего не предпринимает. Сравн. в русском языке: *У богатого сто рублей лежит, а у бедного остальное бежит*.

9. Противопоставление «овца – ягненок»: *Айдаганы козулуу кой, ышкырыгы таи жарат* (букв.: гонит всего одну овцу с ягнёнком, а его свист дробит камни) – о человеке, который занимает незначительное положение, но очень много мнит о себе. В русском языке имеются семантические аналоги: *ишика на ровном месте; На грош амуниции, а на рубль амбиции; Гроша не стоит, а глядит рублем*.

Национально специфичными являются русские пословицы с компонентами «баран», «овца», сформированные на противопоставлении животных по полу. В структуре таких единиц присутствуют пары зоонимов, соотносительные по дифференциальным признакам «мужской пол» – «женский пол»: баран – овца, баран – ярочка. Например, значение «одинокость – женитьба», «жених и невеста» передается пословицами *хороша парочка, как баран да ярочка; жених да невеста парочка, что твой баран да ярочка; барану пара – овца*. В основе паремии *баран по дворам, а овцы по подворьям* лежит иное логическое основание: «соблазн – дурной пример».

Таким образом, сопоставительный анализ выявил наличие общих и национально специфичных фразеологизмов и паремий с компонентами «овца», «баран» в русском и киргизском языках. Сходным является символическое переносное значение образов овцы и барана, которые в обоих лингвокультурах связаны с тождественными признаками и свойствами человека; паремии, основанные на противопоставлениях «овца/баран – волк», «пастух – стадо».

Сходство образной основы фразеологизмов и паремий в обоих языках базируется на противоположности компонентов «овца – баран», «овца/баран – волк – пастух – стадо». В обеих лингвокультурах присутствуют семантические эквиваленты, основанные на тождественной внутренней форме, и семантические аналоги, в которых сходная семантика выражается ФЕ и паремиями без компонента-зоонима. Национально специфичными являются паремии, связанные с национальными традициями, одеждой и блюдами национальной кухни киргизского народа. Особенностью русского языка являются: наличие ФЕ, отражающих внешний вид человека; наличие паремий, основанных на противопоставлении животного по признаку пола и ФЕ с компонентом «баран», отражающих отрицательные свойства характера.

2.1.2. Фразеологизмы с компонентами «лошадь/жылкы», «конь/ат»

В русском и киргизском языках существуют специальные номинации для наименования данного животного по признаку пола. Зооним «лошадь/жылкы» в русском и киргизском языках служит как родовым наименованием, так и номинацией самки. Для обозначения животного мужского пола в русском языке преимущественно используется зооним «конь», в киргизском – «ат». Отмечено приблизительно равное количество ФЕ с названными зоонимами в обоих языках, так как лошадь широко использовалась в жизни обоих этносов:

Таблица 2

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Лошадь/жылкы	29 (4,07 %)	34 (5,17%)
Конь/ат	66 (9,27 %)	70 (10,64%)

В отличие от зоонима «конь», лошадь у русского народа ассоциируется с тяжелым, изнурительным трудом. В киргизском языке иное представление: лошадь воспринимается как верное, преданное, чистоплотное животное, у которого быстро меняется настроение. Зооним «конь/ат» в обоих лингвокультурах символизирует животное сильное, умное, «крылья хозяина», выступает как верный друг воина и

джигита. Все названные ассоциации служат основой для образования фразеологизмов.

В жизни русского и киргизского народа лошадь издавна занимала очень важное место, однако использовалось это животное в разных целях. Основным занятием русского этноса было земледелие, поэтому лошадь применялась прежде всего как тягловое животное для проведения сельскохозяйственных работ, перевозки грузов, а также для перемещения людей в телегах, санях, каретах и т.д.

Киргизский этнос издревле вел кочевой образ жизни, что обусловило активное использование лошади в качестве основного средства для передвижения верхом. Широкое распространение получили спортивные игры и состязания джигитов, воины-всадники участвовали в боевых сражениях. Национальная кухня включает большое количество блюд из мяса лошадей, которое считается деликатесом, а также из внутренностей животного (например: *казы, чучук, карта*). О важном значении животного в жизни киргизского народа свидетельствует национальный обычай обязательно включать лошадей в калым (подарки для родственников невесты), который демонстрировал богатство жениха.

Проведенный нами сопоставительный анализ позволил выявить семантико-лингвокультурологические сходства и различия исследуемых фразеологизмов.

Назовем отличительные особенности киргизских фразеологизмов:

1. Национальной особенностью киргизской культуры является широкое распространение спортивных игр и состязаний с участием всадников: *улактартыш* – состязание между двумя командами всадников, борющихся за тушу козла; *кыз-куумай* – (догони девушку) – соревнование между юношей и девушкой, скачущих на лошадях; *тыйын эңмей* – состязание на ловкость между джигитами, которые должны на полном скаку поднять с земли монету или флажок. Спортивные игры с участием джигитов послужили источником фразеологизмов *ат салышуу* (пускать лошадей на скачки) – «соревноваться»; *ат байгелүү болсун* (пусть конь займет призовое место) – «пожелание хозяину коня выиграть на скачках».

Например: *Ал мени менен ат салышкандай абалга келе элек, тынч жүрсүн* – «Он не достиг того возраста, чтобы соревноваться со мной».

Верховая езда в жизни киргизского этноса всегда являлась важнейшим умением и мужчин, и женщин: *ат токур* – (человек, который будет седлать коня) – «мальчик, который будет ездить верхом на лошади». Фразеологизм *кырк жылкы* – «сорок лошадей» связан с обычаем отдать за невесту калым - сорок лошадей: «*Эмне төрөдү? Ат токурбу же кырк жылкыбы?*» (Кто родился? Мальчик или девочка?).

Умение искусно ездить верхом также отражается во фразеологизмах *аттын кулагы менен тең ойноо* (играть наравне с ушами коня) – «отлично ездить верхом»; *ат жалына казан асуу* – (букв.: разжечь костер на гриве коня, чтобы приготовить еду) – «умение есть на ходу, сидя верхом на лошади»; *ат арытуу* (букв.: заставить коня уставать) – «отправляться в долгий путь». Например: *Алыска ат арытып, кабар жибергенди тыйышсын!* – (букв.: «Пусть они прекращают отправлять людей в дальнюю дорогу!»). *Аттын кулагы менен тең ойноор элек, азыркы балдар негедир бошоң* (букв.: Когда-то мы были искусными наездниками, а сейчас джигиты какие-то слабые).

2. Наличие устойчивых составных наименований лошадей, передающих особенности их передвижения, степень выносливости и другие физические качества, например: *жорго ат* – «лошадь, которая настолько медленно ходит, что можно даже уснуть, сидя на ней»; *бедөө ат* – «конь бедуина», т.е. очень выносливый конь (лошади бедуинов отличались наибольшей выносливостью, так как жили в пустыне).

3. Фразеологизмы могут передавать пространственно-временную семантику. Например, местоположение в пространстве обозначается фразеологизмом *ат чабым жер* – «место, где устраиваются скачки» (расстояние от 5 км и более, в соответствии с возрастом лошадей): *Айылдан узап бай Жакып, Ат чабым жерге арыптыр* (букв.: Бай Жакып удалился от села на расстояние места для скачек). Фразеологизм *тай чабым жер* – «место, где устраиваются скачки для молодых лошадей в возрасте от полутора до двух лет» обозначает сравнительно небольшое расстояние. Способность фразеологизмов с компонентом *ат/жылкы* в киргизском языке передавать временное значение обусловлена многовековыми наблюдениями

киргизов за жизнью и поведением лошадей. Например: *ат тезегин кургатпай* (букв.: не давая высохнуть конскому навозу) – «о небольшом промежутке времени»; *бээ саам* (букв.: промежуток времени между дойками кобылы) – «отрезок времени около полутора часов» (букв.: кобыл доят каждые полтора часа). Время с июля по октябрь в киргизском языке обозначается фразеологизмом *ат кара тил болгондо* (букв.: время, когда у лошади чернеет язык), так как летом и осенью на пастбищах много травы.

4. В киргизской культуре традиционно существует очень тесная связь между конем и его владельцем, так как конь постоянно сопровождал хозяина, был для него и верным другом, и надежным помощником, от которого в определенных жизненных ситуациях зависела жизнь человека. Это нашло отражение во многих фольклорных произведениях (например, эпос «Манас»), пословицах и поговорках: *Адашсаң атыңа ишен.* (букв.: Если заблудился, доверься коню); *Ата уулду билет, ат ээсин билет.* (букв.: Отец знает сына, а конь знает своего хозяина).

Русские фразеологизмы с компонентом *лошадь/конь* по своей семантике и образной основе имеют значительные семантические и национально-культурные отличительные особенности по сравнению с киргизским языком.

1. В русском языке образ лошади выступает прежде всего, как символ трудолюбия, добросовестной и нелегкой работы: *(работать) как лошадь* – «очень много, напряженно, до изнеможения», *рабочая лошадка* – «очень трудолюбивый человек, добросовестный работник», *ломовая лошадь* – «человек, который выполняет очень тяжелую, напряженную работу в течение длительного времени». Источником возникновения данных ФЕ послужило практическое использование животного в крестьянском хозяйстве, где лошадь использовалась для выполнения сельскохозяйственных работ.

2. ФЕ с компонентом «лошадь» в русском языке характеризуют максимальную степень проявления различных свойств и действий человека: *(ржать) как лошадь* – «очень громко», *(пить) как лошадь* – «очень, чрезмерно много», *(устать) как лошадь* – «очень сильно, до изнеможения». Данные

фразеологизмы связаны с размерами лошади и ее физиологическими особенностями.

3. Национально специфичными для русского языка также выступают фразеологизмы, имеющие ироническую, шутливую либо негативную коннотацию: *что конь, что кобыла; конь в пальто*.

Наряду с национальной спецификой каждого этноса, обнаружены сходные черты фразеологизмов.

1. Номинация человека по различным признакам: по внешнему виду, по особенностям характера, поведению, поступкам. В киргизском языке: *ат жалын тартуу* (букв.: тянуть коня за гриву) – «взрослеть»; *атка жеңил, тайга чак* (букв.: легкий для коня, впору для жеребенка) – «о человеке, который легок на подъем»; *атка мингенде эле кыйшык эле* (букв.: когда он сел на коня, сел криво) – «сразу было понятно, что из него ничего не получится»; *аттан-төөдөн түшкөндөй* (букв.: падать с коня) – «о неловком человеке»; *ат тердетпей* (букв.: не давая коню вспотеть) – «не стараясь что-либо сделать»; *жылкы мүнөз* (букв.: характер как у лошади) – «человек с изменчивым настроением». В русском языке: *быть на коне, не в коня корм, конь еще не валялся*.

2. Ассоциативная связь между образом всадника и человеком, занимающим высокое социальное положение: *(быть)на коне; на коне и под конем*. Всадник, сидящий верхом на лошади, ассоциируется с человеком, занимающим высокое социальное положение, обладающим властью, влиянием: *ат үстүндө* (верхом на лошади) – «человек, занимающий какую-либо должность»; *ат үстүнөн түшпөө* (не слезать с коня) – «занимать высокий пост»; *атка минер* (сидящий на коне) – «служащий, чиновник»; *аттын кашкасындай* (как белое пятно на лбу лошади) – «о знаменитом человеке». Например: *Ал дайыма ат үстүндө жүргөн неме* (букв.: это человек, у которого есть должность).

3. Прослеживается значительное сходство по отношению к данному животному в обеих лингвокультурах. Лошадь являлась незаменимым помощником в бытовой жизни, поэтому к ней относились заботливо и бережно: *Гладь коня мешком – не будешь ходить пешком; Погоняй коня не кнутом, а овсецом; Конь*

тощой — хозяин скупой; От хозяйского глаза и конь добрее; Ат, аттан кийин жат (букв.: ложись после коня, т.е. в любых обстоятельствах киргиз прежде всего накормит своего коня и позаботится о нем).

4. Уважительное отношение к старому животному, которое в паремиях обоих этносов выступает как символ жизненного опыта, ассоциируется с пожилым человеком, достойным уважения: *Старый конь борозды не портит; Старый конь мимо не ступит; Ат карыса чөп керек, адам карыса төр керек*. (Букв.: Старому коню нужно сено, а старому человеку – почетное место).

5. Семантическое тождество паремий, имеющих сходную образную основу. Например, киргизская пословица *Ашуудан ат алмаштырбайт* (букв.: На перевале коня не меняют) имеет структурно-семантический аналог в русском языке: *Лошадей на переправе не меняют*. Отличие между данными паремиями обусловлено экстралингвистическими факторами, особенностями рельефа: в Киргизии 90% территории составляют горы (отсюда лексема «перевал», а в России очень много рек, через которые нужно переправляться (лексема «переправа»).

Таким образом, фразеологизмы с компонентами «лошадь/жылкы» и «конь/ат» занимают важное место в языковой картине мира обоих этносов, что обусловлено экстралингвистически – высокой значимостью животного в повседневной жизни каждого народа. Это определило наличие фразеологизмов и паремий, в которых отражено заботливое, хозяйское попечение о животном. Сходство также выражается в номинации человека по различным признакам: по внешнему виду, по особенностям характера, поведению, поступкам. В образах коня и лошади ярко отразилось отношение социума к животному, которое использовалось в разных целях. Обнаружено семантическое тождество паремий, имеющих сходную образную основу.

Русские фразеологизмы с компонентами *лошадь/конь* по своей семантике и образной основе имеют существенные отличия от киргизских фразеологических единиц. Многие фразеологизмы и паремии являются национально специфичными, что связано с образом жизни этноса: оседлый – у русского народа, кочевой – у

киргизского народа. Национальной спецификой киргизского этноса является более тесная эмоциональная связь между конем и хозяином, в русской лингвокультуре лошадь ассоциируется с тяжелым физическим трудом, так как в крестьянском хозяйстве лошадь служила основной рабочей силой. В киргизском языке, в отличие от русского, существуют фразеологизмы, передающие пространственно-временное значение; составные наименования лошадей по масти, цвету шерсти и гривы, по особенностям их передвижения, степени выносливости, в то время как в русском языке такое значение передается, как правило, лексическими средствами. В единичных случаях наблюдается семантическое тождество паремий, имеющих сходную образную основу.

2.1.3. Фразеологизмы с компонентом «собака/ит»

Фразеологизмы и паремии с компонентом «собака/ит» составляют один из наиболее многочисленных разрядов и в русском, и в киргизском языках, что обусловлено экстралингвистическим фактором: собака – одно из первых животных, одомашненных человеком, которое широко используется в повседневной жизни различных этносов (см. табл. 3).

Таблица 3

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Собака/ит	120 (16,85%)	131 (19,91%)

Зооним «собака» в русском языке и лексема «ит» в киргизском языке употребляются в качестве родового наименования, при этом существуют отдельные наименования животного по полу, которые также выступают в качестве компонентов (например, пес). Сходство в восприятии животного человеком у русского и киргизского этносов обусловило наличие следующих общих семантико-лингвокультурологических особенностей.

1. Специфика семантики зоонима заключается в совмещении противоположной коннотации – положительной и отрицательной, что отразилось во фразеологизмах. С одной стороны, собака преданно служила человеку, выступала в роли охранника, сторожа, защитника. Например, в эпическом

произведении киргизского народа «Манас» собака Кумайык является верным другом и помощником главного героя по имени Манас. Позитивное, одобрительное отношение выражается в следующих языковых единицах: *жакишы ит* – *ээсинин көзү* (букв.: хорошая собака – глаза хозяина»); (*верный, преданный*) *как собака, собака – друг человека*.

Однако, с другой стороны, в поведении собаки люди наблюдали многие негативные качества – злобность, агрессивность, трусость, способность внезапно напасть и т.д. Эти качества проецировались на человека, что послужило образной основой фразеологизмов *ит болуу* (букв.: быть собакой) – «опозориться», *ит катары көрүү* (букв.: видеть в ряду собак) – «унижать», *ичине ит өлүү* (букв.: внутри умерла собака) – «замышлять что-либо недоброе», *ит билет!* (букв.: собака знает) – «откуда я знаю», *собаке под хвост, как собак нерезаных, ни одна собака и других*. Также: *Бешенная собака и хозяина кусает; Итти каппайт тебе, атты теппейт тебе* (букв.: Не думай, что собака не укусит и что лошадь не лягнет); *Иттер чогулса, жолборско да үрөт* (букв.: Если собак много, они могут накинуться и на тигра).

Негативно воспринимается свойство собаки лаять много и без причины: *Собака лает – ветер носит; брешет как собака; На смелого собака лает, а трусливого рвет; Жаман ит ууру кеткенден кийин үрөт* (букв.: плохая собака начнет лаять после того, как вор уже ушел с добычей).

2. Противопоставление «собака – палка», связанное с необходимостью обороняться от агрессивного животного: (*любит*) *как собака палку, Была бы собака, а камень (палка) найдется; Итти эркелетсең да таягыңды таштаба* (букв.: когда ласкаешь собаку, держи при себе палку).

3. Собака ассоциируется с человеком, который не умеет правильно вести себя, несдержан, груб и невоспитан: *Адеби жок жигит жүгөнү жок атка окшош, адеби жок аял кабаанак итке окшош*. (букв.: Невоспитанный человек как конь без узды, невоспитанная женщина как злая собака); *Айдай чырайыңды иттей кыялың бузат*. (букв.: Красивую внешность портит характер, как у собаки); *собака собакой*.

4. Наличие многочисленных сравнений с компонентом *собака*: (*голодный*) как *собака*, (*устал*) как *собака*, (*верный*) как *собака*, (*нужен*) как *собаке* *пятая нога*, (*любит*) как *собака палку*. Структурной собенностью киргизских сравнительных фразеологизмов является наличие компонента *иттей*, который образуется от слова *ит* с помощью словообразующего аффикса «-тей» и соответствует сравнительному союзу *как* в русском языке: *иттей оор жумуш* (букв.: тяжелая работа, как собака) – «очень тяжелая работа»; *иттей жакшы аба ырайы* (букв.: погода прекрасна, как собака) – «очень хорошая погода»; *мен иттей коп жумуш аткардым* (букв.: я, как собака, сделал много работы) – «я очень много работал». Фразеологические сравнения с компонентом *иттей* в киргизском языке, как и сравнения с компонентом «собака» в русском языке, выражают значение максимальной степени проявления признака или действия.

Таким образом, обнаружено значительное сходство в семантике ФЕ, что позволило с помощью метода сопоставительного анализа выделить несколько типов соответствий фразеологизмов с компонентом «собака».

1. Фразеологизмы в русском и киргизском языках могут быть эквивалентными, полностью совпадая по значению и образной основе, например: (*жить*) как *кошка с собакой* – *ит менен мышыктай*, *собаке собачья смерть* – *итке итче өлүм*. Однако такое явление наблюдается в единичных случаях.

2. Семантические аналоги выражают тождественное значение, но имеют разную образную основу, не совпадающий компонентный состав. Так, например, пословица *Ит суусу мурдуна жеткиче, сүзбөйт* – (букв.: Собака не поплывет, пока вода не дойдет до ее носа) имеет семантический аналог в русском языке *Пока гром не грянет, мужик не перекрестится* (нужно делать дело заранее, а не тогда, когда уже поздно). Пословица *Бөрү баласы ит болбойт*. (букв.: Волчонок не станет собакой) имеет семантический аналог в русском языке: *Сколько волка не корми, а он все равно в лес смотрит*. Пословица *Итке темирдин кереги эмне?* (букв. зачем собаке железо) образована по модели «предмет, который абсолютно, совершенно не нужен кому-либо» и в русском языке имеет несколько семантических аналогов, в том числе и основанных на иных компонентах-зоонимах: (*нужен*) как *собаке*

пятая нога, (нужен) как рыбе зонтик, (нужен) как щуке брюки. Пословица *Ит менен куда болсоң, жегени менен той бересиң* (букв.: «Если подружишься с собакой, то из ее пищи пир устроишь») имеет в русском языке семантический аналог *С собаками ляжешь, с блохами встанешь*.

Пословица *Итти сыйласаң, килемге чычат*. (букв.: Если будешь относиться к собаке как к гостю, то она нагадит на ковер) имеет семантический аналог, основанный на поведении другого животного, – свиньи, которое в русской лингвокультуре олицетворяет грубость, хамство и невоспитанность: *Посади свинью за стол, она и ноги на стол*.

3. Фразеологизмы, имеющие разную внутреннюю форму, могут передавать тождественное значение. Например, семантическая модель «животное отказывается от чего-либо, которого слишком много, в избытке» используется в киргизском фразеологизме *ити май жебеген* (букв.: собака, которая не хочет жира) – «о богатом человеке, у которого даже собака привередлива в еде» и в русском языке: *(денег) куры не клюют*.

4. Единичным типом соответствия является калькирование: русская пословица *собака лает – караван идет* возникла в результате калькирования пословицы *Ит үрөт – кербен жүрөт* (букв. собака лает, а караван идет).

Итак, семантическое сходство ФЕ с компонентом «собака» обусловлено различными лингвокультурологическими факторами.

В каждой лингвокультуре нами выделены национально специфичные фразеологизмы и паремии с компонентом «собака», характерные только для одного языка.

1. В киргизском языке имеются сравнения, передающие максимальную степень положительной оценки кого-либо или чего-либо: *иттей сулуу кыз* (букв.: красивая девушка, как собака) – «очень красивая девушка»; *иттей жакишы аба ырайы* (букв.: погода прекрасна, как собака) – «очень хорошая погода».

2. В отличие от киргизского языка, в русском языке более широко представлены фразеологизмы и паремии с двумя зоонимами – собака и кошка: *собака обжора, а кошка сластена; богат Мирошка, и животин собака да кошка*

и другие. Данная особенность обусловлена оседлым образом жизни русского народа, обязательным наличием в крестьянском хозяйстве и собаки, и кошки.

3. Отличительной чертой киргизского языка является наличие пословиц, отражающих национальные обычаи. Так, в современной речи часто используется пословица *Элдин кичиги болгуча, иттин күчүгү бол.* (букв.: Чем быть самым младшим в семье или в какой-то компании, лучше быть щенком). Она отражает традицию соблюдения иерархии в семье, при которой младший по возрасту должен всегда слушаться старших и беспрекословно выполнять любую работу, например, младшая сноха должна за столом наливать чай, убирать за всеми и т.д.

4. Представление о крайней бедности человека у киргизского народа выражается во фразеологизмах *итке минген* (букв.: сидеть на собаке) – о бедном человеке, у которого, кроме собаки, никого нет» и *үрүп чыгар ити жок* (букв.: «даже собаки нет, которая лаяла бы на прохожих).

5. Национальной особенностью киргизских фразеологизмов с компонентом *ит* является обозначение человека по внешнему виду, как правило, с негативной оценкой: *иттин чүкөсүндөй* (букв.: как альчик собаки) – «человек с горбом»; *иттин арткы шыйрагындай* (букв.: как задние ноги собаки) – «некрасивый»; *ийне жеген иттей* (букв.: как собака, проглотившая палку) – «очень худой».

6. В русском языке, в отличие от киргизского, человек номинируется не по внешним, а по внутренним качествам, по характеру, социальным свойствам и т.д., например: *ни одна собака, каждая собака, собака на сене.*

Выводы. Обнаружено значительное сходство в восприятии собаки у двух народов, что нашло отражение в резком преобладании негативно окрашенных единиц. По типам соответствий преобладают фразеологические аналоги, имеющие тождественное значение, но разную образную основу: киргизские фразеологизмы и пословицы содержат компонент «ит», а в русских единицах используются другие зоонимы. Яркой чертой сходства русского и киргизского языков является наличие многочисленных сравнений с компонентом *собака/ит*. Своеобразие каждого языка отражается в наличии национально специфичных фразеологизмов и паремий, связанных с особенностями образа жизни и быта каждого этноса. К отличительным

особенностям киргизского языка относится наличие фразеологизмов, обозначающих человека по внешнему виду; пословицы, отражающие национальные традиции; сравнения, передающие максимальную степень положительной оценки кого-либо или чего-либо. Спецификой русского языка является активное использование противопоставления «собака – кошка», редко встречающееся в киргизском языке.

2.1.4. Фразеологизмы с компонентом «верблюд/төө»

В результате проведенного исследования нами установлено, что фразообразовательная активность зоонима «верблюд» значительно выше в киргизском языке, так как это животное было широко распространено в жизни киргизского народа, использовалось как для перевозки грузов, так и для получения продуктов питания, шерсти и т.д.

Таблица 4

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Верблюд/ төө	6 (0,84%)	51 (7,75%)

Напротив, для русского народа верблюд является «экзотическим», малоизвестным животным, что обусловило низкую фразообразовательную активность лексемы. Фразеологические единицы с компонентом «верблюд» в русском языке, как правило, имеют ироническую, шутливую коннотацию. Так, в разговорной речи используются шутливые выражения *докажи, что ты не верблюд* – «о невозможности доказать очевидную необоснованность какого-либо обвинения»; *(откуда?) – от верблюда* – ироническая реплика-ответ *от верблюда* в ответ на вопрос «Откуда?», передающая насмешку по поводу полной неосведомленности говорящего. Формирование фразеологического значения происходит на основе сем, отражающих наиболее характерные внешние признаки животного: наличие горбов на спине, крупный размер, способность переносить очень тяжелые грузы и т.д.: *(навьюченный, нагруженный) как верблюд*; *(горбиться, горбатый) как верблюд*; *(плевать) как верблюд*.

Образ верблюда в киргизской лингвокультуре, напротив, сложен и многогранен, так как с давних пор это животное являлось незаменимым помощником в кочевой жизни киргизского этноса – служило средством передвижения, перевозки грузов, использовались шерсть и молоко животного. В языковом сознании киргизского народа верблюд представляется как умное, красивое животное. Данные экстралингвистические факторы способствовали возникновению многочисленных ФЕ (51 ед.). Все они являются национально специфичными, так как не имеют аналогов с данным компонентом в русском языке. Фразеологизмы отражают разнообразные признаки человека, его действия, внешний вид, характер. Например, для характеристики действия, совершенного быстро, без колебания, употребляется фразеологизм *жылаңач төөнү бучкакка чапкандай* (букв.: как ударить верблюда плеткой по бедру): при таком ударе верблюд побежит без остановки.

Фразеологизм *жылы төө болсо да* – (букв.: даже если он родился в год верблюда) характеризует человека, любящего похвастаться. Происхождение данного фразеологизма связано с тем, что в китайском календаре отсутствует год верблюда. Фразеологизм *төө бастыга алуу* – «куча мала» используется в ситуации, когда одному человеку противостоят несколько соперников. Образная основа данного фразеологизма определяется особенностями поведения верблюда весной: когда у животных начинается гон (брачный период), самцы бывают очень злыми, они могут затоптать человека. Фразеологизм *төө көрдүңбү – жок, бээ көрдүңбү – жок* (буквально переводится в форме диалога: «– Видел верблюда? – Нет. Видел кобылу? – Нет»).

Процессуальный фразеологизм *төө кыядан өтүү* (букв.: перейти верблюжий перевал) характеризует ситуацию, когда человек смог осилить какую-то сложную работу. В русском языке существует фразеологический аналог *гора с плеч*, то есть самая тяжелая часть работы уже позади.

Фразеологизмы с компонентом «верблюд» в киргизском языке передают временную семантику (отмечено три ФЕ). Фразеологизм *төөнүн куйругу жерге тийгенде* (букв.: когда хвост верблюда коснется земли) обозначает время или

действие, которых никогда не будет. В русском языке это значение выражается фразеологизмом с другим компонентом: *когда рак на горе свистнет*. Фразеологизм *Төөң ак тууду!* – (букв.: Твоя верблюдица родила!) обозначает, что скоро произойдет что-либо хорошее. Этимология фразеологизма связана с тем, что верблюдица носит детеныша очень долго, двенадцать месяцев, и рождение верблюжонка – очень радостное событие. Когда у беременной женщины запаздывают роды, то в шутку говорят: «Не ела ли верблюжатины?». Для обозначения осеннего периода времени используется фразеологизм *ак төөнүн карды жарылган* (букв.: «желудок белого верблюда разорвался») – время осени, когда собран урожай.

В киргизских ФЕ находят воплощение физические качества животного, его поведение, например, способность перевозить очень тяжелые грузы: *төө чечкендей болуу* – (букв.: «быть в таком состоянии, как будто разгрузил верблюда») – «сильно уставать». Фразеологизм *ботосу өлгөн ингендей* – (букв.: как верблюдица, потерявшая верблюжонка) – «сильно скорбеть» восходит к образу громко плачущей верблюдицы, потерявшей детеныша.

Верблюжонок в киргизской лингвокультуре считается красивым, и для того, чтобы подчеркнуть красоту девушки, употребляется ФЕ *бото көз* – «глаза, как у верблюжонка».

Таким образом, фразеологизмы с компонентом «верблюд/төө» характеризуются ярко выраженной национальной спецификой. Русские фразеологизмы в основном имеют иронически-шутливую коннотацию и очень малочисленны, так для русского народа верблюд является редким и практически не известным животным. Напротив, киргизские ФЕ многочисленны (более 50 единиц), имеют положительную коннотацию и разнообразную семантику: характеризуют внешний вид человека, психическое и физическое состояние, обозначают действия, отрезки времени и т.д. Причина высокой фразообразовательной активности зоонима заключается в экстралингвистических факторах: верблюд с давних пор широко использовался в кочевой жизни киргизского этноса, что привело к высокой степени изученности животного и

обусловило формирование многочисленных фразеологизмов, отражающих внешний вид животного, его физические свойства, поведение и т.д.

2.1.5. Фразеологизмы с компонентами «корова/уй», «бык/бука», «коза/эчки», «козел/теке», «свинья/чочко», «осел/эшек»

2.1.5.1. Фразеологизмы с компонентами «корова/уй», «бык/бука»

Фразеологизмы с компонентом «корова» занимают значительное место в русском языке, так как корова в жизни русского этноса издревле служила основным источником питания, из коровьего молока крестьяне изготавливали молочные продукты. Например: *Корова на дворе – харч на столе; Красна баба повоем, а корова удоем; Была бы коровушка, будет и молочко*. Внутренняя форма фразеологизма *дойная корова* базируется на семантическом признаке «дающая молоко», актуализированном из лексического значения зоонима и отражающем практическое использование животного. В киргизском языке, в отличие от русского, семантический признак «дающая молоко» служит основой формирования только одной пословицы: *Уйдун сүтү тилинде* (букв.: молоко коровы на ее языке), то есть сколько кормишь корову, столько молока она и даст. В русском языке тождественная семантика передается с помощью аналога – пословицы *Каков привет, таков и ответ*. Количественное соотношение фразеологизмов в двух языках представлено в табл. 5:

Таблица 5

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Корова/уй	39 (5,48%)	30 (4,56%)
Бык/бука	18 (2,53%)	12 (1,82%)

Таким образом, в процессе фразообразования участвуют зоонимы *корова* и *бык*, отражающие дифференциацию животных по признаку пола. Количественное соотношение ФЕ примерно одинаковое.

Проведенный анализ позволил выделить национально специфичные особенности ФЕ в русском и киргизском языках.

1. В русском языке ФЕ и паремии с компонентом *корова* имеют ироническую, шутливую оценочность: *Бодливой корове Бог рог не дает; Комолая корова хоть иишкою, да боднет; Не дуйся корова, не быть бычком; жрет, как корова; сидит, как на корове седло; как корова языком слизнула; как корова на льду и т.д.*

2. В киргизском языке имеются компаративные фразеологизмы с компонентом «корова/уй», которые являются национально специфичными и не совпадают по семантике с русскими единицами: *уй тилиндей* – (букв. как коровий язык) – характеристика чего-то небольшого; *уйдун бөйрөгүндөй* (букв. как коровья почка) обозначает раздробленность, разобщенность народа или племени. Фразеологизм основан на сопоставлении с внешним видом коровьей почки, которая состоит из небольших частиц. Для сравнения с большим количеством чего-то или кого-то используется компаративное сочетание *уй түгүндөй* (букв.: как коровья шерсть). Наряду с национально специфичными ФЕ, отмечен единичный пример фразеологического аналога: *уйга килем жапкандай* (букв.: как будто корову укрыли ковром) – человек в плохо сидящей одежде. В русском языке существует фразеологический аналог (*сидит*) *как на корове седло*, который имеет тождественную семантику и сходную образную основу.

3. Особенностью киргизского языка являются паремии с двучленной структурой: первая часть пословицы – наблюдение над повадками животного, вторая – сопоставление с характером или действиями человека (животное – человек), например: *Жаман инек музоочул, жаман катын төркүнчүл* (букв.: плохая корова тянется к телёнку, плохая жена – к своим родственникам). В основе пословицы лежат семейные традиции киргизского этноса, согласно которым замужняя женщина считалась членом другой семьи, поэтому ей запрещалось часто посещать родительский дом. Также: *Уй сыйпаганды билбейт, жаман сыйлаганды билбейт* (букв.: корова не оценит ласку, плохой человек не оценит уважение). Аналогичную структуру имеет пословица *Уйду мүйүзүнөн, адамды сөзүнөн карма* (букв.: держи корову за рога, а человека за слова): человек должен выполнять свои обещания, в противном случае следует об этом напомнить.

4. Образной основой киргизских паремий выступает сопоставление коровы с неодушевленным предметом, отвлеченным понятием либо с другим животным (животное – неодушевленный предмет/отвлеченное понятие/другое животное) : *Уйга жүгөн салабы, көнгөн адат калабы* (букв.: разве на корову узду накинешь, разве от привычки отвыкнешь). В русском языке существует семантический аналог *Горбатого могила исправит*. Для обозначения состояния крайне бедного, нищего человека используется пословица *Уй байлаарга жиби жок, үрүп чыгаар ити жок* (букв.: нет веревки, чтобы привязать корову, нет собаки, которая могла бы полаять на прохожих). *Өгүз баштаса – өлөңдүү сазга, инек баштаса – ийри жарга* (букв.: если стадо пойдет за волом – окажется в болоте, а если за коровой – на обрыве) – надо выбирать хорошего вожака, иначе все окажутся в опасности.

Наряду с зоонимом *корова*, в обоих языках имеются фразеологизмы и пословицы с компонентом *бык/бука*, по количеству значительно уступающие первому зоониму (см. таблицу) имеющие яркую национальную специфику. В киргизском языке они характеризуют поведение человека: *Бука мүйүздүү уйдун сүтү болбойт, уй мүйүздүү буканын күчү болбойт* (букв.: у коровы с бычьими рогами молока мало, у быка с коровьими рогами силы мало); *Буканын жаманы музоого теңтуш* (букв.: глупый бык дружит с телятком) – о человеке, который еще не повзрослел.

В русском языке образ быка ассоциируется с силой, крепким здоровьем: *здоров как бык; Силен как бык, а смирен как корова*. В крестьянском хозяйстве бык использовался для получения мяса: *Был бы бык, а мясо будет*. Образная основа паремий может включать сопоставление быка с телятком, коровой, кобылой: *Бык да теля (кобыла) – одна ровня. Купил мужик корову, а вышел бык. Чей не будь бык, а теленок наш*.

Некоторые паремии с компонентом *бык* в киргизском языке имеют аналоги в русском языке, в которых отсутствует компонент-зооним. Например: *Бука жокто – торпок бий* (букв.: когда нет в стаде быка, стадом правит бычок). Сравн. в русском языке: *Свято место пусто не бывает. Буканын өзү карыса да, мурду карыбайт* (букв.: если даже бык старый, то его нос не состарится); сравн. в русском

языке: *Есть еще порох в пороховницах. Өгүз өзүн мактайт* (букв.: Вол сам себя хвалит); сравн. в русском языке: *Овсяная каша сама себя хвалит* (не нужно самому себя хвалить, пусть это сделают другие). *Өгүз өлбөсүн, араба сынбасын* (букв.: лишь бы вол не помер и телега осталась целая); сравн. в русском языке: *Моя хата с краю, ничего не знаю*.

Таким образом, зооним *корова* имеет большую фразеобразовательную активность по сравнению с лексемой *бык*, что обусловлено практической ценностью животного в жизни обоих этносов. Отличительные особенности сопоставляемых единиц выражаются в несовпадении семантики и различной синтаксической структуре паремий. Выявлены семантические аналоги среди паремий, которые передают тождественное значение, но имеют несовпадающую образную основу.

2.1.5.2. Фразеологизмы с компонентами «коза/эчки», «козел/теке»

Коза в крестьянском хозяйстве русского народа широко использовалась как источник питания и пуха, в то время как в быту киргизского этноса это животное было менее распространено, что нашло отражение в количественном соотношении фразеологизмов: в русском языке зафиксировано в два раза больше ФЕ с компонентом «коза» по сравнению с киргизским (см. табл. 6):

Таблица 6

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Коза/ эчки	32 (4,49%)	16 (2,43%)
Козел/теке	16 (2,25%)	15 (2,28%)

В лексической системе русского и киргизского этносов существуют дифференцированные наименования животного по признаку пола: коза – эчки, козел – теке. Образы козы и козла в каждой лингвокультуре устойчиво связаны с представлениями об определенных качествах характера человека: коза (киргизский язык, перен.) – «шустрая, шумная, болтливая женщина»; в русском языке «коза (перен.)» – «резвая, бойкая девочка или девушка». Образ козла в обоих лингвокультурах имеет резко негативную коннотацию: козел (киргизский язык,

перен.) – «шустрый, вонючий, гулящий (о мужчине)»; в русском языке «козел (перен., прост., бранн.)» – «подлый, злобный, вредный, неприятный человек».

В русском языке, в отличие от киргизского, зоонимы «коза» и «козел» выступают в составе фразеологизмов, обозначающих негативные свойства или действия человека: *отставной козы барабаничик, драть как сидорову козу, пустить козла в огород, на козе не подъедешь* и других, которые являются национально специфичными для русского этноса. В киргизском языке фразеологизмы-наименования человека с данными компонентами отсутствуют.

Зоонимы «коза», «козел» активно употребляются в пословицах и поговорках обоих этносов. Отмечается национальная специфичность данных языковых единиц – несовпадение по семантике и образной основе.

Пословицы русского народа отражают такие качества козы, как непослушный характер, своеволие, упрямство, склонность к воровству, трудность содержания в домашнем хозяйстве: *От прыткой козы ни забор, ни запор; Не учи козу, сама стянет с возу. Козел в представлении русского человека не представляет никакой практической ценности: Как от козла – ни шерсти, ни молока.*

Для русского языка характерно наличие пословиц с двумя компонентами-зоонимами: коза (козел) – волк: *Коза с волком тягалась – рога да копыта остались; Звал волк козу на пир, да коза нейдет; А дело бывало: и коза волка съедала.* Образная основа таких единиц построена на антонимическом противопоставлении двух животных, находящихся в отношениях хищника и жертвы, что проецируется на человеческие взаимоотношения.

Структура русских пословиц, как правило, является двучленной, включая отношения «причина – следствие», «животное – человек», «действие – следствие»: *Любовь зла – полюбишь и козла; Козел да приказный — бесова родня; Козла сколько ни корми, а он все в огород лезет.*

Образ козы в языковом сознании киргизского народа ассоциируется с поведением вздорной, крикливой, своенравной женщины: *Катын эрке болсо, эрине теке болот* (букв.: если жена избалована, она для мужа своего козлом становится,

т.е. командует им); *Шакылдаган катынды үй чечкенде көрөбүз, бакылдаган эчкини суу кечкенде көрөбүз* (букв.: на крикливую бабу посмотрим, когда будет разбирать юрту, на крикливую козу посмотрим, когда она будет переходить реку).

Киргизские пословицы включают две структурно-смысловые части, в которых сопоставляется поведение животного и человека или животного и неодушевленного предмета. Наблюдается смысловое несовпадение пословиц по сравнению с русским языком, например: *Эчки өлөрүндө койчунун таягына сүйкөнөт, ыйлар бала атасынын сакалы менен ойнойт* (букв.: перед смертью коза играет с тростью пастуха; ребенок, который будет наказан, играет с бородой отца): «если кому-то не нравится то, что ты делаешь, нужно уметь вовремя остановиться». *Эчки эгиз тууп койдон ашпайт, дарыя ташып тоодон ашпайт* (букв.: козы, принося по два козленка, не станут больше овец, реки, выходя из берегов, не превзойдут горы), то есть каждый должен знать свои возможности. Хитрость козы отражена в пословице *Эчки жаан жааганда – койдун бакыры, күн тийгенде анын баатыры* (букв.: когда идет дождь, коза, как бедный родственник овцам, когда солнечно – герой), то есть в холодную погоду коза греется среди овец, а в солнечную – ей никто не нужен.

Таким образом, фразеологизмы и паремии с компонентами *коза* и *козел* в обоих языках имеют устойчивую негативную коннотацию, обусловленную характером и поведением животного. Специфика русского языка заключается в наличии пословиц с двумя зоонимами (коза – волк), а также в наличии фразеологических единиц, обозначающих человека и отсутствующих в киргизском языке (национально специфичные ФЕ). Наблюдается сходство грамматической структуры паремий в русском и киргизском языках, однако образная основа и семантика не совпадают.

2.1.5.3. Фразеологизмы с компонентом «свинья/чочко»

Характерной особенностью русского языка, в отличие от киргизского, является большое количество фразеологизмов с компонентом «свинья», что обусловлено широким распространением животного в крестьянском хозяйстве. Во

фразеологических словарях русского языка зафиксировано 15 фразеологических единиц с компонентом «свинья», также отмечено большое количество пословиц и поговорок (30). Напротив, в киргизском языке имеется только один фразеологизм – *чочко такалоо* (букв.: подковыривать свинью), то есть заниматься бесполезным, пустым делом.

В русской лингвокультуре образ свиньи ассоциируется с негативными качествами человека – нечистоплотностью, глупостью, неблагодарностью, обжорством, поэтому все ФЕ выражают резко негативную коннотацию: *подкладывать свинью, как свинья в апельсинах, метать бисер перед свиньями, свинья в ермолке, к свиньям собачьим, на свинье не объедешь, (грязный) как свинья, свинья неблагодарная* и других.

Пословицы и поговорки с компонентом «свинья» характеризуют поведение, поступки неблагодарного, глупого, непорядочного человека, не умеющего себя вести. Пословицы имеют двучленную структуру, включая две противопоставленные смысловые части: *В людях Илья, а дома свинья. Прост, как свинья, а лукав, как змея. Посади свинью за стол, она и ноги на стол. Курице не тетка, свинье не сестра.*

2.1.5.4. Фразеологизмы с компонентом «осел/эшек»

В лингвокультуре и русского, и киргизского этносов осел выступает, прежде всего, символом упрямства, которое является главным недостатком животного, поэтому упрямых и глупых людей сравнивали с ослом. Названные качества животного послужили основой национально специфичных фразеологизмов: в русском языке – *(упрямый, глупый) как осел; Осел на осле, дурак на дураке*; в киргизском языке – *эшектин мээсин жеген* (букв.: съевший мозг осла) – «об очень глупом и упрямом человеке»; *Эшекти отко айдаса, бокко качат* (букв. «осла гонят к траве, а он идёт к обедкам»).

В кочевой жизни киргизов осел активно использовался как выючное и верховое животное. Достоинством осла считается выносливость и способность долгое время обходиться без пищи, в отличие от лошади. Однако упрямый характер

животного определил негативное отношение к нему, которое выражается в национально специфичных фразеологизмах и пословицах, передающих реалии жизни и быта киргизского этноса. Например, фразеологизм *эшек такалоо* (букв.: подковыживать осла) обозначает «ничего не делать». Известно, что ослы имеют более жесткие копыта, чем лошади, поэтому их не нужно подковыживать, следовательно, данное занятие считается пустой тратой времени. Состояние бездействия в русском языке передается фразеологическими аналогами, имеющими иную образную основу: *считать ворон, бить баклуши* и т.д.

В киргизском языке осел ассоциируется с неблагодарным и ленивым человеком: *Эшек семирсе ээсин тебет* (букв.: если осел становится упитанным, то он лягает хозяина), то есть не нужно делать добро тому, кто этого не оценит. *Эшектин жүгү жеңил болсо, жатак (же жаталак) болот* (букв.: насколько легок груз осла, настолько он ленится).

Несмотря на определенную практическую пользу, в качестве домашнего животного ослы представляли незначительную ценность: *Эшеги – бир теңге, токуму – миң теңге* (букв.: сам осел стоит 1 рубль, а седло – 1000); *Эшек барга саналса да, малга саналбайт* (букв.: осел хоть и считается животным, но не воспринимается, как домашний скот); *Эшек баксаң ардактап тулпар болбойт* (букв.: сколько ни заботься об осле, все равно не станет скакуном).

Некоторые паремии имеют тождественное значение, но различную образную основу, связанную с национальными условиями жизни и быта каждого народа. Например, пословица *эшегине жараша акыры* (букв.: каков осел, таковы и ясли) в русском языке имеет соответствия *Каковы сами, таковы и сани, Каков Мартын, таков у него и алтын*, которые включают национально специфичные компоненты «сани» и «алтын».

В русском языке, в отличие от киргизского, имеются фразеологизмы, восходящие к литературным источникам: *буриданов осел* – «очень нерешительный человек» (по имени французского философа Буридана) и *валаамова ослица* – «безропотный, покорный человек, который неожиданно для всех решился высказать свое мнение» (фразеологизм имеет библейское происхождение).

Итак, в обеих лингвокультурах осел устойчиво ассоциируется с глупым и упрямым человеком, кроме того, в киргизском языке воплощает и другие негативные качества. Активное использование данного животного в быту кочевого киргизского народа обусловило значительное преобладание фразеологизмов и паремий с этим зоонимом в киргизском языке. Несмотря на сходное символическое значение зоонима в обоих языках, фразеологические эквиваленты отсутствуют, однако выявлены фразеологические аналоги и национально специфичные единицы.

Таблица 7

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Эшек/осел	4 (0,61%)	9 (1,4%)

Таким образом, в результате статистического анализа было выявлено количественное соотношение ФЕ с наименованиями домашних животных, представленное на приведенной диаграмме. Наблюдается приблизительно равное соотношение ФЕ в русском и киргизском языке: наибольшую продуктивность в обоих языках проявляют зоонимы собака, конь, лошадь, овца. Однако обнаружено значительное расхождение у зоонимов «верблюд» и «свинья», которые являются национально специфичными только для одного этноса.

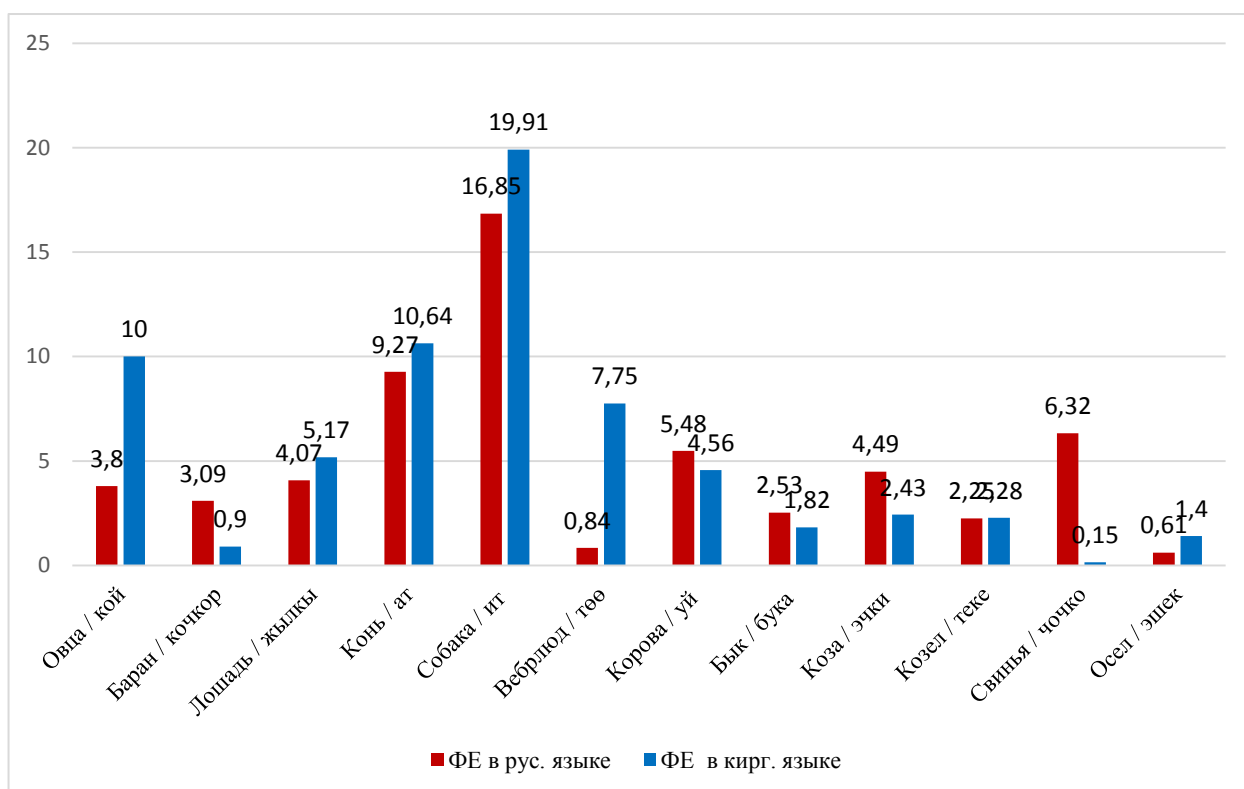

Рис. 1 Фразеологизмы с компонентом-наименованием домашних животных

2.1.6. Фразеологизмы с компонентом-наименованием диких животных в русском и киргизском языках

Состав зоонимов данной группы существенно отличается в русском и киргизском языках вследствие наличия внешних факторов – особенностей климата, рельефа, растительности и т.д.

На территории Киргизской Республики, которая на 90% состоит из гор, представлены такие виды диких животных, как снежный барс, медведь, волк, лиса, рысь, олень, косуля, архар, марал и многие другие. Некоторые животные у киргизского этноса считаются тотемными. Согласно преданиям, киргизский народ состоит из сорока племен, и у каждого существует свое тотемное животное, например, у племени *бугу* – олень. Согласно легенде, Мать-Олениха на рогах принесла из Алтая на берег реки Енисей мальчика и девочку, от которых берет начало племя *бугу*. Тотемным животным племени *ак илбирс* (снежный барс) является снежный барс.

В составе русских и киргизских фразеологизмов употребляется ограниченное количество наименований диких животных, из них наиболее представлены лиса, заяц, волк и медведь, повадки и свойства которых хорошо изучены человеком.

Зоонимы *лиса/түлкү*, *волк/карышкыр*, *медведь/аюу* и *заяц/коён* обладают меньшей фразообразовательной активностью по сравнению с наименованиями домашних животных, поэтому данные животные устойчиво ассоциируются с каким-либо одним признаком, например: лиса – хитрость, заяц – трусость.

2.1.6.1. Фразеологизмы с компонентом «лиса/түлкү»

Фразеологизмы с компонентом *лиса* в русской лингвокультуре обозначают хитрого, лукавого человека, который способен обмануть, солгать (*Лиса Патрикеевна*, *старая лиса*, *лисий хвост*), а также поступки, поведение такого человека: *пустить лису в курятник*, *прикидываться лисой*; *Лиса семерых волков проведет*; *Лиса врет, на свой хвост шьет, да оба изверились*; *Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает*. В русских пословицах, в отличие от киргизских паремий, часто присутствует противопоставление «лиса – курица – курятник», так как известно, что лиса часто охотится на кур: *Лиса спит, а кур видит*; *Волк овец не соберет, лиса кур не оборонит*; *Тут волк в пастухах, а лиса в птичниках* и другие.

В киргизской лингвокультуре образ лисы также связан с хитростью: *Арстандай күчүң болсо, түлкүдөй куулукту үйрөн* (букв.: если ты силен, как лев, то научись быть хитрым, как лиса); *Кары түлкү капканга түшпөйт* (букв.: Старая лиса не попадет в капкан).

Таблица 8

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Лиса/ түлкү	14 (1,97%)	29 (4,41%)

Преобладание ФЕ в киргизском языке связано с большой значимостью охоты на лис: отличительной особенностью киргизских паремий является то, что большинство из них основано на ассоциации медведь» «лиса – охота – добыча», так как киргизы часто охотились на лис, чтобы получить ценный мех: *Көп*

жойлогон куу түлкү, колго түшпөй койчу эмес (букв.: много рыскающая лисица когда-нибудь попадется в руки, в ловушку); *Алгыр болсо тайганың, алтындан алып каргы так, ала албаса түлкүнү, айлансын аштан, башка чап* (букв.: если твоя охотничья собака ловит добычу, то надень на нее ошейник из золота, а если не может поймать даже лису, то пусть собака не надеется на еду); *Ар бир жердин түлкүсүн өзүнүн уучусу ууласын* – (букв.: пусть охотится на лису свой охотник, не приезжий); *Жаман иттин чычкысы түлкү кууганда келет* (букв.: плохая собака хочет в туалет в то время, когда она гонится за лисой); *Мокок бычак, түлкү албаган бүркүт – баары бирдей* (букв.: и тупой нож, и беркут, который не может поймать лису – все одинаковые); *Сокур ит аксак түлкүдөн үмүт кылат.* (Букв.: слепая собака надеется, что поймает хромого лису).

Таким образом, национальная специфика паремий с зоонимом *лиса/түлкү* обусловлена образом жизни народов: у русского этноса лиса в первую очередь ассоциируется с кражей кур, так как крестьяне вели оседлый образ жизни, занимались разведением домашних птиц и животных; в быту киргизского народа охота занимала более важное место, поэтому преобладают паремии, связанные с охотой на лис.

2.1.6.2. Фразеологизмы с компонентом «медведь/аюу»

Таблица 9

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Медведь / аюу	19 (2,67)	17 (2,58%)

Как следует из полученных нами данных, количество ФЕ с компонентом «медведь» приблизительно совпадает, так как данное животное распространено в лесах России и Киргизии. Однако в русской лингвокультуре образ медведя представлен более ярко и многогранно, он является одним из наиболее популярных персонажей русских народных сказок, зооним входит в состав многих пословиц, поговорок и фразеологизмов. Медведь выступает как олицетворение силы, неуклюжести: *(сильный, здоровый) как медведь; Медведь неуклюж, да дюж; (неповоротливый) как медведь; медвежья услуга*; является объектом охоты: *делить шкуру неубитого медведя*. В русских пословицах, в отличие от киргизских,

отражены характерные повадки животного, например, медведи любят мед и ягоды: *У медведя девять песен, и все про мёд. Медведя бояться, так ягод не видать.* С другой стороны, медведи опасны и неуживчивы: *Медведи — плохие соседи. Два медведя в одной берлоге не уживутся.*

В киргизском языке медведь ассоциируется с неуклюжим, некрасивым мужчиной: *Үңкүр да болсо үйүм бар, аюу да болсо эрим бар* (букв.: Хоть и пещера, но у меня есть дом; хоть и похож на медведя, но у меня есть муж). В русском языке существует семантический эквивалент, имеющий иную образную основу: «Не тесаны стенки, да свое жилье, Хоть и плох муженек, да затулье мое: Завалюсь за него, не боюсь никого». Образ медведя у киргизского этноса связан с понятием опасности, возможных неприятностей: *Токойдо аюу, үйдө өгөй эне* (букв.: В лесу – медведь, дома – мачеха). Аналогичное представление присутствует и в языковом сознании русского народа: *С медведем дружись, а за ружье держись.*

2.1.6.3. Фразеологизмы с компонентом «волк/карышкыр»

В лексической системе обоих этносов прослеживается аналогия в номинации волка. Лексема «волк» в русском языке выступает в качестве общего, родового наименования, которое способно обозначать животное любого пола, хотя имеется и зооним «волчица», включающий в свою семантическую структуру дифференциальную сему «женский пол». Отметим, что в образовании фразеологизмов участвует только зооним «волк». В киргизском языке, напротив, присутствуют лишь общие наименования животного: *карышкыр* и *бөрү*. Количественное соотношение ФЕ в сопоставляемых языках приблизительно одинаково:

Таблица 10

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Волк/карышкыр	65 (9,13%)	75 (11,4%)

Образ волка в языковом сознании обоих этносов наделяется сходными чертами. Во-первых, волк устойчиво ассоциируется с овцой, которая часто становилась его добычей, поэтому семантической основой паремий часто является

противопоставление «волк – овца»: *Адам ойго, бөрү койго тойбойт* (букв.: человек не насытится мечтами, а волк не насытится овцами). В русском языке: *Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; пустить волка в овчарню; волки и овцы* и другие.

Во-вторых, волк может выступать как символ чуждого, враждебного человеку животного: *Бөрү баласы ит болбойт, бөтөн бала өз болбойт*. (Букв.: Волчонок никогда не станет собакой, а чужой ребенок – родным). Семантическим аналогом в русском языке выступает пословица *Сколько волка не корми, все равно он в лес смотрит*.

В-третьих, волк становился объектом охоты из-за ценного меха: *Бөрү атар уулду бөркүнөн тааны, журт баатар уулду сөзүнөн тааны*. (букв.: Охотника на волков узнавай по его шапке, джигита, что возглавит народ – по его речам).

2.1.6.4. Фразеологизмы с компонентом «заяц/коён»

Образ зайца в обоих лингвокультурах в первую очередь ассоциируется с трусостью: (*трусливый*) как *заяц, коён жүрөк* (букв.: аячье сердце) – о трусливом человеке; *Коең көлөкөсүнөн коркот* (букв.: Заяц боится даже своей тени).

Таблица 11

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Заяц/ коён	15 (2,11%)	21 (3,19%)

Кроме того, в языке нашла отражение способность зайца перемещаться с большой скоростью, что послужило основой формирования многочисленных паремий в обоих языках: *Санаа коендон да күлүк* (букв.: мысли, думы, переживания быстрее зайца); *Коёндун аягын жегендей*. (букв.: как будто ел заячьи лапы) – о человеке, который не может сидеть на одном месте; *заяц трус – и тот охотиться любит*; *Ашыкпаган араба менен коёңго жетет* (букв.: кто не торопится, даже на телеге догонит зайца). Семантическим аналогом данной пословицы в русском языке выступает паремия «Тише едешь – дальше будешь».

В единичных случаях наблюдается калькирование фразеологизмов: *Эки коёнду кууган бирин да кармай албайт* (Букв.: тот, кто гонится за двумя зайцами,

ни одного не поймает). Данная пословица появилась в киргизском языке путем калькирования пословицы «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь».

Выводы. В результате исследования было установлено, что среди наименований диких животных в обоих языках наиболее продуктивным является «волк». Приблизительно равное количество ФЕ образуют наименования «лиса», «медведь» и «заяц» (см. рис. 2):

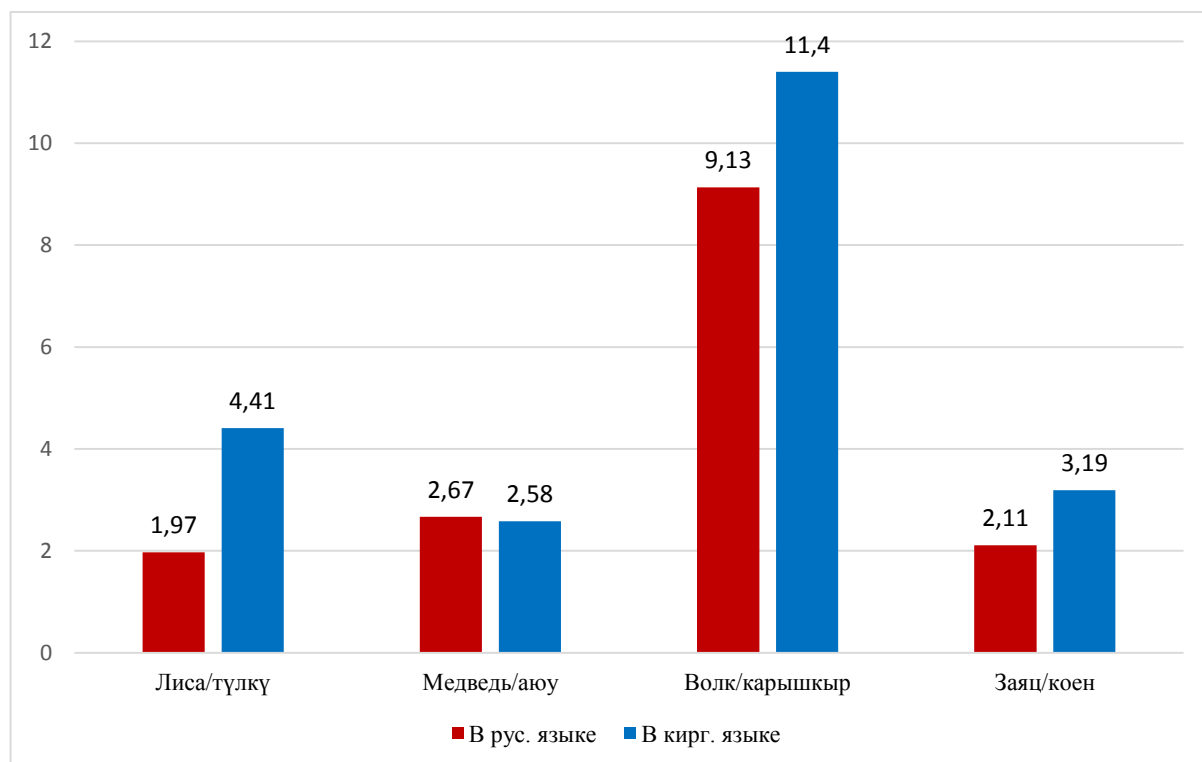

Рис. 2 Фразеологизмы с компонентом-наименованием диких животных

Образы диких животных в русской и киргизской лингвокультурах имеют значительное сходство, наблюдаются тождественные или близкие ассоциативные связи между определенным животным и человеком: заяц – трусость, лиса – хитрость и коварство, волк – хищность, опасность. Образ медведя в языковом сознании русского этноса предстает как более сложный и многогранный, что обусловлено экстралингвистическими факторами – широким распространением этого животного в лесах, рядом с жильем человека. Семантической универсалией является противопоставление «волк – овца».

В то же время отмечены расхождения, которые главным образом связаны с внешней формой выражения семантики фразеологических единиц, пословиц и поговорок, с наличием различной образной основы. Отличительной особенностью киргизских паремий является то, что большинство из них основано на ассоциации «лиса – охота – добыча», в то время как для русского языка характерно противопоставление «лиса – курица – курятник», что обусловлено образом жизни каждого этноса. Отмечено существенное отличие образа медведя у русского и киргизского этноса, связанное с различной степенью изученности животного.

2.2. Семантико-лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-наименованием птиц и насекомых в русском и киргизском языках

2.2.1. Семантико-лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-орнитонимом

В киргизской и русской лингвокультурах значительное место занимают фразеологизмы с компонентом-орнитонимом, т.е. с компонентом-наименованием птиц. Это обусловлено экстралингвистическими факторами: различные виды птиц играют важную роль в жизни и русского, и киргизского народов.

В пословицах и фразеологизмах данных языков используются наименования домашних и диких птиц: *карга* (ворона), *бүркүт* (орел), *шумкар* (сокол), *тоок* (курица), *сагызган* (сорока) и другие. Данные орнитонимы имеют различную фразеобразовательную активность, формируя от одной до нескольких фразеологических единиц и пословиц.

Высокую частотность в составе фразеологизмов проявляют обобщенные наименования: *птица/куш* и *птенец/балапан*. В русском языке выделяются многочисленные фразеологизмы, которые номинируют человека по социальному положению: *птица высокого полета*, *птица низкого полета*, *важная птица*, *невелика птица* и другие. Например, *птица высокого полета* – «человек, который занимает видное, высокое общественное положение, обладает властью, влиянием».

Однако киргизские фразеологизмы, в отличие от русского языка, имеют иную образную основу: *ит-кушка жем болуу* (букв.: стать пищей собак и птиц) – «погибнуть на чужбине», *куш тилиндей* (букв.: как язык птицы – «о маленьком размере», *балапан жуну бата элек*, *балапан тугу тушө элек* (букв.: пока птенец еще не оперился) и другие. Эквивалентные фразеологизмы желторотый птенец – *сары ооз балапан* в обоих языках полностью идентичны по семантике и по образной основе: они выражают тождественное значение – «очень молодой, неопытный в жизни человек; человек, не разбирающийся в чем-либо» и образуются на основе омонимичного словосочетания, называющего только что вылупившегося птенца с характерной ярко-желтой окраской краев клюва, которая привлекает внимание птиц-родителей.

2.2.1.1. Фразеологизмы с компонентами «ворон/ворона/карга»

Многочисленную группу в обоих языках образуют пословицы и фразеологизмы с компонентами *ворон* и *ворона* (см. приведенную ниже таблицу), причем существенно преобладают русские ФЕ, что связано с большей распространенностью птицы в русской природе. В русском языке данные лексемы дифференцируются для номинации двух разновидностей птицы. Ворона – «птица отряда воробьиных средней величины, с черным или серо-черным оперением» [Словарь современного русского литературного языка: 1991]. Данный орнитоним также используется для метафорической номинации рассеянного, невнимательного человека, которая служит образной основой фразеологизмов *считать ворон*, *ловить ворон*, *ртом ловить ворон* – «быть невнимательным, рассеянным». Например: «Не успел он начертить окружность, как его уже тянет наверх в село пить чай, шататься, пустословить. – Я сейчас приду – говорит он, закуривая. – А ты тут пока, чем так стоять и считать ворон, принес бы на чем сесть, да подмети» [Чехов 1982: 290].

Таблица 12

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Ворон, ворона/ карга	48 (6,74%)	26 (3,95%)

Орнитоним *ворон* называет «крупную птицу отряда воробьиных с блестящим синевато-черным оперением» [Словарь современного русского литературного языка: 1991]. Ворон в языковом сознании русского этноса ассоциируется с чем-либо мрачным, недобрым, зловещим, предвещающим беду или смерть. В киргизском языке образ ворона имеет тождественное символическое значение – «зловещий, предвестник чего-либо недоброго, связанный с темными силами, смертью». Карканье воронов означает наступление холодов: в зимний период многие птицы улетают на юг, а вороны остаются. Неприятный голос человека в русском языке передается через сравнение с карканьем: (*каркает*) как ворона.

Негативные ассоциации возникают на основе внешнего вида птицы и образа жизни: вороны обитают в труднодоступных местах, в густой, непроходимой лесной чаще: куда ворон костей не заносил – «очень далеко, в труднодоступные места (отправить, загнать и т.п.), который используется в качестве угрозы, предостережения кому-либо. Например: «Я тебя, говорит, мальчишку, в острог: я тебя, куда ворон костей не заносил; в двадцать четыре часа в мелкий порошок изотру, в бараний рог согну, на поселение сошлю!» [Гончаров 2008, с. 65].

Яркой внешней особенностью ворона является блестящее черное оперение, что послужило основой сравнения цвета волос человека с оперением птицы: (*черный*) как ворон, (*черный*) как вороново крыло. ФЕ белая ворона сформирована на основе оксюморона.

ФЕ с компонентом ворон в киргизском языке по семантике и образной основе отличаются от русских фразеологизмов. Отметим следующие национальные отличия.

1. В киргизском языке орнитоним *карга* служит одновременно обозначением обеих разновидностей птицы – ворона и вороны. Образ вороны воплощается в национально специфичных фразеологизмах, пословицах и поговорках: *жалгыз карга бокко тойбойт* (букв.: одинокая ворона навозом не насытится (нужна компания); *менин колума да карга чычар* (букв.: и на моей улице будет праздник (букв. и на мою руку ворона нагадит); *каргадай жетим* (букв.: одинокий, как ворона (сиротка, малый ребёнок-сирота); *каргадай болгон алтын баш*

(фольклорное) (букв.: золотая голова – как ворона одинокая, беззащитная головушка).

2. В киргизском языке существуют национально специфичные паремии, связанные с образом жизни птицы, цветом оперения, способом добывания пищи: *бөрү жарды, кузгун тойду* – «волк задрал, ворон насытился (концов не найдёшь, виновного нет; виноваты волк да ворон»); *кузгундай көзүн кызарткан, куу сакалын чубалткан* (фольклорное) (букв.: (старик) с красными, как у ворона (т.е. со старчески слезящимися) глазами, с большой белой бородой). Согласно легендам киргизского народа, человек, который съел глаз ворона, проживет очень долго: *кузгундун көзүн жедимби?* (букв.: что я, глаз ворона съел, что ли? (что так долго живу?))» – (говорит несчастный старик, уставший от жизни). Образ ворона ассоциируется со смелым мужчиной: *бул өрөөндө эркек карга жалгыз сен эмессиң* (букв.: в этой долине ты не один ворон) – «в этой долине не ты один смельчак»; *эркек каргача чокчоңдойт* или *эркек каргадай чокчоңдойт* (букв.: мужчина петушится, как ворон). Сравнение *каргадай кезинде* (в детстве) характеризует возраст человека.

2.2.1.2. Фразеологизмы с компонентом-наименованием

хищных птиц «беркут, орел, сокол, ястреб, кречет»

В русском и киргизском языках имеются различия в наименовании хищных ловчих птиц. В русской лингвокультуре существует более подробная дифференциация разновидностей данных птиц: *орел, беркут, сокол, ястреб, кречет*. В киргизском языке лексема «шумкар» обозначает три вида небольших ловчих птиц: *сокол, кречет, ястреб*. Лексема «бүркүт» номинирует более крупных птиц: орел и беркут.

Национальная специфика киргизской фразеологии ярко выражена в большом количестве ФЕ с компонентами-названиями хищных птиц: в РЯ 27 ФЕ, в киргизском – 39 ФЕ. Причиной этого являются экстралингвистические факторы. Охота с хищными птицами служила одним из важнейших источников пищи и товаров для торговли. Киргизия обладает значительными малонаселенными горными территориями, поэтому здесь особенно была распространена ястребиная

охота, известная в течение трех с половиной тысячелетий. Наиболее высоко ценились беркуты – зоркие, быстрые и бесстрашные ястребы, способные выследить животное с огромной высоты, которые ценились на вес золота и стоили столько же, сколько породистые лошади. Каждый знатный человек должен был уметь охотиться с беркутом. Белый сокол отображен в государственном гербе Киргизии.

В киргизской лингвокультуре существует детальная классификация, согласно которой выделяются тринадцать видов ловчих птиц – кречетов: *байбактуу шумкар* – кречет с заметными волосками на ногах, *күйкө шумкар* (самый ценный кречет), *кара шумкар* – кречет с черным оперением, *мойноктуу шумкар* – кречет со светло-серой отметиной на шее, *ак шумкар* – белый кречет и другие. Среди беркутов различалось множество видов и подвидов: *чөл бүркүтү* – беркут, обитающий в пустыне; *калбыр канат*, *муз мурут* – беркут, обитающий высоко в горах; *тоо комдот* – самый крупный беркут и т.д.

Орлы и соколы-кречеты широко упоминаются в поэзии, эпосе и легендах народов Средней Азии. Тюркские названия кречетов употреблялись в качестве личных родовых имен выдающихся героев, военных вождей. В устном народном творчестве киргизов беркут олицетворяет бесстрашных воинов и военачальников.

Образ беркута воплотился в многочисленных фразеологизмах и поговорках: *бүркүт карыса, чычканчыл болот* (букв.: беркут, состарившись, становится мышеловом (в молодом и зрелом возрасте он берёт лисицу, волка и т.п.); *Шодокондун бүркүтүндөй* (букв.: как беркут Шодокона) – «о жадном, алчном человеке»; *Шодокондун бүркүтүндөй болбо* (букв.: не жадничай чрезмерно (по преданию, беркут Шодокона держал в левой лапе одну лисицу, в правой – другую, в клюве – третью и жадно смотрел на пробежавшую мимо четвертую). *Бүркүт алжыса кулаалы менен дос болот* (букв.: беркут, состарившись, подружится с кречетом). *Бүркүтчүнүн үйүнөн эт кетпейт, жылкычынын үйүнөн ат кетпейт* (букв.: у человека с беркутом дома всегда есть мясо, у табунщика – лошади).

Среди хищных птиц особое место занимает стервятник – хищная птица семейства ястребиных, которая питается падалью. Образ стервятника в сознании

киргизов связан с образом ворона, так как между этими птицами наблюдается значительное сходство: они питаются падалью, вызывают резко негативные эмоции у человека. Поэтому в киргизской паремиологии данные наименования используются в составе ряда устойчивых выражений одновременно: *как эткен карга*, *кук эткен кузгун жок* (букв.: нет ни каркающей вороны, ни стервятника, который издает звук «куррр») (о полной тишине); *карга-кузгунга жем болуу* (букв. стать пищей ворон и стервятников) – «погибнуть на чужбине».

В русском языке наименования хищных птиц как правило, выступают в составе компаративных фразеологизмов с компонентом «как»: *как орел*, *как сокол*, *как ястреб*, *как коршун*, а также в составе паремий.

2.2.1.3. Фразеологизмы с компонентами-орнитонимами

«курица/тоок» и «петух/короз»

Таблица 13

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Курица тоок	35 (4,92%)	12 (1,82%)
Петух/короз	21 (2,95%)	5 (0,76%)

Орнитонимы *курица/тоок* и *петух/короз* в русском языке проявляют более высокую фразообразовательную активность, так как эта птица в крестьянском хозяйстве служила одним из основных источников питания. Русские фразеологизмы характеризуют человека по отрицательным качествам и поведению: *мокрая курица*, *как курица лапой*, *курам на смех* (крайне бессмысленно, нелепо), *слепая курица*, *носит как курица с яйцом*. В пословицах часто присутствует ассоциация «курица – яйцо»: *Пропадай яйцо, а не курица!* *Курица по одному яйцу носит. Не там курица яйцо снесла, где кудахчет*. В киргизском языке отсутствуют семантические соответствия среди русских фразеологизмов, однако можно отметить наличие национально специфичных пословиц, не имеющих аналогов в русском языке. Например: *Сары ала тоок саман чачат, өз айыбын өзү ачат*. (букв.: рыжая курица, разбрасывая солому, раскрывает свои проделки) – «перед тем, как что-то говорить, надо хорошенько подумать».

Образ петуха в обоих лингвокультурах ассоциируется с человеком заносчивым, тщеславным: *как индейский петух; гамбургский петух. Үйдө короз, тышта жөжө.* (букв.: дома – петух, на улице – цыпленок) – о человеке, который может быть сильным только среди своих, а среди чужих – трус. В русских и киргизских фразеологизмах отразилась наиболее характерное свойство петуха – с помощью громкого пения подавать сигнал о наступлении определенного времени: *первые (вторые, третьи) петухи* – «об определении времени по троекратному пению петухов в полночь, перед зарей, на заре». *Ар жердин корозу бирдей кыйкырат* (букв.: все петухи мира кричат одинаково). *Беймаал кыйкырган короздун, башын жулуш керек (кесмек парыс)* (букв.: надо отрубить голову петуху, который кричит не вовремя).

2.2.1.4. Фразеологизмы с компонентами-орнитонимами «куропатка/чил, перепелка/бөдөнө, сорока/сагызган, кукушка/күкүк, сова/үкү, соловей/булбул, утка/өрдөк»

Таблица 14

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Перепел/бөдөнө	6 (0,84%)	5 (0,76%)
Сорока/сагызган	14 (1,97%)	3 (0,46%)
Кукушка/күкүк	13 (1,83%)	55 (0,76%)
Сова / үкү	16 (2,25%)	4 (0,61%)
Соловей/булбул	23 (3,23%)	12 (1,82%)
Утка/өрдөк	11(1,54%)	2 (0,3%)
Гусь/каз	14 (1,97%)	4 (0,61%)

В киргизской фразеологической картине мира более широко, чем в русском языке, представлены ФЕ с компонентами-наименованиями диких птиц, редко встречающихся в природе. Так, орнитонимы *куропатка/чил* и *перепелка/бөдөнө* в русском языке не входят в состав фразеологизмов, однако в киргизском языке зафиксированы единицы *бөдөнөнүн сүтү* (букв.: молоко перепелки (спиртосодержащий напиток); *чилдей тароо* (букв.: бежать враспынную, как куропатки (о людях).

Отмечены несовпадающие образные ассоциации в языковом представлении образов сороки, совы, соловья.

Образ сороки в русском языке устойчиво связан с представлением об излишней болтливости: (*трещать*) как *сорока* – «неодобрительная характеристика человека, который слишком много говорит». А в киргизском языке сорока ассоциируется с жадностью, непостоянством: *сагызган сактыгынан өлбөйт, суктугунан өлөт* – (букв.: сорока умирает не от осторожности, а от жадности); *сагызган* (перен.) (о человеке) – «непостоянный». Сорока – птица небольшого размера, что отразилось во фразеологизме *сагызган изи кар* (букв.: тоненький слой снега (настолько тонок, что на нем остается только след сороки)).

Сова в русской лингвокультуре олицетворяет мудрость (*мудрый как сова*), в киргизской – выступает как символ удачи: *үкүнүн уясын табуу* (букв.: найти гнездо совы (о большой удаче). Национально специфичными для киргизской лингвокультуры являются также фразеологизмы *күн тийген жердин күкүгү* (букв.: «кукушка, которая поет, где солнце» (об эгоисте); *кой үсүтүнө торгой жумурткалоо* (букв.: соловей вьет гнездо на спине овцы) – «время, когда урожай собран, все сыты». В русской фразеологии соловей олицетворяет человека с очень красивым голосом – (*поет*) как *соловей*.

Орнитоним «утка» в обеих лингвокультурах связан с представлением об обмане: *пустить утку* – «распространять ложные слухи», *беш өрдөгүн учуруу* (букв.: пускать пять уток) – «обманывать».

На приведенной ниже диаграмме (рис. 3) представлено количественное соотношение фразообразовательной продуктивности наименований птиц. В русском языке орнитонимы в большинстве случаев проявляют более высокую активность. Наибольшее количество ФЕ образуют лексемы «ворона/ворон», «курица», «петух», «соловей», номинирующие широко распространенных в природе и в домашнем хозяйстве птиц.

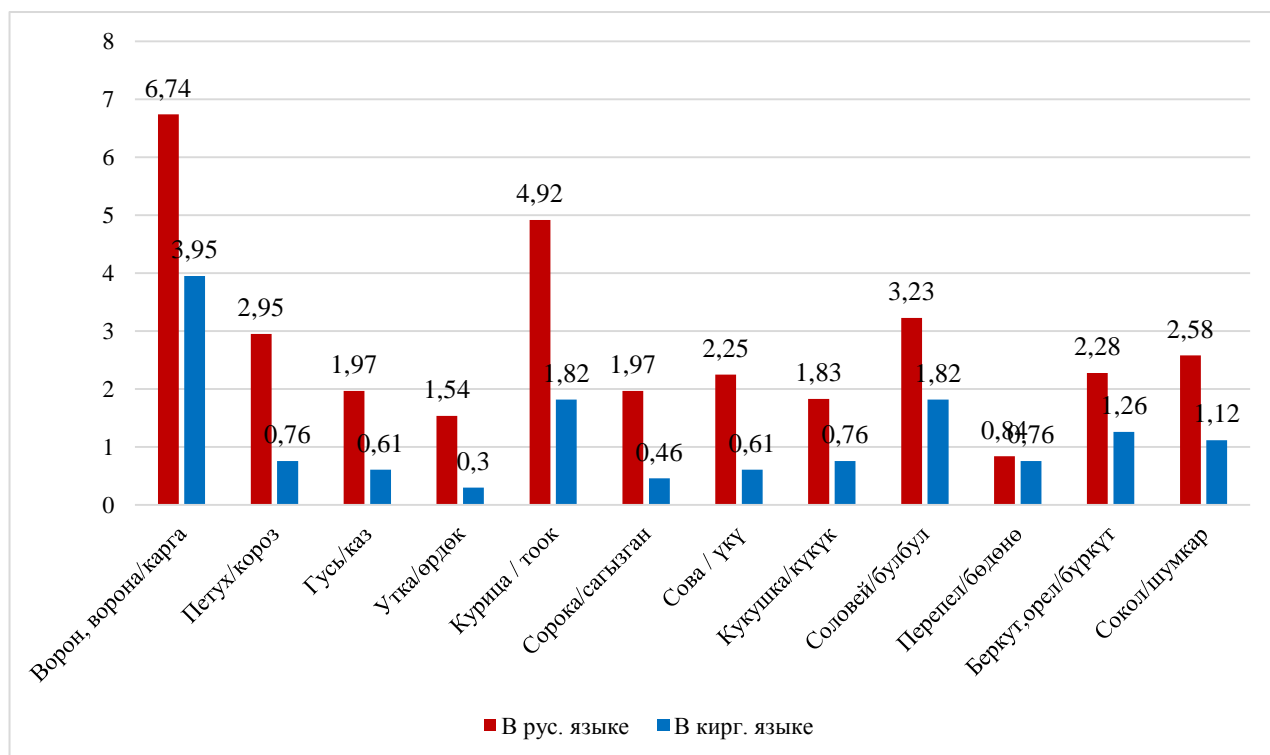

Рис. 3 Фразеологизмы с компонентом-орнитонимом

Таким образом, фразеологизмы с наименованиями птиц составляют многочисленную группу в обоих языках, что обусловлено высокой значимостью различных видов птиц в жизни каждого этноса. Сходство русских и киргизских фразеологизмов заключается в том, что числу наиболее продуктивных орнитонимов принадлежат *ворон, ворона, птица*. Однако обнаружены значительные семантические особенности, отражающие различное восприятие птиц в языковом сознании народов. Отмечено тождественное символическое значение у образа ворона, который ассоциируется с чем-либо мрачным, зловещим.

Наименования крупных хищных птиц (орел, беркут и другие) активно используются в киргизских фразеологизмах, наиболее частотным является образ беркута. Напротив, в русском языке они имеют низкую продуктивность. Данное явление обусловлено тем, что эти птицы обитают в горах и на степных просторах, а также они в течение нескольких тысячелетий широко использовались киргизами для охоты.

Национально специфичными выступают фразеологизмы с компонентами *сорока, сова, соловей*, которые в составе фразеологизмов выражают несовпадающие символические значения. Так, образ соловья в русской

фразеологии связан с красивым пением, а в киргизской – с временем благоденствия. Отмечены расхождения в составе орнитонимов, например, в русской фразеологии отсутствует зооним *куропатка*.

2.2.2. Фразеологизмы с компонентом-инсектонимом в русском и киргизском языках

Фразеологизмы с компонентом-инсектонимом включают в свой состав наименования различных насекомых. В данных единицах нашли отражение многовековые наблюдения киргизского и русского народа над различными видами насекомых, которые постоянно находились рядом с человеком. Наблюдается сходство в компонентном составе: в обоих языках зафиксированы ФЕ с инсектонимами *кене* (клещ), *чымын* (муха), *бит* (вошь), *аары* (пчела), *бүргө* (блоха), однако они значительно различаются по фразообразовательной продуктивности.

2.2.2.1. Фразеологизмы с компонентом «муха/чымын»

Высокую фразообразовательную активность в обоих языках проявляет компонент «муха» – *чымын*, причем в русском языке количество ФЕ значительно выше (см. табл. 15).

Таблица 15

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Муха/ чымын	45 (6,32%)	17 (2,58%)

Семантика фразеологизмов, тождественных по своему компонентному составу, может различаться. Так, в русском языке фразеологизм *с мухой (под мухой)* имеет значение «нетрезвый, находящийся в состоянии алкогольного опьянения». В киргизском языке фразеологизм *чымыны бар* (буквально «имеющий муху, с мухой») означает «ясновидящий» или «обладающий каким-либо талантом, способностью». В русской лингвокультуре существует ассоциация инсектонима со спиртным: *муху раздавить (задавить, зашибить)* – «выпить немного хмельного».

В целом можно констатировать, что практически все фразеологизмы с компонентом *муха* являются национально специфичными и не совпадают ни по структуре, ни по значению.

В киргизском и русском языках имеются национально специфичные ФЕ, которые не имеют аналогов: *чымыны-куюн болуу* (букв.: быть мухой-смерчем) – «ураган»; *чымын конгодой да көрбөө* (букв.: не почувствовать даже то, как села муха) – «не обращать внимания»; *чымын учса угула турган жер* (букв.: место, откуда слышно, как жужжит муха) – «недалеко»; *кулакка кирген чымынга окшоп* (букв.: как муха, залетевшая в ухо) – «о надоедливом человеке». В русском языке: *какая муха укусила* – «чем вызвано странное поведение человека, что случилось с кем-либо»; *будто (как) муха укусила* – «неожиданно, внезапно что-то случилось с кем-либо; о человеке, который ведет себя странно, непонятно»; *(мрут, дохнут) как мухи* – «в огромном количестве»; *мухи дохнут (мрут)* – «о невыносимой скуке». Фразеологизм *белые мухи* – «падающий снег» образован с помощью метафорического переноса: кружащиеся в воздухе снежинки ассоциируются с полетом множества мух. Не имеют соответствий в киргизском языке фразеологизмы, основанные на противопоставлении зоонимов по величине: *делать из мухи слона* – «придавать чему-либо несущественному слишком большое значение; сильно преувеличивать что-либо». Фразеологизмы с компонентом «муха» могут обозначать поведение и характер человека: *мухи не обидит* – «тихий, робкий, скромный человек»; *как муху проглотил* – «о недовольном человеке, который имеет кислый вид».

2.2.2.2. Фразеологизмы с компонентами-наименованиями кровососущих насекомых

Фразеологизмы с компонентами-наименованиями кровососущих насекомых *бит* – «вошь», *сирке* – «гнида», *бүргө* «блоха» характеризуются ярко выраженным национальным своеобразием.

Киргизские фразеологизмы с данными компонентами значительно более многочисленны (см. табл. 16), что связано с кочевым образом жизни народа,

который занимался разведением большого количества домашних животных, и это неизбежно приводило к появлению кровососущих насекомых.

Таблица 16

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Вошь/ бит	13 (1,83%)	25 (3,8%)
Клещ/кене	5 (0,7%)	13 (1,98%)
Блоха/бүргө	10 (1,4%)	14 (2,13%)

Данные ФЕ имеют резко негативную коннотацию: *сиркеси суу көтөрбөө* (букв.: гнида не переносит воды) – «кто-либо не в духе, сердится, сильно нервничает»; *битин сыгып, канын жалаган* (букв.: задавив вшей, лизать их кровь) – «характеристика очень жадного человека»; *битке өчөшүп, көйнөгүн өрттөө* (букв.: сжечь платье, отомстив вшам) – «сделать что-либо, не обдумывая».

Фразеологизм *биттин ичегисине кан куйган* характеризует девушку-мастерицу, у которой умелые руки. В буквальном переводе фразеологизм означает «наливать кровь в кишку вши». Этимология данного фразеологизма связана с особенностями приготовления пищи у киргизского народа. Киргизы употребляют внутренности домашних животных в качестве еды, из внутренностей барана и лошади делают различные национальные блюда: *жөргөм, беи салаа, быжы, чучук, карта, казы*, которые считаются деликатесами. Согласно обычаям, родственники мужа оценивали мастерство невесты в приготовлении пищи, и успешное выполнение работы оценивалось с помощью фразеологизма *биттин ичегисине кан куйган*.

В киргизском языке инсектоним «блоха» употребляется для образной номинации человека: *бүргөдөй секирүү* (букв.: прыгать как блоха); *жердин битиндей* (букв.: как вошь земли) – «человек очень маленького роста».

В русском языке зафиксированы единичные ФЕ: *кормить вшей (блех)* – «находиться в тюремном заключении»; фразеологизм *блеху подковать* – «выполнить очень сложную, тонкую, ювелирную работу» создан на основе известного произведения Н. Лескова «Левша», в котором главным героем является

мастер, сумевший подковать блоху, прикрепив к лапкам насекомого миниатюрные подковки.

Отмечено сходство фразеологизмов с инсектонимами *клещ* и *клоп*, которые в обоих языках используются в составе компаративных фразеологизмов, построенных по синтаксической модели сравнительного оборота и передающих резко негативную коннотацию: *ач кенедей жабышуу* (букв.: цепляться, как голодный клещ) – «о человеке, который очень сильно надоедает кому-либо». В русском языке фразеологизм (*вцепиться*) как *клещ* имеет аналогичную семантику. Зооним «кене» в киргизском языке также может употребляться в качестве шутило-ласкового обращения к маленьким детям, утрачивая свою негативную семантику. Напротив, в русском языке для ласкового обращения к ребенку используются другие зоонимы, например, *котенок*, *зайка*.

Таблица 17

Зооним	ФЕ в русском языке	ФЕ в киргизском языке
Комар/чиркей	27 (3,79%)	8 (1,22%)
Пчела/аары	32 (4,49%)	10 (1,52%)
Паук/жөргөмүш	6 (0,84%)	4 (0,61%)

Назовем отличительные особенности русских ФЕ с компонентом-инсектонимом. К числу национально специфичных для русской фразеологии относятся следующие группы фразеологизмов.

1. ФЕ, обозначающие человека и образованные на основе терминологических словосочетаний: *божья коровка*, *колорадский жук*.

2. Фразеологизмы, обозначающие человека по внешнему виду, движениям или издаваемым звукам: *(черный) как жук*, *(гудеть) как шмель*, *(порхать) как бабочка*.

3. Образы муравья и пчелы у русского народа ассоциируются с трудолюбием: *(трудолюбивый) как пчела*; *(трудолюбивый) как муравей*.

4. Представление об очень большом количестве людей передается через фразеологизм *(налететь) как мухи (пчелы, осы) на мед*, включающем три вариативных компонента-инсектонима.

5. Национально специфичными для русского языка являются фразеологизмы с компонентом-инсектонимом, построенные по синтаксической модели «инсектоним + глагол в форме повелительного (изъявительного) наклонения»: *мухи (блоха) (кого) лягай (залягай), едят (кого) мухи (с комарами, с мошкаррой)*. Компонент-инсектоним имеет форму именительного падежа единственного или множественного числа с субъектным значением, указывая на субъект действия. Глагольные компоненты обозначают действия, направленные на человека, являющиеся для него очень неприятными, нежелательными. Поэтому названные фразеологизмы выражают резко негативное отношение к человеку с элементами угрозы, причинения каких-либо неприятностей. Направленность действия на человека заключается в наличии объекта воздействия, выраженного личным местоимением в форме винительного падежа, например: *едят (тебя, его, ее, вас, их) мухи*.

6. Негативные коннотативные семы, входящие в семантическую структуру фразеологизмов, формируются в результате взаимодействия сем из лексических значений компонента-инсектонима и глагольного компонента. Семы «недовольство», «досада», «неодобрение» актуализируются в таких контекстах, в которых говорящий выражает неодобрение, осуждение по поводу каких-либо плохих поступков человека. Например: «– Ах, едят те мухи с комарами – опять проспал. Ты чего же раньше не разбудила?» [Серафимович 2019: 214]

7. Компонент *комар* в русском языке также используется в составе фразеологизма *комар носу не подточит* – «об очень хорошо, тщательно выполненной работе».

Итак, проведенный нами анализ показал следующую фразообразовательную продуктивность инсектонимов (см. рис. 4):

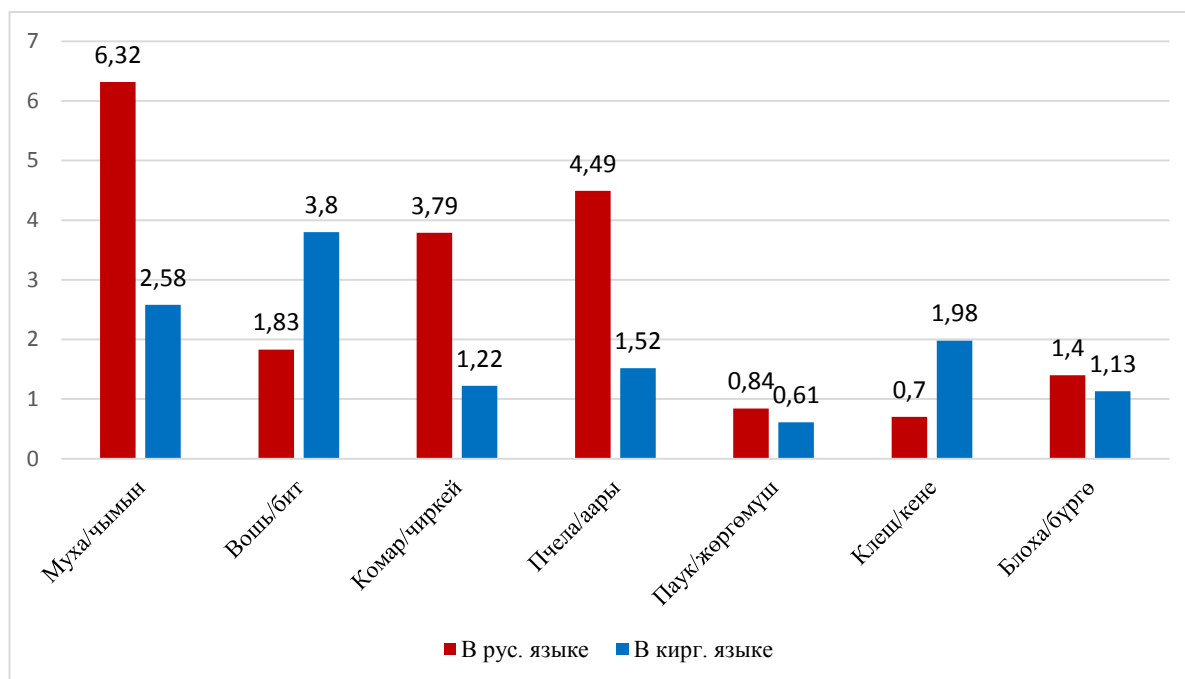

Рис. 4 Фразеологизмы с компонентом-инсектономим

Таким образом, наименования насекомых в русском языке имеют более высокую продуктивность, что связано с природно-климатическими условиями жизни русского этноса. Исключение составляют инсектонимы «клещ» и «вошь», так как кочевой образ жизни и наличие большого количества домашних животных обусловили наличие в киргизском языке многочисленных ФЕ с наименованиями кровососущих насекомых.

Для русских фразеологизмов характерными особенностями являются: ФЕ, обозначающие человека и образованные на основе терминологических словосочетаний; номинация человека по внешнему виду, движениям или издаваемым звукам; образы муравья и пчелы ассоциируются с трудолюбием; фразеологизмы с компонентом-инсектономим, построенные по синтаксической модели «инсектоним + глагол в форме повелительного (изъявительного) наклонения» и другие.

Выводы по второй главе

Проведенный нами семантико-лингвокультурологический анализ позволил получить следующие результаты: выявлено сходство и различия фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и киргизском языках; проанализирован компонентный состав и фразообразовательная продуктивность зоонимов; определены экстралингвистические факторы, обуславливающие национальные отличия фразеологической картины мира каждого этноса; охарактеризованы семантические особенности фразеологизмов.

В формировании фразеологизмов принимают участие наименования домашних и диких животных, птиц и насекомых, из них максимальная продуктивность в обоих языках зафиксирована у зоонима «собака»: 120 (в русском языке) и 131 (киргизский язык). Высокая продуктивность характерна для зоонима «конь»: 66 (РЯ) и 70 (КЯ). Приблизительно равное количество фразеологизмов в обоих языках образуют зоонимы «лошадь» – 29 и 34, «корова» – 39 и 30, козел – 16 и 15. Фразообразовательная продуктивность обусловлена экстралингвистическими факторами: значимость животного для человека, практическое использование, степень распространенности в окружающей природе, изученность животного человеком, образ жизни этноса, природные и климатические условия.

Остальные зоонимы по продуктивности значительно отличаются: «овца» – 66 (киргизский язык) и 27 (русский язык), «верблюд» – 51 (КЯ) и 6 (РЯ), «свинья» – 45 (русский язык) и 1 (киргизский язык).

Сходство восприятия представителей фауны разными этносами обусловило тождество символических значений, связанных с образами животных, птиц и насекомых. Устойчивые ассоциативные значения в обоих языках имеют следующие наименования: лиса – хитрость, заяц – трусость, осел – глупость и упрямство, волк – враждебность, опасность, петух – пение, утка – обман, овца – покорность, робость. В семантической структуре зоонима собака в русском и киргизском языках выявлено совмещение позитивной и негативной коннотации.

Наличие фразеологических эквивалентов и аналогов служит проявлением сходства исследуемых единиц. Фразеологические эквиваленты содержат

одинаковые компоненты-зоонимы, имеют тождественную семантику и образную основу, например: *(жить) как кошка с собакой – ит менен мышыктай*. Фразеологические аналоги характеризуются несовпадающей образной основой, наличием различных зоонимов либо их отсутствием, например: *Ашуудан ат алмаштырбайт* (букв.: На перевале коня не меняют) имеет структурно-семантический аналог в русском языке *Лошадей на переправе не меняют; Итке темирдин кереги эмне? – (нужен) как собаке пятая нога*.

Национальная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом обусловлена особенностями жизни и быта, народными традициями, климатическими условиями и другими экстралингвистическими факторами.

Назовем основные отличительные семантико-лингвокультурологические особенности наиболее многочисленных групп фразеологизмов.

Фразеологизмы с компонентом «собака» имеют как сходство (4 общих признака), так и отличия (7 признаков). Например, киргизские ФЕ передают представление о крайней бедности человека, о внешнем виде, а в русские фразеологизмы характеризуют лицо по внутренним качествам, по характеру, социальным свойствам.

Фразеологизмы с компонентом *лошадь/ат* имеют яркую национальную специфику, обусловленную образом жизни народов, народными традициями и обычаями. Лошадь издавна служила основным домашним животным в кочевой жизни киргизского народа, поэтому в киргизском языке многочисленны ФЕ и паремии, связанные с умением искусно ездить верхом. Напротив, для русского народа, издавна занимавшегося земледелием, традиционным было использование лошади в качестве рабочей силы, например, *(работать) как лошадь*. Отличительной особенностью киргизского языка также является наличие фразеологизмов с компонентом *лошадь/ат*, связанных с пространственно-временной семантикой.

Значительные отличия имеют ФЕ с компонентами «верблюд» и «свинья», обозначающими домашних животных, характерных только для одного этноса. Фразеологизмы с компонентом «верблюд» в русском языке представлены

незначительно (6 ФЕ) и имеют ироническую коннотацию, однако в киргизском языке они многочисленны (51 ФЕ) и выражают позитивную оценку, так как верблюд выполнял очень важную, значимую роль в кочевой жизни киргизов. Зооним «свинья» обозначает животное, широко распространенное в крестьянском хозяйстве русского народа, однако практически отсутствующее в жизни киргизского этноса: в русском языке зафиксировано 45 ФЕ, в киргизском – 1 ФЕ.

Наименования птиц проявляют среднюю и низкую фразеобразовательную активность, при этом зафиксировано значительное преобладание ФЕ с компонентом-наименованием домашних птиц в русском языке: курица – 35 и 12 (соответственно в русском и киргизском языке), гусь – 14 и 4, утка – 11 и 2, ворон, ворона – 48 и 26, сорока – 14 и 3 и т.д. В киргизской фразеологии более продуктивны наименования хищных диких птиц – сокол, беркут, кречет, с помощью которых охотились на лис, волков и других животных.

Фразеологизмы с компонентом-инсектономимом в русском языке проявляют, как правило, более высокую фразеобразовательную активность: «муха» – 45 ФЕ в русском языке, 17 в киргизском; «комар» – 27 и 8, «пчела» – 32 и 10, что обусловлено природными и климатическими условиями. Отличительными особенностями русских ФЕ являются: номинация человека; обозначение множества людей; обозначение нежелательного воздействия и т.д. В киргизском языке большую активность проявляет инсектоним «вошь» (25 и 13), что обусловлено разведением большого количества животных.

Итак, фразеологизмы с компонентом-наименованием животных обладают яркими национально-культурными особенностями, которые обусловлены различными экстралингвистическими факторами: важность, значимость, необходимость какого-либо животного в повседневной жизни человека; длительность сосуществования человека и животного; знания об особенностях физических свойств и поведения определенных видов животных.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. АЙТМАТОВА

Великий писатель Чингиз Айтматов известен всему миру как классик мировой литературы, произведения которого переведены более чем на 150 языков мира. Его творчество пронизано идеями гуманизма, любовью к родной земле, к родной природе. Язык и стиль его произведений отличаются яркой индивидуальностью, образными, самобытными сравнениями, национально окрашенными изобразительно-выразительными средствами. Писатель умело использует фразеологизмы, пословицы и поговорки, которые передают национальный колорит киргизского народа.

В третьей главе нашей работы мы проанализируем особенности употребления компонентов-зоонимов и способов и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в наиболее известных и значимых произведениях автора. Материалом исследования послужили следующие произведения: роман «И дольше века длится день» и повести «Тополек мой в красной косынке», «Материнское поле», «Джамиля», «Белый пароход», «Лицом к лицу», «Прощай, Гульсары!», «Верблюжий глаз», «Пегий пес, бегущий краем моря», «Ранние журавли».

3.1. Особенности употребления и перевода фразеологизмов

с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова

«Тополек мой в красной косынке»

Повесть Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке», написанная на киргизском языке и переведенная на русский язык, относится к раннему периоду творчества писателя. В основе сюжета лежит трагическая история несостоявшейся любви Асели и Ильяса. Текст повести насыщен образами диких и домашних животных и птиц, так как действие разворачивается среди природы, на степных просторах, в горах. Автор активно использует зоонимы как в свободном употреблении, так и в составе фразеологизмов и паремий, например: *ат* /лошадь,

ит /собака, *кулун* /жеребенок, *тайлак* /верблюжонок и другие. Орнитонимы представлены номинациями диких птиц, часто встречающихся в природе: *бүркүт*/орел, *карга* /ворон.

Данные животные имели важное значение в жизни киргизского этноса. Так, например, лошадь постоянно использовалась в качестве источника пищи, транспорта и т.д.

Образ лошади выступает в компаративном окказиональном фразеологизме как *уставший конь*, в котором проводится сравнение животного с перегревшимся от напряжения двигателем машины: *машине зоруккан аттан бетер өпкө кагып турду* [Айтматов 2018: 294] (букв.: машина, как уставший конь, стучала легкими). В русском тексте используется узуальный фразеологический эквивалент *как загнанная лошадь*, который в свободном употреблении передает состояние крайнего утомления, изнеможения, физического или психического, наступившего вследствие максимального перенапряжения сил. Данный эквивалент является частичным, так как компонентный состав двух единиц имеет некоторые отличия. Специфика использования фразеологизма заключается в переносе семантики на неодушевленный субъект действия: «От радиатора шел пар, машина дышала, как загнанная лошадь [Айтматов 1982: 174].

Пословица *Ат баспайм деген жерин үч басат* не имеет соответствия в русском языке, в буквальном переводе она означает «лошади придется пройти трижды по тому месту, по которому ей не хотелось больше идти»:

– *Ат баспайм деген жерин үч басат. Мына жолуктук.* Семантика данной пословицы в переводе передается описательным выражением «Конь по одному следу тысячу раз ступает». [Айтматов 1982: 130]. Автор таким образом характеризует ситуацию неожиданной встречи главного героя повести Ильяса со знакомым журналистом.

В тексте повести используются ласкательные наименования детенышей животных, которые во всех языках, как правило, сопровождаются позитивной коннотацией. Такие фразеологические обращения передают нежное, ласковое

отношение к маленькому ребенку: *кулунум* – «мой жеребенок», *тайлагым* – «мой верблюжонок»:

– *Тай-тай, тайлагым! Келе койчу, кана өзүң басып кел, коркпо* [Айтматов 2018: 336] (букв.: – Тай-тай, мой верблюжонок! Ну-ка, иди сюда, не бойся, иди.) В русском языке данный фразеологизм отсутствует, поэтому для сохранения национального колорита автор использует способ калькирования:

«Тай-тай, верблюжонок мой! Ну, иди ко мне, топай ножками по земле, смелей топай». [Айтматов 1982: 130].

В некоторых случаях при переводе на русский язык киргизский фразеологизм утрачивается. Так, для выражения ласкового, нежного отношения к маленькому ребенку Ч. Айтматов использует фразеологическое обращение с зоонимом *жеребеночек*, которое отсутствует в русском тексте:

– *Ата деген сөзүңөн айланайын, кулунум! Анан Аселге апкаарыбай кайрылдым.* [Айтматов 2018: 336] (букв.: Мой родненький, мой жеребеночек! И обратился к Асель). Сравн. перевод на русский язык: «Я подхватил его на лету, высоко вскинул над собой и крепко прижал. – Асель! – сказал я ей. ...» [Айтматов 1982: 204].

Аналогичная ситуация наблюдается при употреблении фразеологизмов с компонентом *ит/собака*. Лексема *ит* в киргизском языке передает высокую степень отрицательной оценки при характеристике человека. Фразеологизмы и паремии с данным компонентом выражают резко негативную характеристику человека, его действий и признаков. В повести «Тополек мой в красной косынке» единицы с компонентом *ит* служат для образной и эмоциональной оценки поведения персонажей. В переводе на русский язык используется описательный перевод с помощью лексических средств, при этом лексема *ит* может отсутствовать, то есть фразеологизм утрачивается. Так, фразеологизм *ит болдум* (букв.: «стал собакой») – «я опозорился» отрицательно характеризует поведение Ильяса, который отказывается извиняться:

– *Ит болдум, кечирип койгула деп барайынбы?* [Айтматов 2018: 278] (букв.: Мне идти к ним и сказать, что я опозорился?). В русском тексте данный фразеологизм отсутствует:

«С какими глазами я приволоку туда прицеп? Извините, мол, простите, ошибся! На пузе ползать, умолять!» [Айтматов 1982: 163].

Фразеологизм *ит экенсиң* «собака» – «очень плохой человек» в русском тексте передается с помощью синонимичной лексики «подлец»:

– *Ит экенсиң! – көкүрөктөн түртүп. – Кутурган экенсиң! Ашуудагы кылгылыгыңдын өчүн алмаксың го? Болуптур, сенсиз да бүтүрөбүз* [Айтматов 2018: 287]. (букв.: «Ты, оказывается, собака? Не просто собака, а бешеная! Хочешь отомстить за твой же поступок на перевале? Ладно, без тебя обойдемся»). Сравн. перевод на русский язык:

«Подлец! Зарвался, мстишь за перевал! Ничего, без тебя обойдемся». [Айтматов 1982: 169].

В русской и киргизской лингвокультурах тождественным является представление о сильном холоде, морозе, которое ассоциируется с состоянием замерзшей собаки. В киргизском варианте повести используется фразеологизм *ит өлгөн суук* [Айтматов 2018: 330] (букв.: «так холодно, что даже собаки умирают»), который переводится на русский язык с помощью лексики *холод*, при этом ФЕ утрачивается, что приводит к снижению впечатления о сильном морозе:

Ушу ит өлгөн суукка таштап кетебизби? (букв.: Разве оставим их в этот собачий холод?). Сравн. перевод на русский язык: «Оставить ее одну ночью в холод?» [Айтматов 1982: 199].

Зооним собака также входит в состав киргизского фразеологизма *оозунан ак ит кирип, кара ит чыгып жатты* (букв.: в рот входила белая собака, а выходила черная) – «ругаться грязными словами». Так автор ярко передает конфликтную ситуацию, в которой мать Асель, очень недовольная поведением мужа своей дочери, яростно ругает Ильяса. Данный фразеологизм не имеет соответствий в русском языке, поэтому его семантика передается с помощью описательного перевода:

«Кемпир мага ооз ачтырбады. Оозунан ак ит кирип, кара ит чыгып жатты. Анын үнүнө коңшу-колоң, бала-бакыра чогула баштады» [Айтматов 2018: 296] (букв.: «Старуха не давала мне раскрыть рот. В ее рот входила белая собака, а выходила черная. Ругалась последними словами. На ее крики стали собираться соседи и прохожие»). Сравн. русский текст: *«Старуха не давала мне и рта раскрыть. Она продолжала бранить и поносить меня самыми обидными словами. На ее голос стали сбегаться люди, мальчишки из соседних дворов»*. [Айтматов 1982: 175].

Фразеологизмы с компонентами-орнитонимами «ворон» и «орел» в повести характеризуют смелого и сильного джигита. ФЕ *когда был как ворон* передает темпоральную семантику, возраст человека – «в молодости». В русском языке соответствующий по значению фразеологизм отсутствует, поэтому используется описательный перевод:

« – Памирге эмне үчүн баргым келбегенин сурадыңыз. Мен өзүм памирлик кыргыздардан болом, бирок минтип Тянь-Шанда туруп калдым. Памир жолунун курулушуна каргадай кезимде баргам» [Айтматов 2018: 323]. (букв.: «На строительство Памирской дороги я поехал (когда был как ворон) еще молодым»).

Сравн. в русском тексте: *«Чуть ли не мальчишкой попал я на строительство Памирского тракта»* [Айтматов 1982: 195].

Образ орла в лингвокультурах русского и киргизского этносов олицетворяет сильного, бесстрашного, гордого человека и имеет позитивную коннотацию. Ч. Айтматов сравнивает Байтемира с орлом: *«Байтемир кабинага жабышып, учар бүркүтчө окторулуп келет. Жүзүн карасам таштан чегип койгонсун токтоо, жаак ылдый, муруту ылдый суу шорголойт. Аны көрүп, мен кубат алып келе жатам»* [Айтматов 2018: 262]. В данном контексте употребляется окказиональный фразеологизм *как орел, который вот-вот взлетит*, который представляет собой трансформированный узуальный фразеологизм *как орел*. Писатель использует расширение компонентного состава фразеологизма с помощью присоединения придаточного предложения. Такая трансформация способствует формированию

более яркого и выразительного образа Байтемира, напоминающего сильную и бесстрашную птицу.

В переводе на русский язык автор использует способ калькирования: *как беркут на взлете*. Происходит замена лексемы «орел» на лексему «беркут», основанная на семантическом сходстве данных орнитонимов. Данный процесс обусловлен отсутствием в киргизском языке отдельных наименований данных птиц. Беркут в киргизской лингвокультуре ассоциируется с сильным и мужественным мужчиной, готовым к смелым решительным поступкам. Сравн. перевод на русский язык:

«Подобрался, как беркут на взлете, и стоит, вцепился в кабину» [Айтматов 1982: 152].

Частотность использования различных способов перевода ФЕ с компонентом-зоонимом в повести «Тополек мой в красной косынке» отражена на следующей диаграмме (рис. 5):

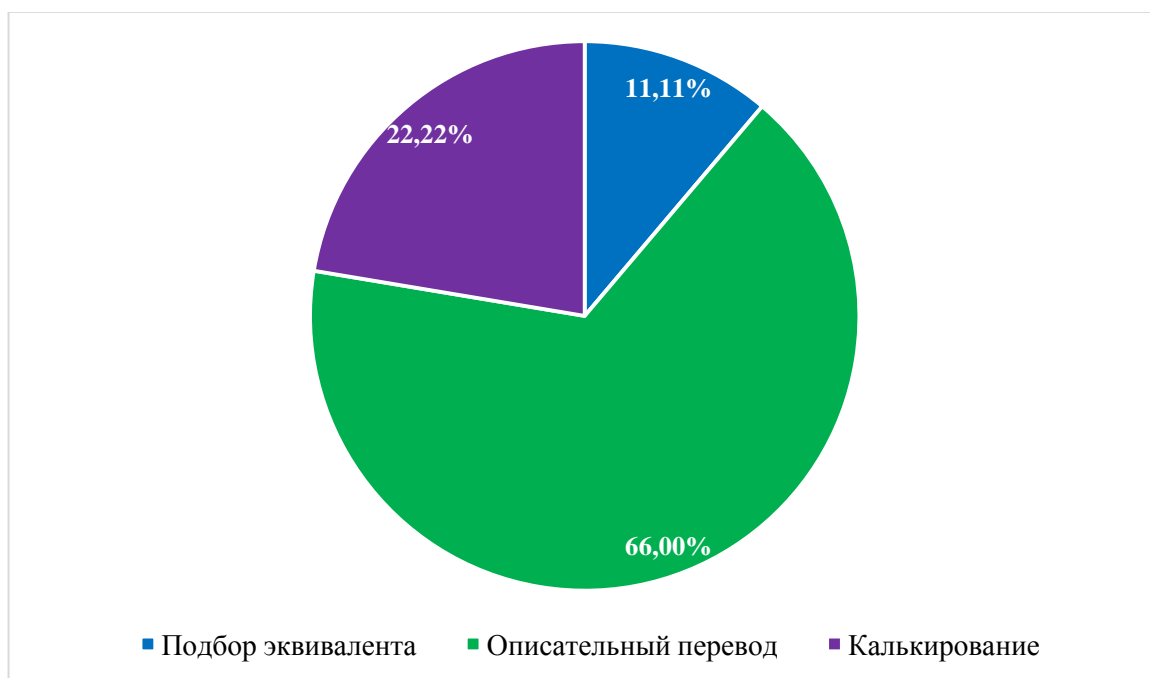

Рис. 5 Частотность использования способов перевода ФЕ

Таким образом, в повести Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке» используются фразеологизмы с компонентами-наименованиями животных и птиц, которые позволяют более ярко и образно охарактеризовать персонажей и их поведение: *ат* /лошадь, *ит* /собака, *кулун* /жеребенок, *тайлак* /верблюжонок,

буркут /орел, *карга* /ворон. В процессе перевода автор наиболее часто применяет описательный способ, так как многие единицы не имеют соответствий в русском языке. Также употребляются фразеологические эквиваленты (полные и частичные) и калькирование.

3.2. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»

Одним из центральных произведений Ч. Айтматова является широко известный роман «И дольше века длится день», ярко отражающий культурные и национальные традиции кочевых народов, в том числе киргизского этноса. Оригинальный текст был создан автором на русском языке и переведен Ашымом Жакынбековым на киргизский язык.

Действие романа разворачивается на бескрайних степных просторах, жизнь героев произведения неразрывно связана с миром природы, поэтому в текст органично вплетаются наименования различных диких животных и птиц: *беркут, сокол, лиса, птица, волк, зверь*; наименования наиболее значимых для кочевников домашних животных: *верблюды, лошадь*.

Яркой особенностью художественного стиля данного произведения является активное использование окказиональных, индивидуально-авторских фразеологизмов, построенных по синтаксической модели сравнительного оборота с компонентом-подчинительным союзом *как*. В нашей работе используется определение окказионального фразеологизма, предложенное И.В. Третьяковой, которая полагает, что окказиональными фразеологизмами являются «единицы, функционирующие в речи, не являющиеся единицами национального лексикона, не зафиксированные в нормативных словарях, образуемые отдельными носителями языка с определёнными коммуникативными целями путём трансформации языковых фразеологических единиц, существенно различающиеся с фразеологическим инвариантом в семантике и/или структуре (компонентном составе)». [Третьякова 2011: 14-15]. И.Ю. Третьякова отмечает, что «важнейшими признаками окказиональных фразеологизмов являются творимость и

производность. Исходя из творческих способностей, раскрывая креативные возможности при использовании языка, говорящие производят от имеющихся в языке фразеологизмов новые, речевые, единицы» [Там же: 230].

Нами было обнаружено, что наиболее часто писатель использует при создании индивидуально-авторских фразеологизмов образ птицы, так как в горах и на просторах степей обитает огромное количество птиц.

Создание окказиональных фразеологизмов с компонентом «птица» является ярким примером языкового творчества Ч. Айтматова. Такие единицы, как правило, образуются писателем на основе сопоставления образа жизни и поведения птиц и человека.

Так, например, индивидуально-авторский фразеологизм *как птица, испугнутая с гнезда* включает развернутый образ птицы, пытающейся защитить своих птенцов, спрятанных в гнезде. Этот образ позволяет читателю глубоко прочувствовать страдания матери, сын которой потерял память и превратился в манкурта. Мать, Найман-Ана, кружила по сарозекской степи на верблюдице, пытаясь спасти сына:

«Как птица, испугнутая с гнезда, кружила Найман-Ана по сарозекским окрестностям. И не знала, как быть, чего ожидать». [Айтматов 1982: 316].

Данный фразеологизм не имеет соответствия в киргизском языке, поэтому переводчик использует способ калькирования, т.е. дословный перевод с русского языка на киргизский. В результате образуется окказиональная единица, имеющая яркую внутреннюю мотивировку:

«Уясынан чоочуп учкан чымчыктай Найман-Эне Сары-Өзөктүн ээн талаасын айланып жүрдү. Эмне кыларды, эмне күтөрдү билбейт». [Айтматов 2018: 215].

Образ птицы, самоотверженно защищающей своих птенцов, автор также использует для характеристики Зарипы, которая старается защитить своих детей от опасности: *как птица под крылом* оберегает она детей:

«А иначе как понять происходящее? Не находя ответа, лелеял Абуталип мечту, что со дня на день станет ясно, что с ним произошло досадное

недоразумение, и тогда, он, Абуталип Куттыбаев, будет готов забыть все обиды – пусть только побыстрее освободят и отправят побыстрее домой, и помчится он, нет, полетит, как на крыльях, туда, к детям, к семье, в сарозеки, на разъезд Боранлы-Буранный, где его ждут не дождутся детишки Эрмек и Даул, жена Зарипа, что в той снежной степи сберегает детишек, как птица под крылом, у колотящегося сердца, и слезами, нескончаемыми мольбами пытается пронять, убедить, смягчить судьбу, вымолить милосердие, чтобы мужу вышло спасение...» [Айтматов 2018: 169].

В переводе на киргизский язык происходит частичная трансформация исходного образа и утрата компонента-зоонима (фразеологический аналог), в буквальном переводе «защищая под крылом»:

«Буга жооп таба албаган Абуталип аргасы түгөнгөндө кыялданат. Мына бүгүн, болбосо эртең, Куттыбаев, сени бекер камаппыз, байкабай жаңылыштык кетирип коюппуз, бошондуң десе, эч кимге доом артпайт элем, эч кимге кусаматым болбос эле – баарына ыраазы, баарына кайыл болуп, токтоосуз үйгө, Сары-Өзөккө, Боранлы бекетке, балдарыма жөнөйт элем, учат элем, Даул, Эрмек эки уулум, садагаң болоюндар, экөөнү көздөй, экөөнү борошо урган ай талаадагы жалпак үйдө канатынын алдына калкалап, бооруна басып, жылытып, күйөөм бошоп келгей эле деп кудайдан тиленип, суранып, көз жашын төгүп отурган Зарипамды көздөй учат элем...» – деп кыялданса бүт денесине кан жүгүрүп, жаны сергий түшөт» [Айтматов 2018: 153].

Образ верной, преданной пары лебедей в романе трагичен. Пожилой акын Раймалы горячо любит прекрасную девушку Бегимай, и она отвечает ему взаимностью. Однако окружающие люди жестоко разлучают влюбленных и убивают их. Эта трагичная ситуация описывается через индивидуально-авторский фразеологизм «как лебедь, разлученный с лебедицей белой»: «Когда же лебедь, разлученный с лебедицей белой, на солнце глянет поутру, то солнце он увидит кругом черным». [Айтматов 1982: 437]. При переводе на киргизский язык употребляется компаративный фразеологизм «Ак сулуу куудан айрылган, Ак куу күндү караса, кун карайып чагылат» – «как лебедь, потерявший свою половинку,

смотрит на солнце». Таким образом, видоизменяется исходный авторский образ, происходит утрата второго компонента-зоонима (фразеологический аналог).

Противоположная семантика передается с помощью окказионального фразеологизма *что волчьей стаей рядом шли*, характеризующего жестокость родственников. В киргизском тексте употребляется соотносительный фразеологизм *как стая волков, готовая напасть*. Исходный образ сохраняется, но меняется грамматическая структура выражений (частичный эквивалент). Для дополнительного усиления экспрессивности образа используется расширение компонентного состава общеязыкового фразеологизма *как стая волков*, что позволяет выразить максимальную степень враждебности и злобы родственников:

«Сородичи, что волчьей стаей рядом шли, ему кричали на скаку: Брат твой рассудком тронулся! Ума лишился! Его лечить скорее надо!» [Айтматов 1982: 435]. Сравн. перевод на киргизский язык: *«Жаалаган бөрү тобундай туугандары коштой чаап бара жатат: Айылга! Үйгө!»* [Айтматов 2018: 329].

Жестокосердным родственникам противопоставлен образ акына Раймалы, для характеристики которого автор использует зоонимы *марал, беркут, козерог, лебедь*, символизирующие в языковой картине киргизского этноса благородство, свободолюбие, независимость:

«Ак маралын изденип, ак бугу таңда үн салса, капчыгай-колот жаңырат» [Айтматов 2018: 318] – *«Когда марал влюбленный подругу кличет ревом поутру, ему ущелье вторит эхом горным – пел Раймалы-ага»*. [Айтматов 1982: 437].

Таким образом, особенностью стиля романа «И дольше века длится день» является создание окказиональных, индивидуально-авторских компаративных фразеологизмов с компонентами *птица, волк, лебедь*, которые имеют символическое значение. В процессе перевода используются фразеологические эквиваленты или аналоги, а также калькирование фразеологизмов. Частотность использования способов перевода представлена на диаграмме (рис. 6):

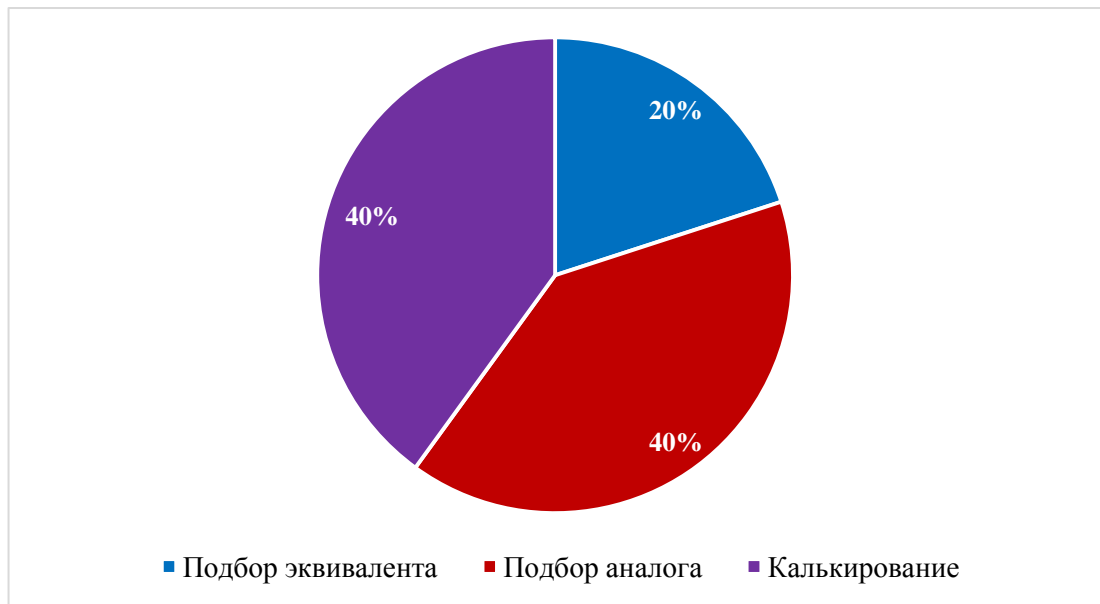

Рис. 6 Частотность использования способов перевода ФЕ

3.3. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Джамиля»

Повесть Ч. Айтматова «Джамиля» является одним из наиболее широко известных произведений писателя. Она была написана на киргизском языке и переведена на русский язык самим Ч. Айтматовым совместно с переводчицей А. Дмитриевой. В основе сюжета лежит история любви Джамили и Данияра, вернувшегося в родное село после войны.

В тексте повести широко используются зоонимы – наименования домашних животных, диких птиц и насекомых: конь, лошадь, овца, коршун, муха, овод, собака и другие.

Особенностью данного произведения является употребление зоонима тулпар – «крылатый конь», который присутствует в киргизской мифологии, а также называет красивого, сильного коня, участвующего в состязаниях. Образ крылатого коня характеризует Данияра, сильного и смелого джигита. Пословица «*Тулпар айланьт жүрүп, үйүрүн табат*» [Айтматов 2018: 125]. (букв.: Сколько бы тулпар не находился вдалеке, все равно отыщет свой косяк) передает ситуацию возвращения Данияра на родину. При переводе используется способ калькирования: «*Тулпар за тридцать земель отыщет свой косяк*». [Айтматов 1982: 93].

Впоследствии в повести образ красивого коня заменяется образом тяжело нагруженной, обессиленной лошади, передающим тяжелое физическое состояние Данияра:

«Өргө жүк көтөргөн аттай болуп, Данияр траптын бийигинде». [Айтматов 2018: 139] (букв.: «как лошадь, навьюченная тяжелым грузом, Данияр на вершине трапа»). В данном случае происходит трансформация – расширение компонентного состава узуального фразеологизма *как лошадь* за счет присоединения причастного оборота. В переводе на русский язык данный зооним отсутствует, заменяясь описательным выражением (описательный перевод):

«Данияр, покачиваясь, как оглушенный, шел вверх» [Айтматов 1982: 102].

Образы овцы и ягненка имеют в повести различное символическое значение. Овца в обоих лингвокультурах ассоциируется с человеком тихим, безответным, что отражается в описании внешнего вида и характера Данияра: *«кудайдын боз кою»* [Айтматов 2018: 121] (букв.: серая божья овечка). В переводе на русский язык семантика зоонима сохраняется, однако происходит изменение грамматической структуры фразеологизма (неполный фразеологический аналог):

«Никому от него ни вреда, ни пользы, тихий, безобидный, точно овца» [Айтматов 1982: 95].

Ягнята в повести выступают как обозначение неодушевленных предметов – писем, очень похожих друг на друга, которые пишет с фронта муж Джамили:

«Каттардын баары эле эгиз козудай окшош болчу» (букв.: все письма были похожи, как ягнята-близнецы) [Айтматов 2018: 121].

В данном предложении писатель создает индивидуально-авторский фразеологизм (*похожи*) *как ягнята-близнецы* – «очень, сильно, в высшей степени (одинаковые, похожие)». В переводе на русский язык лишь частично сохраняется образная основа фразеологизма: *как ягнята в отаре* – «о ком-либо, о чем-либо одинаковом, очень похожем» (фразеологический аналог):

«Все его письма походили одно на другое, как ягнята в отаре» [Айтматов 1982: 90].

Индивидуально-авторский фразеологизм «как козленок-подросток» характеризует поведение юноши Сейита, влюбленного в Джамилю, который ревнует ее к мужчинам, оказывающим ей знаки внимания:

«Теке-улакчасынан кыйшайып, кабактын астынан улүрөйө тиктейм» [Айтматов 2018: 118]. (букв.: «как козленок-подросток хмурясь, смотрю исподтишка»). В переведенном тексте происходит утрата исходного образа и замена фразеологизма глагольной лексемой в форме деепричастия «набычившись», образованной от зоонима «бык» (описательный перевод). Замена основана на сходстве символических образов животных «козел» и «бык», которые ассоциируются с упрямым человеком:

«Терял самообладание и, набычившись, сопел» [Айтматов 1982: 87].

Одним из наиболее частотных наименований домашних животных в повести выступает *собака/ит*. В обеих лингвокультурах образ собаки, как правило, передает резко негативную оценочность и входит в состав грубых, бранных выражений. Например, узуальный фразеологизм *собачий сын* употребляется как в русском, так и в киргизском языке в качестве бранной характеристики человека, действия которого вызывают резко отрицательные эмоции. Данный фразеологизм характеризует Данияра, который взвалил на плечи непосильную ношу, несмотря на раненую ногу:

«– *Иттин баласы, ташта!*» [Айтматов 2018: 139] (букв.: «Собачий сын, бросай!)). В переводе используется полный фразеологический эквивалент: «*Собачий сын, бросай!*» [Айтматов 1982: 102].

Сходную семантику передает фразеологизм *бродячий пес* – «человек пришлый, чужой, неизвестно откуда появившийся»:

«*Тентиген ит, чала казак!*» [Айтматов 2018: 175] (букв.: бродячий пес). При переводе исходный образ уточняется, конкретизируется (фразеологический аналог):

«*Давно надо было гнать из аила эту приبلудную собаку-полукровку!*» [Айтматов 1982: 121].

Наряду с компонентами-наименованиями домашних животных, в повести «Джамиля» используются также инсектонимы *муравьи*, *овод*.

С помощью фразеологизма *как муравьи* передается беспорядочное непрерывное движение вагонов, которое писатель образно сравнивает с передвижением муравьев:

«Паровоз вагондору нары-бери кагыштырып, ысык буу уруп, кумурскача тынбаган аракетте» [Айтматов 2018: 132]. (букв.: вагоны паровозов, как муравьи, двигаясь, выбрасывают горячий пар). В русскоязычном варианте фразеологизм отсутствует, что, на наш взгляд, снижает выразительность текста (описательный способ):

«Маневрирует паровоз, выбрасывая тугие клубы горячего пара» [Айтматов 1982: 98].

В некоторых случаях автор использует национально окрашенные компоненты-зоонимы. Например: *овод укусил* (в киргизском языке) (сравн.: *оса укусила* (в русском языке)). Данные фразеологизмы имеют аналогичную образную основу, включают в свой компонентный состав наименования жалящих насекомых.

Для киргизского народа, традиционно ведущего кочевой образ жизни, одним из наиболее неприятных насекомых является овод, причиняющий вред и людям, и домашним животным:

«И сага эмне болду, сайгак тийдиби?» [Айтматов 2018: 162] (букв.: «овод укусил?»)). Этот вопрос задает бригадир Джамиле, которая хотела уйти с работы, чтобы не видеть Данияра.

В переведенном тексте Ч. Айтматов сохраняет данный инсектоним, несмотря на наличие фразеологического аналога в русском языке (*какая муха/оса укусила (кого-либо)*): *«Ты чего, Джамиля, овод тебя укусил, что ли?»* [Айтматов 1982: 114].

Ярким средством создания образности служат фразеологизмы с компонентами-орнитонимами. Например, для описания сильного ветра употребляется окказиональный фразеологизм *как коршун, который махнул крылом*:

«Үйдүн үзүгү кулаалы канат каккандай жулунду» [Айтматов 2018: 171]. (букв.: «Кошма юрты сорвалась, как коршун, который махнул крылом»). В переводе на русский язык происходит замена зоонима «*коршун*» на орнитоним «*птица*»:

«Забилась, хлопая крыльями, как подбитая птица, сорванная кошма с юрты» [Айтматов 1982: 119] (фразеологический аналог).

Таким образом, в повести «Джамиля» одним из наиболее частотных наименований является зооним «*собака/ит*», имеющий тождественное семантическое и коннотативное значение в обоих лингвокультурах. Ярким средством создания образности служат окказиональные фразеологизмы с компонентами-орнитонимами (коршун, птица) и инсектонимами, имеющими национальную окрашенность (овод). При переводе повести на русский язык автор применяет различные способы: полные и частичные фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги, описательный перевод, калькирование. Количественные результаты представлены на диаграмме (рис. 7):

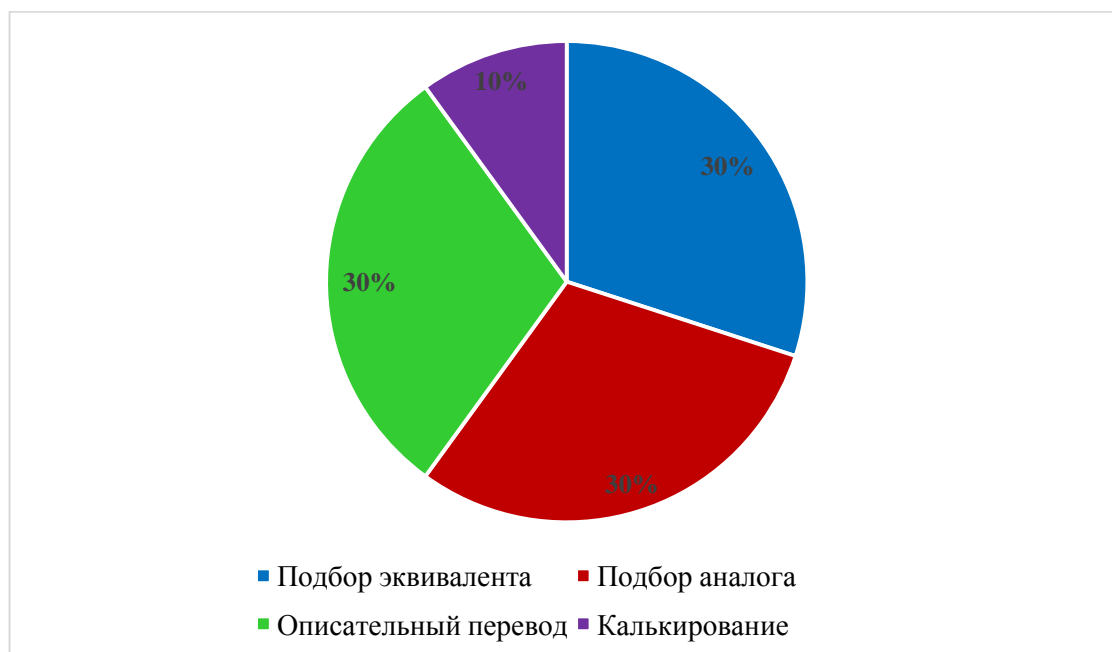

Рис. 7 Частотность использования способов перевода ФЕ

3.4. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в романе Ч. Айтматова «Материнское поле»

Повесть «Материнское поле», написанная Ч. Айтматовым на киргизском языке и переведенная самим писателем на русский язык, посвящена описанию истории жизни простой сельской женщины и ее семьи в тяжелое военное и послевоенное время. Главной героине, Толгонай, пришлось пережить многие трагические события, но она стойко и мужественно преодолевает все испытания. Название повести глубоко символично: поле становится свидетелем и участником всей жизни Толгонай и ее семьи, именно ему она рассказывает о своих горестях и радостях, как верному другу. В судьбе Толгонай отразились судьбы многих женщин того времени.

В тексте произведения используются фразеологизмы с наименованиями животных и птиц, характеризующие членов большой семьи.

Сын главной героини, Майсалбек, рано покинул родительский дом, «как рано оперившийся птенец»:

«Уясынан эрте учкан балапандай, Майсалбегим эрте кетпедиби» [Айтматов 2018: 404].

В русскоязычном варианте произведения автор использует эквивалентный фразеологизм: *«Майсалбек, как рано оперившийся птенец, первым улетел из гнезда»* [Айтматов 1982: 296].

Глубокое чувство привязанности матери к младшему сыну передается с помощью описательного перевода. В киргизском варианте используются качественные определения в составе сравнительных оборотов:

«Жайнагым, кенжем, шайырым» (букв.: мой Жайнак, младшенький мой, мой жизнерадостный) [Айтматов 2018: 404].

В русскоязычном варианте произведения употребляется фразеологизм с компонентом «жеребенок», который выражает чувство нежности, любви к маленькому резвому ребенку: *«Джайнак, мой сынок, младшенький, мой жеребенок»* [Айтматов 1982: 326].

Зооним «лошадь/конь» в повести активно используется как в качестве самостоятельной лексемы, так и в составе фразеологизмов и паремий. Это связано с тем, что лошадь всегда играла важнейшую роль в жизни кочевого киргизского народа. В повести конь сравнивается с оленем:

«Жана дайраны жалдап өткөн жаныбар жээрге айгыр эликтей суналып жолго түшкөндө, артынан коюу чаң бурулдап, чабармандын карааны бат эле көрүнбөй калды» [Айтматов 2018: 416]. (букв.: когда рыжий жеребец, преодолевший бурную реку, вышел на дорогу вытянув шею, как олень, за ним образовался густой туман пыли, и гонец быстро исчез из виду).

В переводе на русский язык Ч. Айтматов для описания быстрого передвижения использует фразеологический аналог, узуальный фразеологизм с компонентом «птица» – *нестись птицей*:

«Мы долго смотрели вслед юному гонцу и слушали, как тревожно рокотала сухая дорога под копытами рыжего, уносящегося птицей, жеребца» [Айтматов 1982: 307].

Стремительное передвижение, ход времени также передается через образ птицы: время протекает «быстро, как птица». Фразеологизм «как птица» выражает значение высокой скорости передвижения машины:

«Комбайн канатын жайып жер бети менен сызган алп куш өңдүү туюлду» [Айтматов 2018: 422] (букв.: комбайн казался гигантской птицей, летающей над полем).

В авторском переводе текста на русский язык используется фразеологический аналог, общеязыковой фразеологизм *как птица*, в котором расширяется компонентный состав за счет включения атрибутивного компонента – прилагательного «степная», придающего национальный колорит высказыванию:

«Комбайн летел по полю, как степная птица» [Айтматов 1982: 312].

Образы различных степных птиц позволяют писателю создать яркий портрет внешности персонажей или представить неодушевленные предметы.

Так, для характеристики Касыма используется компаративный индивидуально-авторский фразеологизм *как беркут, готовый к взлету*:

«Касымым болсо комбайндын үстүндө учууга камынган бүркүттөй, бет алдына көз айырбай тигилип турганы турган» [Айтматов 2018: 417] (букв.: а мой Касым стоял на комбайне, не отрывая взгляда от поля, как беркут, готовый к взлету).

В переводе на русский язык используется фразеологический аналог, происходит замена компонента-зоонима «беркут» на «коршун»: *«Днями стоял он на мостике под жгучим ветром, как коршун всматривался в мутное марево, за которым скрывались еще не убранные хлеба»* [Айтматов 1982: 307].

В повести также применяется способ включения фразеологизма в переведенный текст, при котором в исходном тексте фразеологизм отсутствует, а в переводе употребляются узуальные фразеологизмы с компонентом-зоонимом. Так, например, образ хищных волков позволяет писателю ярко охарактеризовать алчных и беспощадных людей, укравших зерно, предназначенное для посева, которое Толгонай по крупцам собирала у жителей деревни. Толгонай с горечью говорит:

«Тоо-ташты аралап жүргөндөр гана жашыруун сиңирип кете алат деген пикирге такалдым» [Айтматов 2018: 458] (букв.: я считаю, что зерно могут украсть только те, кто рыскает по горам).

В русскоязычном варианте произведения использован узуальный качественно-обстоятельный фразеологизм *как волки*:

«Должно быть, как волки, рыскают сейчас в горах и степи» [Айтматов 1982: 327].

Общезыковой качественно-обстоятельный фразеологизм *куда Макар телят не гонял* подвергается трансформации и видоизменяет свою внешнюю форму, утрачивая отрицательную частицу НЕ, при этом меняется сочетаемость фразеологизма. С помощью данного выражения председатель предостерегает от опасности Толгонай, которая предложила засеять поле вне плана, чтобы накормить голодных людей:

«А ты, – говорит, – знаешь, куда Макар телят гонял?» [Айтматов 1982: 336].

Однако в киргизском варианте произведения значение угрозы передается иными средствами, фразеологизм отсутствует, что уменьшает эмоциональную нагрузку текста (включение ФЕ в ПТ):

«*Оозуңа карап сүйлө! Өлгөнү жүрөсүңбү?*» (букв.: Следи за языком! Хочешь умереть?) [Айтматов 2018: 455].

Таким образом, в повести «Материнское поле» наиболее активными являются орнитонимы, которые употребляются в составе качественно-обстоятельственных ФЕ. Узуальный фразеологизм *как птица* имеет широкую сочетаемость – способность характеризовать признаки действия как одушевленных, так и неодушевленных предметов. Используются также наименования диких и домашних животных: *лошадь/конь, жеребенок, теленок, волк*. При переводе повести с киргизского языка на русский Ч. Айтматов наиболее часто применяет описательный перевод (33%): фразеологизм присутствует только в русскоязычном варианте, в то время как в киргизском тексте соответствующая семантика передается иными лексическими средствами (включение фразеологизма в переведенный текст). Также используются способы подбора аналога и описательный перевод (по 22%), фразеологические эквиваленты и калькирование (по 11%). (см. рис. 8):

Рис. 8 Частотность использования способов перевода ФЕ

3.5. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Белый пароход»

Повесть Ч. Айтматова «Белый пароход», написанная на русском языке, была переведена на киргизский язык Ашымом Жакыпбековым. Главный герой произведения, задумчивый и мечтательный мальчик, живущий с бабушкой в горах, обладает поэтическим восприятием окружающего мира, его друзьями становятся животные, деревья, камни, облака:

«А потом приплывут облака и будут выделять наверху все, что ты думаешь. ... облака будут превращаться во все, чего ты хочешь». [Айтматов 1982: 8] .

Облака мальчик ассоциирует с различными птицами и животными:

«Кетпесин бала, жоголбосун бала дешкендей, булуттар бирде арстан болуп жал үксөйтүп, бирде ак куу болуп моюн койкойтуп, түркүн элес тартышат». [Айтматов 2018: 213] (букв: Как будто облака, не желая, чтобы мальчик уходил, превращались то в разъяренного льва, то в красивого лебедя).

В повести активно употребляются наименования различных диких и домашних животных и птиц: *змея, собака, овца, вол, мышь, птица, гусь* и другие, выступающие в составе фразеологизмов для характеристики действующих лиц. Писатель прибегает к созданию окказиональных фразеологизмов с компонентом-зоонимом для описания различных ситуаций из жизни главного героя. Так, летом мальчик купался в реке, и чтобы его не унесло быстрым течением, держался за ветви кустарников:

«Чтобы не снесло течением, мальчик ухватывался за прибрежный тальник – куст рос на самом краю, одни ветки на суше, другие полоскались в реке – и окунался в воду. Ну что это за купание? Как конь на привязи». [Айтматов 1982: 23].

В переводе на киргизский язык происходит замена компонента-зоонима конь на зооним теленок, который более соответствует мальчику по возрасту (фразеологический аналог):

«Бирок казыкка байланган торпоктой болуп, ошо да сууга түшкөнбү?» [Айтматов 2018: 235] (букв: Это что за купание, как привязанный теленок?).

Внешний вид мальчика также описывается через сравнение с теленком:

«Ресницы у мальчика длинные, как у телка, и все время хлопают отчего-то сами по себе». [Айтматов 1982: 29].

В киргизском варианте повести данное выражение полностью сохраняется (фразеологический эквивалент):

«Баланын киртиктери музоо киртик, салаңдап узун да, улам-улам ирмеле берет». [Айтматов 2018: 242] (букв: Глаза мальчика с длинными, как у теленка ресницами, все время моргают).

Мальчику противопоставляется образ Орозкула, человека злого, грубого, агрессивного. Для описания характера и внешнего вида Орозкула Ч. Айтматов использует ФЕ с компонентами собака, вол, жеребец:

«Орозкулдун оозунан ак ит кирип, кара ит чыгып, көзүнчө кызын дөбөт жыттабас канчык, күнү бүткөнчө кысып калган эшек деп, андан аша булганыч сөздөр менен сөгүп жатканын тыгыны жок кулагы аргасыздан уккан тура». [Айтматов 2018: 253] (букв: У Орозкула в рот входит белая собака, выходит черная, при Момуне ругает бесплодной ослицей, и разными матерными словам Для описания внешнего вида Орозкула Ч. Айтматов употребляет индивидуально-авторское фразеологическое сравнение *как вол в борозде*:

«Набычившись, цепляя плащом за кусты, он шел, тяжело дыша, как вол в борозде». [Айтматов 1982: 49].

В переведенном тексте наблюдается частичное изменение образной основы фразеологизма (фразеологический аналог):

«... мала тарткан өгүздөн бетер кышылдап, кара-көк болуп түтөгөн неме, чүйлүсү буржуюп, кыйналып барат. [Айтматов 2018: 273]. (букв: «Как упитанный вол, с жирными складками на шее, тяжело дыша, шел с трудом»).

Наряду с зоонимом «вол», для характеристики Орозкула используется образ коня/жеребца, который в обоих лингвокультурах ассоциируется с молодым, здоровым мужчиной:

« – Даа, в город бы.... И жену эту, пустобрюхую, и старика безмозглого с пащенком этим, с которым он возится, как с невидалью какой. Эх, выиграл бы я, как сытый конь на овсе!» [Айтматов 1982: 52].

В киргизском тексте употребляется окказиональное фразеологическое сравнение с иной образной основой – как *необъезженный жеребец* (фразеологический аналог):

« – О, анда мен азоо айгырдай азынап турбас белем!» [Айтматов 2018: 277]. (букв: « – Эх, ржал бы я громко и часто, как необъезженный жеребец!»).

Грубость и жестокость Орозкула проявляются по отношению к жене, которую он выгоняет из дома, «как паршивую собаку»:

«Кому она нужна теперь, твоя неродящая дура. Пойди, пусть она скажет, кто она теперь. Как собаку паршивую, выгнал ее из дома муж». [Айтматов 1982: 68].

В переведенном тексте происходит расширение компонентного состава фразеологизма и изменение его сочетаемости (фразеологический аналог и трансформация ФЕ):

«Эри аны ууру иттен бетер сабап, кууп чыкты үйүнөн» (букв.: Ее муж избил, как собаку-воровку, и выгнал из дома).

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами выступают в качестве авторской характеристики и остальных персонажей. Дочь Момуна, Бекей, смирилась со своей судьбой и считает себя проклятой небом. Она завидует тем женщинам, у которых много детей, которые «рожают, как овцы»:

«Но ее не оставляют мысли забеременеть: Сколько баб на свете рожают, как овцы, а меня прокляло небо. За что? За что мне такая жизнь?» [Айтматов 1982: 36].

Поведение Момуна по отношению к Орозкулу образно характеризуется с помощью узуального фразеологизма как *побитая собака*, который выступает в трансформированном виде:

«Оглянувшись, он увидел, как семенил следом дед Момун, точно преданная собака, побитая хозяином». [Айтматов 1982: 94].

В киргизском тексте фразеологизм используется в своем первоначальном виде:

«Алардын артында таяк жеген иттей болуп, башын жерге салып, Момун чал келе жатат». [Айтматов 2018: 335] (букв: За ними шел дед Момун, не поднимая голову, как побитая собака).

Ярким художественным приемом является выражение противоположности героев-антагонистов через противопоставление образов животных. Так, мальчик сравнивается с оленем, загнанным беспощадными и злыми людьми – волками:

«Ведь такие, как Орозкул, возненавидят его и будут терзать, как волки загнанного оленя». [Айтматов 1982: 65].

«Орозкулга окшогон немелердин колуна түшсө, карышкырдын камоосунда калган маралдай болот» (букв: Если попадет к таким, как Орозкул, будет как олень, окруженный волками). (фразеологический аналог).

Образ шипящей змеи в обоих лингвокультурах символизирует поведение злобного, опасного человека:

«Өзүң билбей куруп кал, – деди таене жыланча ышылдай заардуу шыбыран». [Айтматов 2018: 216] (букв.: «Чтоб ты сквозь землю провалилась, – прошипела, как змея, старуха).

«– Ну и дура, – еще тише, но со злорадством прошептала бабка. Не будь продавца, как бы она сейчас отчитала тетку Бекей. Ух, они и ругаются же!...» [Айтматов 1982: 10]. В исходном тексте зооним отсутствует (включение фразеологизма в переведенный текст).

Зооним «конь» используется в составе пословицы, характеризующей старого Момуна:

«Ак көңүлдүн аты арыбайт, өзү жарыбайт». [Айтматов 2018: 220] (букв.: У доброго человека никогда конь не выходит вперед, а сам никогда не разбогатеет). В ПТ (переведенный текст) используется описательный перевод:

«Не будь добрым, а будь злым, – а он, на беду свою, остается неисправимо добрым». [Айтматов 1982: 13].

В ИТ (исходный текст) повести автор употребляет национально специфичные наименования животных, например, кулан. В лингвокультуре киргизского этноса кулан символизирует здоровье и силу, выступая в составе сравнительного фразеологизма *как дикий кулан*:

«Пропотеешь – и, бог даст, станешь утром, как дикий кулан». [Айтматов 1982: 91].

В переводе используется описательное выражение с данным зоонимом:

«Ачынбай тердеп жатсаң, эртең куландан соо туруп кетесиң». [Айтматов 2018: 332] (букв.: Если будешь спать, укрывшись одеялом, утром будешь здоровее кулана).

В повести «Белый пароход» фразеологизмы с компонентом-зоонимом могут быть направлены не только на человека, но и на неодушевленные предметы и на других животных. Например, олениха сравнивается с кобылицей, звук мотора машины сопоставляется с рыком барса:

«А сама олениха, как кобылица статная, приносящая каждый год по жеребенку». [Айтматов 1982: 70]. В переводе наблюдается трансформация компонентного состава фразеологизма (фразеологический аналог):

«Жылына кулун берген сүттүү бээдей болуп, сымбаты да келишкен». [Айтматов 2018: 303] (букв.: Красива, как молочная кобылица, приносящая жеребенка каждый год).

«Машина зарычала, как барс, и унеслась, догоняя своих». [Айтматов 1982: 78]. *«Машине илбирсче күркүрөп, тапатаңдан атырылып жөнөдү»*. [Айтматов 2018: 313] (букв.: Машина, рыча как барс, с утра рванулась с места).

Таким образом, в повести «Белый пароход» активно используются фразеологизмы с различными компонентами-зоонимами, выполняющие оценочно-характеризующую функцию: автор ярко и образно изображает поведение персонажей, их характер, внешний вид. Особенностью идиостиля повести «Белый пароход» является широкое употребление индивидуально-авторских и узуальных компаративных фразеологизмов. На диаграмме (рис. 9) представлена частотность использования различных способов перевода ФЕ:

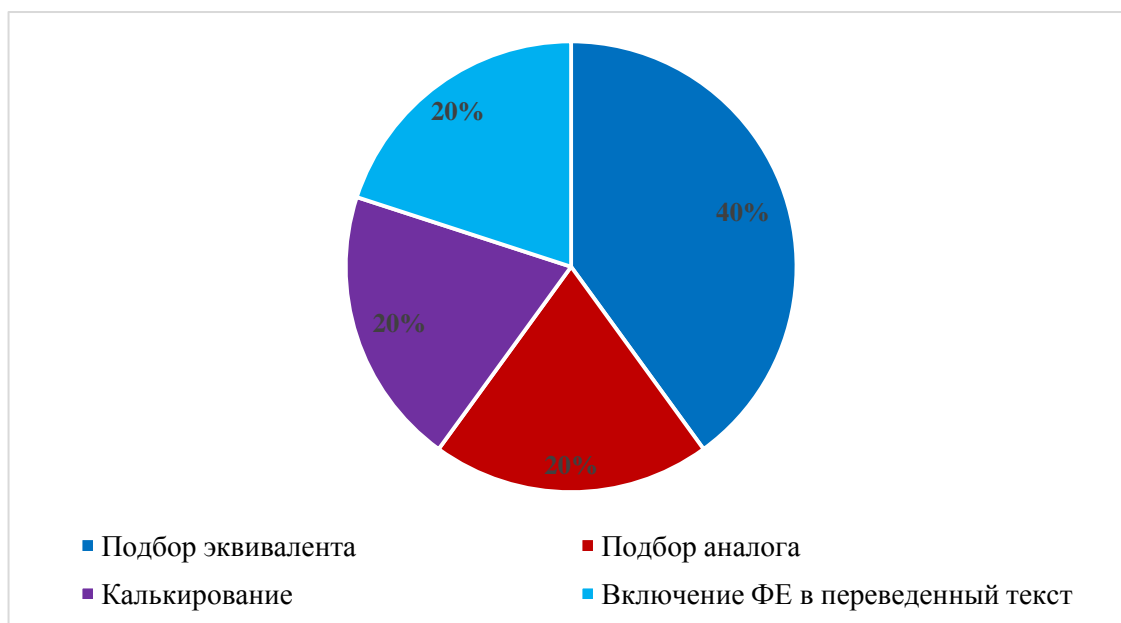

Рис. 9 Частотность использования способов перевода ФЕ

Таким образом, наблюдается существенное преобладание способа подбора эквивалента (40%) и примерно одинаковая частотность способов подбора аналога, включения ФЕ в переведенный текст и калькирования.

3.6. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Ранние журавли»

Повесть «Ранние журавли», написанная Ч. Айтматовым на русском языке, переведена на киргизский язык Ашымом Джакыпбековым. Произведение основано на реальных событиях, участником которых был Ч. Айтматов. Главные герои, 15-16-летние подростки, самоотверженно трудились в колхозе. О тех днях писатель вспоминает: «Мы оказались тем поколением подростков, которые на другой день войны шагнули сразу из мира детства в пучину военной жизни, в многострадальную тыловую действительность, потребовавшую от нас далеко не детской зрелости и мужества» [Айтматов 2018: 606]. Особенностью данной повести является употребление окказиональных фразеологизмов, которые могут характеризовать действия не только человека, но и животных, например:

«Бывало, как побегут Чабдар и Чонтору в лад, в равном усердии, гривами вскидывая, покачиваясь на плавном ходу, как две рыбыны, рядом плывущие, любо смотреть» [Айтматов 1982: 517]. Индивидуально-авторский компаративный

фразеологизм с компонентом «рыбина» ярко и образно представляет крепких, мощных, дружно бегущих коней. В переводе на киргизский язык происходит замена образной основы исходного фразеологизма: зооним «рыбина» заменяется зоонимом «тигр»:

«Чабдар менен Чонтору жалын көккө сертип, кызый жүрүп бергенде соорулары бирдей чайпалып, жанаша жорткон эки жолборстой көрүнөр эле» [Айтматов 2018: 369] (букв.: Когда Чабдар и Чонторду, вскидывая гривы, бежали, они были похожи на двух тигров, бегущих рядом, покачивая своими мощными бедрами).

Окказиональный компаративный фразеологизм *как молодой бычок* служит для номинации лошади:

«Через двадцать дней любой коняга из этих взыграет, как молодой бычок» [Айтматов 1982: 539]. В переводе исходный фразеологизм утрачивается, заменяясь описательным выражением:

«Жыйырма күн эле жакшы баксаңар, ушул көтөрүм аттардын ар бири оюн салып чыга келет» [Айтматов 2018: 398] (букв.: если будете хорошо смотреть за этими слабыми лошадьми хотя бы 20 дней, любая из них будет резвиться).

Для характеристики животных автор также использует и общеязыковые единицы, например, фразеологизм *(ходит за кем-либо) как собака (собачонка)* в повести употребляется по отношению к ослику, постоянно сопровождавшему своего хозяина – мальчика Аджимурата, который говорит:

«Ходит за мной, как собачонка» [Айтматов 1982: 520]. В переводе используется эквивалентный компаративный фразеологизм с компонентом *иттей*:

«Иттей болуп артыман ээрчип алат да, минейин десем, мингизбейт» [Айтматов 2018: 421]. (букв.: хоть и ходит за мной, как собачка, но не дает сесть верхом).

В повести активно используются узуальные и окказиональные компаративные фразеологизмы, характеризующие образ действия человека, например:

«*Это верно, Аджимурат, тот моложе на три года, ни в чем и никогда не уступит. Упрямый, как осел*» [Айтматов 1982: 517]. В переводе на киргизский язык происходит замена фразеологизма с компонентом-зоонимом на фразеологизм «көк бет», передающий тождественную семантику – «упрямый» (букв.: синее лицо):

«*Үч жаш кичүү Ажымураттын көктүгүн айтпа, жак дегенин бербейт*» [Айтматов 2018: 370]. (букв.: про упрямство Аджимурата, который младше на три года, не стоит говорить, достигает цели любым путем)).

В процессе перевода возможна замена описательного выражения соотносительным по семантике фразеологизмом с компонентом-зоонимом (включение фразеологизма в ПТ). Рассмотрим это на примере следующей ситуации. Мальчик Аджимурат очень скучал по отцу, и когда тот возвращался с работы, горячо обнимал его:

«*Аджимурат кинулся на шею отца и прилип, как вцепился, так и не отпустил*» [Айтматов 1982: 518].

При переводе данного предложения на киргизский язык включение ФЕ в ПТ: компаративный фразеологизм *ач кенедей* – «как голодный клещ»:

«*... ал атасын жакшы көрүп, ач кенедей жабышып аларына кошуналары да таң*» [Айтматов 2018: 370] (букв.: Когда он цеплялся на шею отца, как голодный клещ, соседи удивлялись).

Узуальный фразеологизм *как теленок* характеризует поведение мальчика: когда в гости приезжает дядя, мальчик ни на шаг не отходит от него:

«*Ласкался, как теленок, хотя и в третий класс уже ходил*» [Айтматов 1982: 553]. В переводе ФЕ полностью сохраняется (фразеологический эквивалент):

«*Үчүнчү класста окуганын билбеген чоң торпок тайраңдап эркелеп жатты*» [Айтматов 2018: 417]. (букв.: Не чувствующий себя третьеклассником, как большой телок, ласкался дяде).

Для характеристики образа действия человека писатель использует узуальный фразеологизм *как лягушка*, который утрачивается при переводе на киргизский язык:

«... вязанка перекатится через голову, а носильщик растянется, как лягушка» [Айтматов 1982: 567]. В переводе компаративное сочетание *как лягушка* заменяется описательным словосочетанием: *«Арыктын кашатына чалкасынан кулады»* [Айтматов 2018: 435] (букв.: Он спустил ноги в арык и лег на спину).

Узуальный фразеологизм *как петухи* Ч. Айтматов использует для обозначения поведения двух подростков – Султанмурата и Атантая, которые спорили из-за внимания красавицы Мырзагуль:

«Ребята на берегу смеялись, потешались, подзадоривали, а они, как петухи, не на шутку разошлись» [Айтматов 1982: 571]. В переводе фразеологизм утрачивается, однако используется лексема «перья», ассоциативно связанная с образом птицы:

Экөө суунун ортосунда аттарын темине үрпөңдөшүп, кармаша кетишти» [Айтматов 2018: 439]. (букв.: «Они посредине реки, уперев ноги в стремяна, приподнимая перья, чуть не подрались»).

Тяжелое душевное состояние Атантая, который получил известие о гибели отца, изображается с помощью индивидуально-авторского фразеологизма *как жеребенок в непогоду*:

«Раздавленный свалившимся на его плечи горем, он по-детски, в голос рыдал, приткнувшись к стене, как жеребенок в непогоду» [Айтматов 1982: 581]. При передаче на киргизский язык переводчик сохраняет частично образную основу исходного фразеологизма:

«Балдардын ичинде алдуусу, албурлуусу, эми ак бороондо адашып калган кулундан бетер бүрүшүп, жааш баладай боздойт» [Айтматов 2018: 452] (букв.: Самый старший и самый сильный из ребят по-детски рыдает, как потерявшийся в буране жеребенок»).

Узуальный фразеологизм (*убить, прибить кого-либо*) *как щенка* характеризует жестокость и беспощадность людей, дезертировавших из армии, которые угрожают мальчикам:

«Если кто трепыхнется сейчас, прежде времени, прибью, как щенят» [Айтматов 1982: 586]. В ПТ используется описательный перевод:

«Эгер тил албай мөңкүчү болсоңор, ушерден эле коңоңорду жулуп алам» [Айтматов 2018: 473] (букв.: Если окажете сопротивление, сейчас же вырву глотку).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в повести «Ранние журавли» могут выступать в качестве бранной характеристики человека, передавая резко отрицательное отношение к лицу, совершившему предосудительный поступок. Так, бранный фразеологизм *сукин (собачий) сын*, который имеет эквивалент в киргизском языке. Зооним «собака» в обеих лингвокультурах выражает резко негативную коннотацию. Например:

«Беги, сукин сын!» [Айтматов 1982: 550]. В киргизском варианте повести данный фразеологизм переводится с помощью эквивалента:

«Кач, кач, иттин баласы!» [Айтматов 2018: 413] (букв.: Беги, беги, собачий сын!).

В повести также используется описательный перевод в том случае, если в переводящем языке соотносительный фразеологизм отсутствует. Например:

«Напарник повернул на скаку, кинулся зверем, хотел сшибить с коня» [Айтматов 1982: 599]. Сравн. в ПТ: *«Уурулардын бири коштогон эки атты алдыңкысына тапшырды да, Султанмуратка атырылды, аттан оодара тээп өтчүдөй жутунду»* [Айтматов 2018: 478] (букв.: Один из конокрадов передал канат, которым были привязаны лошади другому, и кинулся на Султанмурата, желая сбить его с коня).

Таким образом, в повести «Ранние журавли» активно используются узуальные и окказиональные компаративные фразеологизмы, характеризующие образ действия человека или животного. Согласно полученным результатам, наблюдается существенное преобладание описательного перевода (50%). На втором месте подбор эквивалента (25%), на третьем – калькирование, включение ФЕ в переведенный текст и подбор аналога (по 8%).

Рис. 10 Частотность использования способов перевода ФЕ

3.7. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в произведении Ч. Айтматова «Лицом к лицу»

Повесть «Лицом к лицу», написанная Ч. Айтматовым на киргизском языке и переведенная самим автором на русский язык, рассказывает о нелегкой жизни сельской семьи, глава которой воюет на фронте, но затем становится дезертиром. В тексте используются фразеологизмы с компонентами-наименованиями домашних и диких животных и птиц: *овца, лошадь, журавль, ворон, птица, сыч, собака*. Рассмотрим семантико-структурные особенности и способы перевода ФЕ в данной повести.

Зооним «*овца*» выступает в составе индивидуально-авторского компаративного фразеологизма как *больная овца*, характеризующего состояние тяжело больной женщины:

«*Кемтирдин карылыгы жеткен өпкө койдой онтойт, алы жок*» [Айтматов 2018: 21] (букв.: Старуха кашляет как больная овца, совсем слабая). В переводе на русский язык используется окказиональный фразеологизм, тождественный по семантике и по структуре (способ калькирования):

«*Свекровь, как больная овца, со стоном кашляет*» [Айтматов 1982: 41].

Аналогичную синтаксическую структуру имеет узуальный фразеологизм *как загнанная лошадь*, передающего угнетенное психологическое и физическое состояние Исмаила, дезертировавшего из армии:

«Иной раз он смотрит жалостно, беспомощно, как загнанная лошадь» [Айтматов 1982: 46]. Однако в исходном варианте повести фразеологизм отсутствует:

«Ысмайыл көбүнчө унчукпай, ындыны өчкөн кишидей үңкүйүп отурат» [Айтматов 2018: 27] (букв.: Исмаил в основном сидит, опустив голову, как человек, потерявший интерес к жизни). Способ включения ФЕ в ПТ.

Орнитоним *журавль* используется в составе сравнительного фразеологизма (*жилистый*) как журавль:

«Күнгө күйгөн турнадай тарамыштуу денесин тер басып жылтылдап, жылаңачтанып алып кечке жанын тиштеп иштеп, качан болсо жайдары жүрчү эмес беле» [Айтматов 2018: 27]. (букв: Загоревший, жилистый как журавль, с блестящим от пота телом, не жалея себя, работал с утра до ночи и всегда был спокойным). В переводе на русский язык используется фразеологический эквивалент:

«Черный от загара, жилистый как журавль, он работал не покладая рук, не зная усталости» [Айтматов 1982: 46].

Орнитоним *ворон* в русской лингвокультуре ассоциируется с чем-либо недобрым, мрачным, гнетущим:

«Стояла гнетущая тишина – ворон не каркнет» [Айтматов 1982: 50].

В киргизском языке значение полной, глубокой тишины передается иными лексическими средствами, с помощью описательного выражения, в котором присутствуют образы двух хищных птиц – *ворона и грифа*:

«... коктуларда кулак-мурун кескендей тынчтык, «как» деген карга, «кук» деген кузгун жок [Айтматов 2018: 33]. (букв.: ... в ущельях так тихо, как будто отрезали уши и нос, нет ворон, издающих звук «как», нет грифов, издающих звук «кук»).

Аналогичное образное значение выражает орнитоним *сыч* в составе фразеологизма *сидеть сычом*, характеризующем мрачное, подавленное состояние Исмаила:

«А он сидел у огня сычом, мутно и зло поблескивали его злые глаза» [Айтматов 1982: 50].

В киргизском варианте повести фразеологизм отсутствует, угнетенное психологическое состояние персонажа выражается с помощью описания внешнего вида человека:

«*Жапан тиктеген көзү кызарып, заарга толот да турат*» [Айтматов 2018: 35] (букв.: Красные глаза наполняются злостью). Способ включения ФЕ в переведенный текст.

Образ птицы, спасающей своих птенцов, характеризует поведение жены Исмаила, пытающейся защитить своего мужа:

«*Күйүгүп, ынтыккан Сейде, уядагы балапанын киши-карадан коругансып, элтең-элтең жүгүрүп, эки жагын каранат*» [Айтматов 2018: 103] (букв.: Сейде, тяжело дыша, бежит и все время оглядывается, как будто оберегает своих птенцов от чужих людей»).

В переводе на русский язык происходит частичная трансформация исходного образа (фразеологический аналог):

«*Как птица, оберегающая свое гнездо, кружила Сейде по холмам, боясь навести кого-нибудь на убежище Исмаила*» [Айтматов 1982: 73].

Зооним *собака* имеет резко негативную коннотацию. Фразеологизм (*околеть*) как *собака* используется в русскоязычном варианте повести в речи Исмаила:

«*Буду воровать, буду грабить; не для того сбежал из армии, чтобы здесь околевать как собака!*» [Айтматов 1982: 76]. Однако в исходном тексте используется аналогичный по семантике фразеологизм, не включающий в свой состав зооним и выражающий сниженную экспрессивность, – *умереть с голоду*:

«Аскерден качып келип, ачтан өлөйүн деген эмесмин!» [Айтматов 2018: 105]. (букв.: Я не для того сбежал из армии, чтобы умереть с голоду!). Способ замены ФЕ без компонента-зоонима на ФЕ с компонентом-зоонимом.

Таким образом, в повести «Лицом к лицу» используются фразеологизмы с компонентами-наименованиями домашних и диких животных и птиц: *овца, лошадь, журавль, ворон, птица, сыч, собака*. При переводе с киргизского языка на русский наблюдается существенное преобладание способа включения ФЕ в переведенный текст (57%), что повышает эмоционально-экспрессивную выразительность ПТ. На втором месте фразеологические эквиваленты (29%) и на третьем – фразеологические аналоги (14%). Полученные результаты представлены на диаграмме (рис. 11):

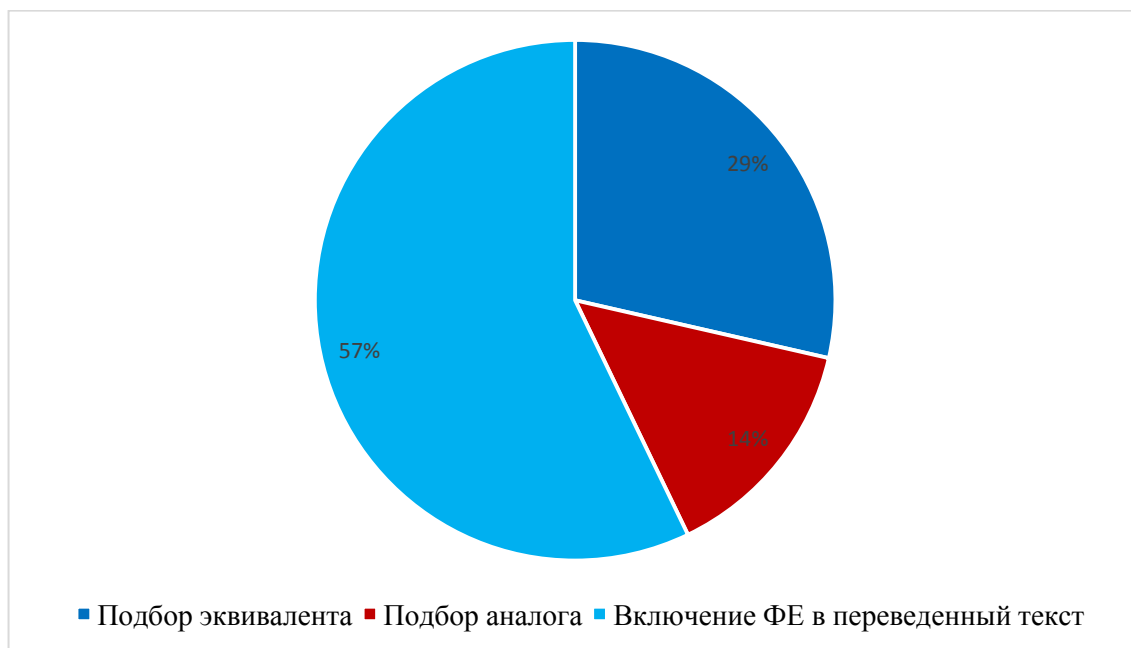

Рис. 11 Частота использования способов перевода ФЕ

3.8. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!»

Особое место в творчестве Ч. Айтматова занимает повесть «Прощай, Гульсары!», написанная на русском языке и переведенная на многие языки мира (итальянский, английский, французский и другие), на основе которой был создан фильм режиссера С.П. Урусевского «Бег иноходца».

Как подчеркивал сам писатель, «лично мне повесть эта дорога тем, что в ней, как я думаю, мне удалось нарисовать картину современной национальной жизни, киргизский национальный характер. Я стремился воспроизвести не национальный «орнамент», а поставить существенные вопросы национального бытия, проникнуть в социальные конфликты и противоречия» [Айтматов 2018: 548].

В повести на большом историческом фоне раскрывается судьба Танабая, человека честного, активно участвующего в жизни родного села в сложный период коллективизации и Великой Отечественной войны. Художественной особенностью произведения является тесная взаимосвязь с мифологическими сюжетами киргизского эпоса: «трагедия Танабая раскрыта на широком эпическом фоне, созданном благодаря использованию мифологических сюжетов, в том числе мотивов киргизского эпоса «Кожожаш» и «Карагул» [Айтматов 2018: 295].

Критики отмечают и такую особенность повести, как тесная взаимосвязь человека и животного: «единство человека и животного – характерный айтматовский образ, «двухголовый образ-кентавр» [Гачев 1989]. Аналогичную картину можно наблюдать в повести «И дольше века длится день», в которой рассказывается о судьбах человека и его верблюда, Буранного Каранара. В повести «Прощай, Гульсары!» сюжет строится на основе описания жизни иноходца Гульсары, неразрывно связанной с судьбой Танабая, насыщенной многими радостными и трагическими событиями.

Яркой чертой идиостиля данного произведения является обилие образов различных животных и птиц, обитающих на степных просторах, где и разворачивается действие. Например, наименования диких и домашних животных: *собака, конь, бык, кошка, лев, рыба, змея* и другие; орнитонимы: *беркут, птица, воробей* и другие; инсектонимы: *червь, муха*.

Среди зоонимов центральное место занимает образ коня, что нашло отражение в названии произведения. В повести подчеркивается высокая значимость данного животного в жизни киргизского этноса, так как от коня во многом зависело благополучие и жизнь его хозяина:

«Ат башына күн түшсө, суулугу менен суу ичет, Эр башына күн түшсө, өтүгү менен суу кечет». Гүлсары, Гүлсары болуп турган тушунда да арабага чегииш үчүн уктаса да түшкө кирбес эле. Бирок, Ат башына күн түшсө, суулугу менен суу ичет, Эр башына күн түшсө, өтүгү менен суу кечет» деген кеп ырас. [Айтматов 2018: 7]. (букв.: Если беда свалится на коня – конь будет взнузданным воду пить, Если беда свалится на молодца – молодец и вброд пойдет в сапогах). В ПТ используется способ калькирования – пословный перевод каждого компонента паремии, что позволяет точно передать ее образную основу: «Раньше никому бы не пришло в голову запрячь его в телегу, это было бы кощунством. Но, как говорится, если беда свалится на коня – конь будет взнузданным воду пить, если беда свалится на молодца – молодец и вброд пойдет в сапогах». [Айтматов 1982: 376].

Как отмечает автор, иноходец представлял собой особую ценность, потому что его бег считался очень плавным и мягким, так как при беге конь выбрасывает вперед одновременно либо обе левые, либо правые ноги. Высокая ценность такой лошади нашла отражение в пословице *«Сулуу кыз менен суу жоргонун жуучусу көп болот»*. (Букв.: На хорошего иноходца, как на красивую девушку, охотников много). *Кыз тагдыры кыйын да: жакшы колго туш келсе, жадырап гүлдөйт, көргөндүн көңүлү курсант болот, жаман колго туш келсе, кор болот, көргөндө жаның кейийт. Жардам беришке колуңан эч нерсе келбейт. Жакшы ат да ошондой.* [Айтматов 2018: 22].

«На хорошего иноходца, как на красивую девушку, охотников много. Девичья судьба какая: попадет в хорошие руки – будет цвести, глаза радовать, попадет к какому-нибудь дурню – страдать будешь, глядя на нее. И ничем не поможешь. Так и с хорошим конем» [Айтматов 1982: 386] (способ калькирования паремии).

Зооним *бык* в языковом сознании и русского, и киргизского народа символизирует агрессивность, силу и упрямство. Это представление актуализируется во фразеологизме *как бык* в русском языке и *как бодливый бык* – в киргизском языке. Данный фразеологизм употребляется в киргизском варианте

повести, в то время как в русском тексте используется семантически соотносительный глагол «набывчившись». Сравн.:

«Сүзөнөөк букача көзүнүн төбөсү менен тиктеп, аялына барды» [Айтматов 2018: 183]. (букв.: Смотрел на жену, как бодливый бык).

«Пошел назад, набывчившись, опустив глаза» [Айтматов 1982: 494]. Способ включения ФЕ в ПТ.

Зооним *собака* олицетворяет различные отрицательные качества и передает резко негативную коннотацию. Так, фразеологизм *иттин көткү шыйрагы* – (букв. задняя лапа собаки) имеет значение «стыд и позор». Например:

«Иттин көткү шыйрагындай кылып, кууп чыгышты» [Айтматов 2018: 177]. (Букв.: Выгнали, как заднюю лапу собаки). В русском варианте повести автор использует фразеологический аналог – соотносительный по семантике фразеологизм *как последнюю собаку*:

«Выгнали, как последнюю собаку, и все!» [Айтматов 1982: 490].

Известным антагонистом собаки в обеих лингвокультурах выступает кошка. Противопоставление «собака – кошка» послужило основой русского фразеологизма *(жить) как кошка с собакой*, который имеет эквивалент в киргизском языке: *ит менен мышыктай*. Данный фразеологизм включен в киргизский текст повести:

«Анан кайдан жакшы көрсүн, ит менен мышыктай» [Айтматов 2018: 389]. (букв.: Как он может любить, ведь они, как кошка с собакой). Однако в русском тексте данный фразеологизм отсутствует, а для передачи отношений между людьми используется глагол «ненавидеть» в сочетании с наречием «люто»: «... люто ненавидят Танабая» [Айтматов 1982: 400].

В повести активно употребляются компоненты-орнитонимы: гипероним «птица» и наименования различных видов птиц, среди которых преобладают названия диких птиц.

Зооним *птица*, являющийся одним из наиболее частотных, символизирует свободу, полет. Например:

«Казактар алдын тороп беттеше келерде, Танабай Гүлсарыны дагы чукул буруп кетти да, кайкып учкан куштай кууган топту четтете кайрып салды» [Айтматов 1982: 59]. (букв.: Когда казахи преградили им путь, Танабай резко повернул Гүлсары, как птицу, взмывшую в небо, и отогнал преследующую толпу). В русском варианте повести используется фразеологический аналог:

«Как стаи быстрокрылых птиц, падающих на лету с крыла на крыло, носились по широкой степи убегающие и догоняющие их орды всадников» [Айтматов 1982: 410].

Компаративный фразеологизм *мезгил куштай учат* (время летит, как птица) используется в киргизском варианте повести, символизируя быстрое течение времени:

«Мезгилдин куштай учканын карачы» [Айтматов 2018: 77]. (букв.: Посмотри, как время летит, точно птица). Однако в русском тексте автор употребляет иной фразеологизм с аналогичной семантикой (фразеологический аналог): *«О, как время идет»* [Айтматов 1982: 423].

Ограничение возможности передвижения птицы отражено во фразеологизмах *капастагы куштай болуп* – «как птица в клетке» и *адашып калган куштай болуп* – «словно заблудившаяся птица»:

«Адам картаят экен, бирок көңүл чиркин ага моюн сунбай, капасты канаты менен чапкылаган куштай кээде талпынып-таңшып алат тура» [Айтматов 2018: 120]. (букв.: Человек, оказывается, стареет, но душа, бедняжка, не хочет это признать, и иногда, как птица в клетке, бьется своими крыльями).

В русском варианте повести, однако, данный фразеологизм отсутствует: *«Стареет человек, а душа его не хочет сдаваться, нет-нет да и встрепенется, подает свой голос»* [Айтматов 1982: 450] (включение ФЕ в ПТ).

Иногда в процессе перевода писатель полностью сохраняет значение и образную основу фразеологизма, используя окказиональные фразеологические эквиваленты. В русском тексте:

«Не хотелось ему умирать одинокой птицей, отбившейся от своей быстрокрылой стаи» [Айтматов 1982: 511]. Сравн. перевод на киргизский язык:

«Ошондо да желе тарткан тобунан адашып калган куштай болуп жалгыз өлгүсү келбеди» [Айтматов 2018: 207]. (букв.: Даже тогда ему не хотелось умереть одинокой птицей, отбившейся от своей стаи).

Характерной чертой идиостиля данной повести является активное использование наименований диких птиц: *орел, беркут, стервятник*. Орнитонимы *беркут* и *орел* воплощают такие качества, как агрессивность, жестокость, беспощадность, выступая в составе индивидуально-авторских фразеологизмов. Так, в русском варианте повести употребляется компаративный фразеологизм *как орлы на одной добыче*:

«Сцепившись, как орлы на одной добыче, они орали благим матом, хрипели и рычали по-звериному, устрашая друг друга, руки их сплетались, из-под ногтей сочилась кровь» [Айтматов 1982: 409].

В переводе на киргизский язык происходит замена орнитонима *орел* на *беркут* (фразеологический аналог):

«Бир аңды талашкан эки бұркүт сыңары экөө бири бирине сес көрсөтө айкырышып, аянышпай сөгүшүп, арстан айбатка салып аркырашып, тырмак астынан кан чыккыча тартышып бара жатты» [Айтматов 2018: 58]. (букв.: Они боролись, как два беркута за одну добычу, кричали и матерились, рыча как лев, вцепились за тушу так, что из-под ногтей сочилась кровь).

Орнитоним *стервятник* в обеих лингвокультурах выражает резко негативную оценочность, которая проявляется в компаративном сравнении *тарп көргөн кузгундай* – как стервятник на падаль. В русском тексте используется фразеологическое сравнение, полностью совпадающее и по семантике, и по компонентному составу (фразеологический эквивалент). Сравн.:

«Тарп көргөн кузгундай болуп жетип келген тура» [Айтматов 2018: 161]. (букв.: Прибежал, как стервятник на падаль). Сравн. В русском варианте: «Прилетел, как стервятник на падаль» [Айтматов 1982: 479].

Орнитонимы *воробей, гусь* выступают в составе компаративных фразеологических единиц с компонентом «как», при переводе используются фразеологические аналоги:

«*Мальчишки понлезли на дувал, как воробы*» [Айтматов 1982: 436]. В переводе на киргизский язык автор использует расширение компонентного состава фразеологизма:

«*Үркүп конгон таранчылардай болуп, балдар дубалдын кырына тизилип отуруп алыптыр*» [Айтматов 2018: 99] (букв.: Как испуганные воробы, дети сели на забор).

«*Жазда тизилип учкан каздардай ал доорондун карааны үзүлдү*» [Айтматов 2018: 106]. (букв.: Как стая гусей, летевших шеренгой, то время уже прошло). В русском тексте: «*Ушло все прошлое, прошумела та пора, как стая серых гусей по весне*» [Айтматов 1982: 441].

Орнитоним *соловей* употребляется в составе киргизского фразеологизма *кой үстүнө торгой жумурткалай турган мезгил* – «время изобилия» (так обычно говорят про осень, когда упитанный скот спустился с гор и собран богатый урожай):

«*Анан бир кезде өздөрү колхозду кантип баштаганын, кой үстүнө торгой жумурткалай турган мезгил келет деп элге убада бергенин эстеди*» [Айтматов 2018: 105]. (букв.: Потом он вспомнил, как строили колхоз, как обещали народу, что придет время, когда соловей будет вить гнездо на спине овцы). Данный фразеологизм является национально специфичным, поэтому в русском тексте используются лексические средства (включение ФЕ в ПТ):

«*И вспомнилось ему, как начинали они когда-то колхоз, как обещали они народу счастливую жизнь*» [Айтматов 1982: 440].

Отличительной особенностью повести является использование сравнительных фразеологизмов с компонентами *змея* и *червь*, отсутствующих в других произведениях:

«*А в степи шарахались белые зарницы, ослепляя ночь белым полымем*» [Айтматов 1982: 423]. Аналогичную картину наблюдаем и в следующем контексте: «... в амбарах колхозных – все под метелку» [Айтматов 1982: 453].

«*Төмөнкү жайыкта караңгы түндү ак жалын менен аймаап, ак боор жылан өңдүү чагылган оттору ойноктойт*» [Айтматов 2018: 70]. (букв.: В том пастбище,

ослепляя темноту белым пламенем, сверкает молния, словно вьется белая змея).(включение ФЕ в ПТ).

Значение «полное отсутствие чего-либо» при переводе на киргизский язык передается с помощью компаративного фразеологизма *жылан жалап кеткендей* – «как змея слизнула» (все подчистую), который имеет фразеологический аналог в русском языке с иной образной основой – *как корова языком слизнула*. Например: «Колхоздун кампасын көрсөң, жылан жалап кеткендей» [Айтматов 2018: 124]. (букв.: Колхозный амбар пуст, словно змея все слизнула).

Зооним *червь* употребляется в составе компаративного фразеологизма с резко негативной коннотацией *курттай кыжылдаганда* – «кишеть, как черви (об очень большом количестве кого-либо)». В русском варианте повести данное значение передается с помощью числительного. Например:

«Антпесе эртең козулар курттай кыжылдаганда, ажыратып көр» [Айтматов 2018: 133]. (букв.: А потом попробуй разберись, когда завтра будет их (ягнят) так много, как червей). Сравн.: «А потом попробуй разберись, когда они будут кишеть сотнями» [Айтматов 1982: 459]. (включение ФЕ в ПТ).

В тексте повести употребляются также фразеологизмы с компонентами-инсектонимами, например, с компонентом *муха*. Так, в киргизском тексте используется фразеологизм *чарк айланган чымындардай болуп* – «как рой мух»:

«Жаман ойлор төбөсүндө чарк айланган чымындардай болуп үймөлөктөй берчү болду» [Айтматов 2018: 138]. (букв.: Плохие мысли приходили ему в голову, как рой мух). В русском варианте повести фразеологизм не употребляется: «Дурно становилось ему от мыслей своих» [Айтматов 1982: 463].(включение ФЕ в ПТ).

Инсектоним *муха* в обоих языках употребляется в составе фразеологических эквивалентов *чымындай кырылуу* – *мрут, как мухи*: «Ач немелер жаактары карышып, көздөрү тостоят, четинен чымындай кырылып жатат» [Айтматов 2018: 156]. (букв.: У них (ягнят) у голодных челюсть выступает, глаза становятся выпученными, и они по-очереди, мрут, как мухи). В русском варианте: «Все хотят есть, все хотят пить и мрут, как мухи» [Айтматов 1982: 475].

Зооним *рыба* в повести выступает в составе русского общеязыкового фразеологизма (*биться*) как *рыба об лед*: «*Ради чего бился он тут, как рыба об лед*» [Айтматов 1982: 463].

При переводе на киргизский язык Ч. Айтматов использует фразеологический эквивалент: *музга ыргытылган балыктай* – «как рыба об лед».

«*Танабай музга ыргытылган балыктай башын ургулады*» [Айтматов, 2018: 138]. (букв.: Танабай бил себя по голове, как рыба об лед).

Таким образом, повесть «Прощай, Гульсары!» занимает особое место в творчестве писателя, так как в ней, по словам автора, широко представлена картина современной национальной жизни, ярко отражен киргизский национальный характер. Отличительной чертой идиостиля повести «Прощай, Гульсары!» является обилие зоонимов – наименований диких и домашних животных, орнитонимов, инсектонимов, многие из которых отсутствуют в других произведениях Ч. Айтматова. Центральное место занимает образ коня, отразившийся в названии произведения. Высокую частотность проявляют наименования хищных диких птиц, орнитоним *птица* выступает в символическом значении.

Автор использует как общеязыковые, так и окказиональные фразеологические единицы. Преобладают компаративные фразеологизмы с компонентом *как*, которые образно характеризуют действия и поступки персонажей. Наиболее характерным способом перевода в повести «Прощай, Гульсары!» является включение ФЕ с компонентом-зоонимом в переведенный текст. Данный факт также обусловлен тем, что родным языком писателя является киргизский, поэтому при переводе с русского языка на киргизский в текст активно включаются фразеологизмы. На втором месте по частотности способ подбора эквивалента, а также в меньшей степени используются калькирование (15%) и подбор аналога (10%). В некоторых случаях наблюдается отсутствие фразеологизма в русском варианте повести, что снижает экспрессивность текста. На следующей диаграмме представлены результаты использования способов перевода в данной повести (рис. 12):

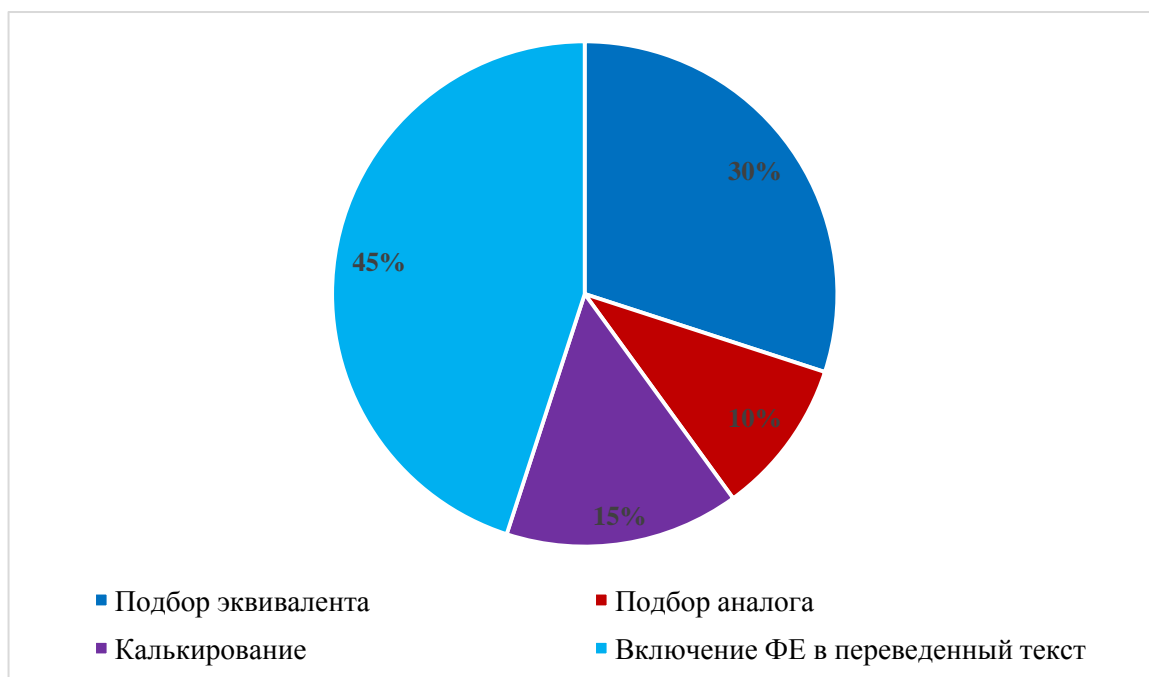

Рис. 12 Частотность использования способов перевода ФЕ

3.9. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Верблюжий глаз»

Повесть «Верблюжий глаз», которая является составной частью сборника «Повести гор и степей», была написана Ч. Айтматовым в 1961 году на киргизском языке и переведена на русский язык самим автором совместно с переводчицей А. Дмитриевой.

Действие повести разворачивается на бескрайних степных просторах, среди дикой, нетронутой природы. Сюжетной основой выступает производственный и межличностный конфликт между трактористом Абакиром и молодым человеком Кемалем, который недавно окончил школу и приехал работать на целину.

В повести используются образы домашних и диких животных, преимущественно выступающие в составе узуальных и окказиональных компаративных фразеологизмов.

Так, фразеологизм *уй тилиндей* (букв.: как коровий язык) обозначает небольшой участок земли: «*Башчыбыз агроном Сорокин былтыр ушерге уй тилиндей тилкеге кайракы арпа айдап, тажрыйба кылып өстүрүптүр*» [Айтматов 2018: 183] (букв.: Наш начальник агроном Сорокин в прошлом году в качестве

эксперимента сеял здесь пшеницу на небольшом, как коровий язык, участке земли). Отметим, что в процессе перевода на русский язык этот фразеологизм утрачивается, что снижает образность текста:

« В прошлом году агроном Сорокин – он тут главный над всеми нами – испытывал на небольшом поле богарный ячмень». [Айтматов 1982: 209].

Языковое творчество Ч. Айтматова выражается в создании поэтических индивидуально-авторских развернутых сравнений. Например, в сознании юноши-романтика Кемаля стремительно несущийся паровоз ассоциируется с быстро бегущим скакуном: *«Жал-куйругу жерге сапырылган тулпардай түтүнү вагондордун үстүнөн толкуй учуп, паровоз аркырап баратыптыр».* [Айтматов 2018: 187] (букв.: как скакун с длинными красивыми гривой и хвостом, паровоз с грохотом удалялся, оставляя за собой клубы дыма). В переводе яркий поэтический образ коня сохраняется (фразеологический эквивалент):

«Закидывая на вагоны густые клубы дыма, паровоз уходил, словно конь на скаку с развевающейся гривой и вытянутым хвостом». [Айтматов 1982: 211].

Для характеристики действий и поступков тракториста Абакира, очень злого и жестокого, грубого человека, писатель использует зоонимы с резко негативной коннотацией: *вошь, гнида, собака*. Абакир, который ненавидит Кемаля, всячески старается оскорбить и унижить его:

«Сен бала, сыккан биттен бетер илбийсиң да!» [Айтматов 2018: 188]. (букв.: Ты, паренек, медлишь, как раздавленная вошь). Сравним перевод на русский язык: *« – Ты что ползешь, словно вошь прибитая!»* [Айтматов 1982: 212]. В данном примере сохраняется образная основа компаративного фразеологизма с компонентом-инсектонимом *вошь*, который обозначает поведение нерасторопного, медлительного человека (фразеологический эквивалент).

Сходный по семантике инсектоним *гнида* используется для характеристики очень неприятного, отталкивающего, злого человека:

«Абакир сиркеси суу көтөрбөй, папиросун белчесинен чайнап, комбинезонун анан көйнөгүн чечти». [Айтматов 2018: 205] (букв.: Абакир, у которого гнида не

выдержала бы воды, снял комбинезон и рубашку, жуя свою папироску). Однако в процессе перевода данный зооним утрачивается:

«Абакир покурил, раздраженно покусывая папиросу, потом снял комбинезон и рубаху и лег на свою одежду загорать». [Айтматов 1982: 225].

Речь Абакира насыщена грубыми и бранными словами и фразеологизмами: *«Муунтуп салайынбы, иттин баласы?»* [Айтматов 2018: 188] (букв.: Может, задушить тебя, сукин сын?). При переводе грубо-просторечный, бранный фразеологизм заменяется на более мягкое слово «щенок»:

«— Придушу, щенок, все меньше одним сопливым академиком будет». [Айтматов 1982: 212]. Способ замены фразеологизма лексемой наблюдается также в следующем примере: *«Өгүздөй иштейт экен, айбан!»* [Айтматов 2018: 203]. (букв.: Оказывается, он работает, как бык, тварь!). Сравн. Перевод на русский язык:

«Вот ведь как умеет работать, подлец!» [Айтматов 1982: 223].

Одним из наиболее частотных в повести является образ собаки. В оригинальном тексте повести он используется для характеристики очень холодной, промозглой, сырой погоды: *«Үй ичи ит байласа, тургус».* [Айтматов 2018: 190]. (букв.: Внутри дома так холодно, что не выдержит даже собака на привязи). Однако в тексте перевода данный образ заменяется наречиями, что снижает образность и выразительность текста: *«Сыро, тоскливо было в юрте».* [Айтматов 1982: 213].

Для характеристики грубого и злого человека писатель использует фразеологизм с двумя образами – белой и черной собаки: *«Качан болсо, Абакир оозуна ак ит кирип, кара ит чыгып жатканда коомайланып, эптеп жумшартууга, аягын оңдоп кетүүгө тырышат».* [Айтматов 2018: 200] (букв.: Когда Абакир такой злой, что у него в рот заходит белая собака, выходит черная, она старается успокоить его)). Фразеологизм *оозуна ак ит кирип, кара ит чыгуу* имеет значение «выражаться грубыми, бранными словами». Образная основа фразеологизма связана с тем, что человек вдыхает чистый воздух (белая собака), а на выдохе произносит грубые слова, загрязняя воздух (черная собака). В переводе

фразеологизм заменяется глаголами: «... когда он кричал и ругался, всегда старалась чем-нибудь смягчить, сгладить его грубость...» [Айтматов 1982: 221].

В киргизском языке, как и в русском, собака олицетворяет верность, преданность. В повести компаративный фразеологизм *как собака* употребляется для характеристики верной, преданной женщины, которая готова следовать всюду за своим возлюбленным: «*Ошонун карабай иттен бетер ээрчип алганым жаным кашаят*». [Айтматов 2018: 216]. (букв.: Несмотря на то, что ты такой, я злюсь на себя, что пошла за тобой, как собака). Однако в переводе фразеологизм утрачивается: «*Думала, парень работающий, думала, отойдет в нем зло. Добром, любовью хотела отогреть его душу*». [Айтматов 1982: 237].

В повести «Верблюжий глаз» также используется зооним *барс*, который в обоих языках символизирует сильного, агрессивного человека. При переводе на русский язык зооним *барс* сохраняется. Описывается ситуация схватки, в которой Абакир проявляет агрессию по отношению к Саадабеку, сделавшему ему замечание: «*Экөө атырылчу илбирстей бирин бири теше тиктеп, үйдүн ичин тегерене басты*». [Айтматов 2018: с. 191]. (букв.: Они смотрели друг на друга, как два барса, готовые наброситься в любой момент). В переводе: «...и они закружились по юрте, как барсы перед схваткой, вперив друг в друга в глаза». [Айтматов 1982: 214].

Противоположная семантика присуща зоониму *овца*, который в обоих лингвокультурах имеет тождественное символическое значение – тихий, безобидный, безответный человек: В оригинальном тексте повести употребляется фразеологизм *не может забрать траву изо рта овцы*, характеризующий тихого, робкого молодого человека: «*Кой оозунан чөп албаган момун баласың. Жеп коет бул сени*». [Айтматов 2018: 201]. (букв.: Ты такой спокойный, миролюбивый парень, что не можешь забрать траву изо рта овцы. Он тебя съест.). В переводе на русский язык фразеологизм утрачивается, заменяясь прилагательным со значением качественной характеристики лица: «– *Добрый ты, безобидный*». [Айтматов 1982: 222].

Постепенно, в ходе развития сюжета, раскрывается символично-поэтическое значение названия повести. Главный герой произведения, Кемель, на вопрос девушки о том, как называется чистый родник с прозрачной водой, отвечает: «Верблюжий глаз». Это название, придуманное Кемелем, основано на ассоциации с выражением «верблюжьих глаз»: с глазами верблюжонка киргизы сравнивают глаза девушки – красивые, большие, с длинными ресницами.

Образ птицы в повести выступает в составе компаративного индивидуально-авторского фразеологизма *как летящая птица*, который позволяет ярко передать радостное состояние влюбленного юноши Кемеля: «*Куштай учуп келе жатам*». [Айтматов 2018: 208] (букв.: Бежал, как летящая птица). В переводе на русский язык фразеологизм отсутствует:

«*Я счастлив был, что она помахала мне рукой, что бегу я по вольной весенней степи*». [Айтматов 1982: 227].

Для передачи мрачного, подавленного морально-психологического состояния человека Ч. Айтматов использует индивидуально-авторский фразеологизм *как голодный волк в зимнюю стужу*: «*Түшүнсө, .. анда ал кышкы бороондо ач калган ач бөрүдөй улубас беле!*» [Айтматов 2018: 224]. (букв.: Если бы понял, то завыл бы, как голодный волк в зимнюю стужу). В переводе данный фразеологизм полностью сохраняет свою форму и значение: «Но если бы Абакир знал, если бы понимал, какое истинное счастье потерял он сегодня, уйдя от Калипы, то не она, а он завыл бы, как волк в зимнюю стужу». [Айтматов 1982: 237].

Итак, в повести Ч. Айтматова «Верблюжий глаз» используются образы диких и домашних животных, птиц и насекомых: *собака, волк, птица, вошь, гнида, овца, конь, волк*. Они символизируют качества, характер и поступки человека, выступая в составе общеязыковых и индивидуально-авторских фразеологизмов, среди которых заметно преобладают компаративные, основанные на сравнении, сопоставлении животного с человеком. В процессе перевода фразеологизм может полностью либо частично сохраняться, однако чаще всего наблюдается описательный перевод: глагольными или атрибутивными лексемами с

синонимичным значением, что, на наш взгляд, приводит к уменьшению степени экспрессивности и выразительности текста.

Результаты представлены на диаграмме (рис. 13):

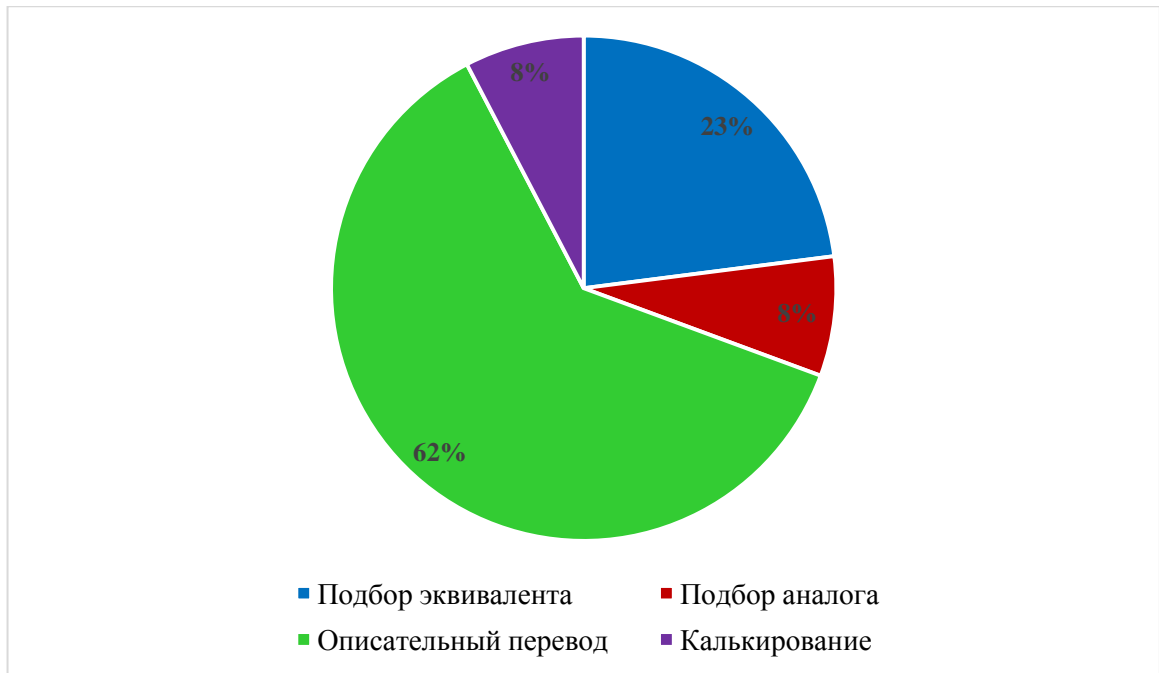

Рис. 13 Частотность использования способов перевода ФЕ

Таким образом, преобладающим способом в произведении является описательный перевод (62%). На втором месте подбор эквивалента (23%). Наименее частотными являются калькирование и подбор аналога (по 8%).

3.10. Особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря»

Среди повестей Ч. Айтматова особое место занимает известная повесть «Пегий пес, бегущий краем моря», написанная в 1977 году на русском языке и переведенная на киргизский язык самим автором совместно с А. Жакыпбековым. Трагические события происходят в Охотском море, куда отправляются охотники за нерпами. В сюжет повести органично вплетаются старинные народные поверья о злых духах-кинрах, древние легенды народа нивхов о мироустройстве, о прародительнице – Рыбе-женщине, от которой пошел род на Земле, о величественном Море. Главным героем повести является мальчик Киrisk, впервые вышедший на охоту со своим отцом, дедом и дядей, чтобы доказать, что он тоже

способен быть охотником. Текст повести включает фразеологизмы с компонентами-зоонимами *кулик*, *кулан*, *жеребенок*, которые используются для характеристики мальчика Кириска. Так, для характеристики мальчика писатель использует образ маленькой птички – кулика, который полностью сохраняется в ПТ:

«А на другом конце каяка, примостившись как кулик, на самом носу, то и дело мельком поглядывая на взрослых, великим трудом удерживал себя на месте, чтобы поменьше крутиться, дабы не вызывать недовольство хмурого старейшины, черноглазый мальчик лет одиннадцати-двенадцати» [Айтматов 1982: 119]. Сравн. в ПТ: *«Туйлап жиберүүгө ичи бышып, бирок чоң кишилерден тарткынчыктап, улам аларды карап коюп, айрыкча тиги түнөргөн чалдын ачуусунан коркуп, он бир-он эки жааштардагы кара көз бала чулдуктун балапанындай болуп, кайыктын тумшугунда конуп отурат»* [Айтматов 2018: 119]. «Потому Киrisk крутил головой по сторонам, как кулик, глядел повсюду с неубывающим интересом и с нетерпением» [Айтматов 1982: 119]. Перевод на киргизский язык: *«Ошол күнү Киrisk чулдуктун балапанынан бетер, эки жагын элеңдей карап, көргөнүнө көзү тойбой, кызыгы артып, чыдамы чыйпылыктап келе жатат»* [Айтматов 2018: 486]. (букв.: в тот день Киrisk, как птенец кулика, смотрел по сторонам, не мог насытиться увиденным, ему было все интересно). В приведенных контекстах писатель сравнивает мальчика с птичкой небольшого размера, чтобы подчеркнуть юный возраст главного героя. Отметим, что в исходном тексте употребляется сравнительный оборот *как кулик*, который в переводе на киргизский язык заменяется фразеологизмом *чулдуктун баласы* – «как птенец кулика», что еще более усиливает значение уменьшительности.

Физическое состояние мальчика характеризуется через сравнение с куланом и жеребенком: *куландай соо* – «здоровый как кулан», *кулундай ойноок* – «игривый как жеребенок»: *«эртеси Киrisk жаны жаркып, көңүлү сергек ойгонгон, алсырап калганы болбосо, куландай таза, кулундан ойноок тура келген»* (букв.: на следующий день Киrisk просыпался веселый, хоть и обессиленный, здоровый, как кулан и игривый, как жеребенок»).

Напротив, характер старого и мудрого охотника Органа раскрывается через образы крупных хищных птиц: *сокол, беркут, орлан*. Например:

«Старый Орган, кадыкастый и длинношей, сидел на корме ссутулившись, как орлан, выжидающий добычу» [Айтматов 1982: 139]. В киргизском тексте происходит замена лексемы «орлан» на зооним «беркут», который имеет сходную семантику, обозначая крупную хищную птицу: *суу бүркүттөй* – «как морской беркут» (фразеологический аналог). Зооним *орлан* в переводе с греческого языка означает «морской беркут». Например: *«Кокосу уркуйган, узун моюн Орган карыя жем аңдыган суу бүркүттөй куркуюп, кайыктын соорусунда отуруп келет»* [Айтматов 2018: 513].

Также для характеристики Органа Ч. Айтматов использует образ сокола: *«Он сидел на корме молчаливый, несуетный, как одинокий сокол на вершине скалы»* [Айтматов 1982: 167]. Компаративное сочетание *как одинокий сокол* на киргизский язык переводится с заменой компонента (фразеологический аналог): зооним *сокол* заменяется на наименование другой хищной птицы – беркут: *бүркүт кебетеленип* – «как беркут».

«Аскага конгон бүркүт кебетеленип, кайыктын соорусунда сөөлөттүү отурду» [Айтматов 2018: 550] (букв.: он сидел на корме величественно, как беркут, приземлившийся на скале).

Орган много времени проводит в раздумьях и воспоминаниях. Во сне он видит Рыбу-женщину, которая плывет рядом с ним: *«Плыли рядом, бок о бок, легко соприкасаясь в стремительном, все убыстряющемся движении»* [Айтматов 1982: 513]. Перевод: *«Ошол эңсеген жайга тез жетүүгө экөө суу бетин тилип, куштай учуп бара жатты»* [Айтматов 2018: 508]. (букв.: чтобы быстрее достичь желаемого места, они летели, как птицы, оставляя следы на водной глади). В ИТ фразеологизм отсутствует, в то время как в переводе на киргизский язык включается ФЕ как *птица* (включение ФЕ в ПТ).

Образ раненой птицы позволяет Ч.Айтматову ярко и эмоционально передать тревогу и беспокойство Рыбы-женщины: *«... и, шатаясь от головокружения, шел к берегу, прижимая ее к груди, он явственно слышал, как панически стучало*

готовое разорваться на части сердце Рыбы-женщины, точно та была как схваченная в погоне птица-подранок» [Айтматов 1982: 137]. В ПТ используется ФЕ как *птица-подранок*, в ПТ – *жаралуу куштай* – «как раненая птица (фразеологический аналог)»:

«Бирок Айым-Балыгынын жүрөгү жарылып кетчүдөй, качып бара жатып колго түшкөн жаралуу куштай жанталаша сокконун туят» [Айтматов 2018: 510] (букв.: но он чувствует, как бьется из последних сил, готовое разорваться, сердце его Рыбы-женщины, как раненая птица, пойманная на бегу).

Центральное место в повести занимает образ матери мальчика, очень переживающей за своего сына: общеязыковой компаративный фразеологизм *как муха* образно передает состояние души, покидающей тело человека. Мать Кириска возвращается домой, не подавая виду, что ей тревожно, чтобы обмануть злых духов:

«Так боялась она, что ничем не выдала тревоги своей, чтобы злые духи не учуяли, как страшится она в душе» [Айтматов 1982: 121]. В переводе используется прием включения ФЕ в ПТ: *«Бала дегенде чымын жаны чыркыраган эне жин-перилерге сыр билдирбей, тек ичтен сызып кете берди»* [Айтматов 2018: 489] (букв.: готовая пожертвовать душой, как муха / размером/, мать шла спокойно, не подавая виду злым духам). Аналогичный прием наблюдается в следующем контексте: *«Мать не отходила от его изголовья ни на шаг, все прикладывала мокрую тряпку к его пылающему лбу, плакала украдкой и что-то пришептывала»* [Айтматов 1982: 168]. В переводе на киргизский язык использован фразеологизм *чымын жаны* – «душа, /маленькая/ как муха»: *«апасы анда чымын жаны чыркырап, баласына келген кеселди өзүнө тилеп, жаны кейип, көзү жашылданып тиктеп турбады беле»* [Айтматов 2018: 486] (букв.: тогда мать не отходила от него, готова была душу, как муха, отдать за него, слезно просила Бога перенести его болезнь ей).

Компаративные фразеологизмы с компонентами *бабочка*, *зверь*, *кот* служат для характеристики образа действия человека, животных или неодушевленных предметов. Например, индивидуально-авторский фразеологизм *как кот* передает

ловкое и мягкое движение человека: «... *Мылгун мышыкча секирип, жээктеги шагылга түшкөнүн, анан ал кайыктан ыргытылган арканды ийиндей кармаганын көрдү*» [Айтматов 2018: 517] (букв.: Он увидел, как Мылгун спрыгнул с лодки, как кот, на прибрежную гальку, и как перекинул через плечо брошенный с лодки канат). Однако в исходном тексте фразеологизм отсутствует (включение ФЕ в ПТ): «...а Мылгун изловчился, выпрыгнул на край галечника, затем он подтянул лодку за брошенный конец, перекинув его через плечо» [Айтматов 1982: 142].

Способ передвижения лодки характеризуется с помощью фразеологизма *как бабочка*: «...*туш келди соккулаган толкундарга Органдын кайыгы чымындан беи бетер чарк көпөлөк айланды*» [Айтматов 2018: 532] (букв.: лодка Органа из-за огромных волн закружилась как бабочка). Лексема *лодка* в переводе на язык сравнивается с бабочкой, легкой и бессильной перед стихией. В русском тексте фразеологизм отсутствует (включение ФЕ в ПТ): «*Лодка, оставшаяся без управления, заплесала на волнах*» [Айтматов 1982: 151].

Тяжелое физическое состояние изможденных охотников сравнивается с состоянием раненого хищного зверя: «*Ошондогу кебетеси жарадар жырткычтан бетер болуп турду*» [Айтматов 2018: 565] (букв.: Он выглядел, как раненый хищник). Однако в русском варианте повести данный фразеологизм отсутствует (включение ФЕ в ПТ): «*Лицо его при этом звероподобно ощерилось*» [Айтматов 1982: 178]. Напротив, изможденное состояние мальчика характеризуется через образ небольшого зверька – бурундука:

«*Рука его утончилась и уменьшилась, как иссохшая шкурка бурундучка*». Зооним *бурундук* в ПТ заменяется на словосочетание *тыйын чычкан* – белка: «...*былтыр өлгөн тыйын чычкандын куурап калган куйругунан бетер колу чийдей ичкерип, катып калыптыр*» [Айтматов 2018: 513] (букв.: Его рука, похожая на иссохший хвост белки, умершей в прошлом году, утончилась и иссохла, словно сухая степная трава).

Таким образом, текст повести Ч.Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря» насыщен сравнительными общеязыковыми и индивидуально-авторскими фразеологизмами, включающими компоненты-наименования диких и домашних

животных, птиц и насекомых: птица, орлан, сокол, жеребенок, бабочка и других. К числу редко употребляемых относятся зоонимы *кулан*, *кулик*, *жеребенок*, обозначающие мальчика. Фразеологизмы через сравнение человека с животными образно характеризуют внешний вид персонажей, их поведение, действия различных неодушевленных предметов. Частотность разных способов показана на диаграмме (рис. 14):

Рис. 14 Частотность использования способов перевода ФЕ

Таким образом, преобладающим способом является включение ФЕ в переведенный текст (33%), так как повесть была переведена самим автором с русского языка на киргизский. Также используется описательный способ (28%), фразеологические аналоги (19%), эквиваленты и калькирование (9%).

3.11. Типы соответствий компонентов-зоонимов в переводах произведений Ч. Айтматова

Как показал проведенный нами анализ, в произведениях Ч. Айтматова используются различные способы перевода компонента-зоонима в составе фразеологизмов. Выделяются 4 типа соответствий компонентов-зоонимов в ИТ и ПТ.

1. Сохранение исходного зоонима в переведенном тексте.
2. Использование разных зоонимов, или замена компонента в переведенном тексте.
3. Утрата фразеологизма с компонентом-зоонимом и замена близкими по значению словами.
4. Включение фразеологизма с компонентом-зоонимом в ПТ при его отсутствии в ИТ.

1. Сохранение исходного зоонима в переведенном тексте

Для наиболее точного перевода писатель чаще всего использует тождественные наименования животных, птиц или насекомых, употребляющиеся в составе фразеологических эквивалентов: *волк, лебедь, птица, кулан, жеребенок, собака, вошь, барс, кобылица* и др.

Рассмотрим примеры данного перевода в следующих контекстах:

1. Птица – чымчык

«Как птица, испугнутая с гнезда, кружила Найман-Ана по сарозекским окрестностям. И не знала, как быть, чего ожидать». [Айтматов 1982: 316].

«Уясынан чоочуп учкан чымчыктай Найман-Эне Сары-Өзөктүн ээн талаасын айланып жүрдү. Эмне кыларды, эмне күтөрдү билбейт». [Айтматов 2018: 215]. (букв.: Как птица, испугнутая с гнезда, Найман-Ана ездила кругами по сарозекским пустынным просторам). В данном отрывке переведенный фразеологизм полностью соответствует исходному.

2. Птенец – балапан

Уясынан эрте учкан балапандай, Майсалбегим эрте кетпедиби» [Айтматов 2018: 404]. (букв.: Мой Майсалбек, как рано оперившийся птенец, рано улетел из гнезда). В переводе используется фразеологический эквивалент с тождественным компонентным составом и тождественной семантикой: *«Майсалбек, как рано оперившийся птенец, первым улетел из гнезда»* [Айтматов 1982: 296].

3. Журавль – турна

В обеих лингвокультурах журавль ассоциируется с внешним обликом худого, высокого мужчины:

«Күнгө күйгөн турнадай тарамыштуу денесин тер басып жылтылдап, жылаңачтанып алып кечке жанын тиштеп иштеп, качан болсо жайдары жүрчү эмес беле» [Айтматов 2018: 27]. (букв.: Загоревший, жилистый как журавль, с блестящим от пота телом, не жалея себя работал с утра до ночи и всегда был спокойным). В переводе используется фразеологический эквивалент: *«Черный от загара, жилистый как журавль, он работал не покладая рук, не зная усталости»* [Айтматов 1982: 46].

Для создания национального колорита в своих произведениях Ч. Айтматов использует наименования животных, характерных для жизни киргизского этноса: *овод, барс, кулан*. При переводе данные наименования сохраняются. Например:

1. Овод – сайгак

Зооним «овод» – насекомое, которое приносит большой вред сельскохозяйственным животным, например, лошадям и коровам:

«И сага эмне болду, сайгак тийдиби?» [Айтматов 2018: 162] (букв.: что с тобой, овод что ли укусил?). *«Ты чего, Джамия, овод тебя укусил, что ли?»* [Айтматов 1982: 114].

2. Зооним «барс» – крупное хищное животное семейства кошачьих, обитает в горах Средней и Центральной Азии.

«Машина зарычала, как барс, и унеслась, догоняя своих». [Айтматов 1982: 78]. *«Машине илбирсче күркүрөп, тапатаңдан атырылып жөнөдү».* [Айтматов 2018: 313] (букв.: Машина, рыча как барс, с утра рванулась с места). В данном контексте при переводе полностью сохраняется внутренняя форма фразеологизма, его семантика и слово-сопроводитель.

3. Верблюжонок – тайлак

Фразеологизм *мой верблюжонок* в обоих текстах выступает как ласкательное обращение к маленькому ребенку:

«Тай-тай, тайлагым! Келе койчу, кана өзүң басып кел, коркпо!» [Айтматов 2018: 336] (букв.: – Тай-тай, мой верблюжонок! Ну-ка, иди сюда, не бойся, иди.) *«Тай-тай, верблюжонок мой! Ну, иди ко мне, топай ножками по земле, смелей топай».* [Айтматов 1982: 130].

4. Кулан – кунан

Яркий национальный колорит имеет фразеологизм с зоонимом кулан – млекопитающее семейства лошадиных, обитает в степях и пустынях Центральной Азии. В киргизской лингвокультуре кулан символизирует крепкое здоровье, выносливость. Например:

«Пропотеешь – и, бог даст, станешь утром, как дикий кулан». [Айтматов 1982: 91].

«Ачынбай тердеп жатсаң, эртең куландан соо туруп кетесиң». [Айтматов 2018: 332] (букв.: Если будешь спать, укрывшись одеялом, утром будешь здоровее кулана).

Таким образом, при переводе ФЕ с компонентом-зоонимом писатель использует семантически идентичные наименования животных.

Фразеологизмы с тождественными зоонимами могут включать в свой состав дополнительные компоненты, уточняющие и дополняющие исходный образ. Например, образ побитой собаки в русскоязычном тексте становится более выразительным благодаря включению лексем «преданная», «хозяин»:

«Оглянувшись, он увидел, как семенил следом дед Момун, точно преданная собака, побитая хозяином». [Айтматов 1982: 94].

«Алардын артында таяк жеген иттей болуп, башын жерге салып, Момун чал келе жатат». [Айтматов 2018: 335] (букв.: За ними шел дед Момун, не поднимая голову, как побитая собака).

Расширение компонентного состава фразеологизма за счет включения атрибутивного компонента также используется в следующем контексте:

«Ласкался, как теленок, хотя и в третий класс уже ходил». [Айтматов 1982: 553].

«Үчүнчү класста окуганын билбеген чоң торпок тайраңдап эркелеп жатты». [Айтматов 2018: 417]. (букв.: Не чувствующий себя третьеклассником, как большой телок, ласкался к дяде).

Аналогичный способ наблюдается при переводе ФЕ с компонентом «овца». В исходном тексте присутствует фразеологизм, обозначающий человека по

характеру; в переведенном тексте он заменяется качественно-обстоятельным фразеологизмом:

«Кудайдын боз кою». [Айтматов 2018: 121] (букв.: серая божья овечка). *«Никому от него ни вреда, ни пользы, тихий, безобидный, точно овца»*. [Айтматов 1982: 95].

Фразеологические аналоги формируются на основе семантического противопоставления зоонимов «хищник – жертва». Например, «волки – олень»: как волки загнанного оленя – как олень, окруженный волками:

«Ведь такие, как Орозкул, возненавидят его и будут терзать, как волки загнанного оленя» [Айтматов 1982: 65].

«Орозкулга окшогон немелердин колуна түшсө, карышкырдын камоосунда калган маралдай болот» (букв.: Если попадет к таким, как Орозкул, будет как олень, окруженный волками).

При сохранении одного и того же зоонима образная основа ФЕ может значительно отличаться. Сравн.: *(выгнать) как собаку паршивую – как собаку-воровку*:

«Кому она нужна теперь, твоя неродящая дура. Пойди, пусть она скажет, кто она теперь. Как собаку паршивую, выгнал ее из дома муж». [Айтматов 1982: 68].

«Эри аны ууру иттен бетер сабап, кууп чыкты үйүнөн» (букв.: Ее муж избил, как собаку-воровку, и выгнал из дома).

Также: *(рыдать) как жеребенок в непогоду – как потерявшийся в буране жеребенок*:

«Раздавленный свалившимся на его плечи горем, он по-детски, в голос рыдал, приткнувшись к стене, как жеребенок в непогоду». [Айтматов 1982: 581].

«Балдардын ичинде алдуусу, албурлуусу, эми ак бороондо адашып калган кулундан бетер бүрүшүп, жаш баладай боздойт». [Айтматов 2018: 452] (букв.: Самый старший и самый сильный из ребят по-детски рыдает, как потерявшийся в буране жеребенок)).

2. Использование разных зоонимов, или замена компонента в переведенном тексте

В процессе перевода писатель может использовать замену исходного зоонима на другой, однако такой способ находит применение довольно редко. Варьирующиеся наименования находятся в различных семантических отношениях и могут принадлежать к одной или разным тематическим группам и классам.

1. Наименования относятся к разным классам представителей фауны. Например, в исходном русскоязычном тексте для характеристики двух лошадей, дружно бегущих в одной упряжке, писатель использует образ двух рыб, плывущих рядом:

«Бывало, как побегут Чабдар и Чонтору в лад, в равном усердии, гривами вскидывая, покачиваясь на плавном ходу, как две рыбины, рядом плывущие, любо смотреть» [Айтматов 1982: 517].

При переводе на киргизский язык используется описательное сопоставление лошадей с бегущими тиграми:

«Чабдар менен Чонтору жалын көккө сертип, кызыл жүрүп бергенде соорулары бирдей чайпалып, жанаша жорткон эки жолборстой көрүнөр эле». [Айтматов 2018: 369] (букв.: Когда Чабдар и Чонторду, вскидывая гривы, бежали, они были похожи на двух тигров, бегущих рядом, покачивая своими мощными бедрами).

2. Наименования принадлежат к одному и тому же классу (птицы), однако различаются по их разновидностям (орел – беркут; сокол – беркут):

орел – «крупная сильная хищная птица семейства ястребиных с изогнутым клювом, живущая в гористых или степных местностях»; «беркут – крупная хищная птица семейства ястребиных». [Ожегов 1997: 409]. Однако в киргизском языке для наименования этих птиц используется одна лексема – «бүркүт» [Юдахин 1957: 281]. Например:

«Сцепившись, как орлы на одной добыче, они орали благим матом, хрипели и рычали по-звериному, устрашая друг друга, руки их сплетались, из-под ногтей сочилась кровь» [Айтматов 1982: 409].

«Бир аңды талашкан эки бөркүт сыңары экөө бири бирине сес көрсөтө айкырышып, аянышпай сөгүшүп, арстан айбатка салып аркырашып, тырмак астынан кан чыккыча тартышып бара жатты» [Айтматов 2018: 58]. (букв.: Они боролись, как два беркута за одну добычу, кричали и матерились, рыча как лев, вцепились за тушу так, что из-под ногтей сочилась кровь).

Также: *«Он сидел на корме молчаливый, несуетный, как одинокий сокол на вершине скалы»* [Айтматов 1982: 167]. *«Аскага конгон бөркүт кебетеленип, кайыктын соорусунда сөөлөттүү отурду»* [Айтматов 2018: 550] (букв.: Он сидел на корме величественно, как беркут, приземлившийся на скале).

3. Наименования «птица» – «птенец» (птенец кулика – кулик):

«А на другом конце каяка, примостившись как кулик, ...» [Айтматов 1982: 119].

«... чулдуктун балапанындай болуп, кайыктын тумшугунда конуп отурат» [Айтматов 2018: 119]. (букв.: ... как птенец кулика, сидел на самом носу каяка).

3. Утрата фразеологизма с компонентом-зоонимом и замена близкими по значению словами

Проанализированные нами произведения Ч. Айтматова были написаны либо на русском языке и переведены на киргизский («Ранние журавли», «Прощай, Гульсары!», «Пегий пес, бегущий краем моря», «Белый пароход»), либо написаны на киргизском языке и затем переведены на русский («Лицом к лицу», «Джамиля», «Материнское поле» и др.). При анализе типов соответствий мы обнаружили, что возможно употребление фразеологизма с компонентом-зоонимом при его отсутствии во втором варианте текста (русском или киргизском).

Рассмотрим первую группу произведений – повести, написанные на киргизском языке.

В исходном варианте текста используется ФЕ с зоонимом, однако в переводе фразеологизм полностью утрачивается, его семантика передается описательным способом либо подбором лексических синонимов.

Например, в киргизском варианте повести «Тополек мой в красной косынке» писатель использует 4 ФЕ с компонентом «собака», которые, однако, утрачиваются

в авторском переводе на русский язык. Фразеологизм заменяется лексическими средствами, что приводит к понижению экспрессивности текста:

«– *Ит болдум, кечирип койгула деп барайынбы?*» [Айтматов 2018: 278]. (букв.: Мне идти к ним и сказать, что я поступил, как собака?). В русском варианте текста некрасивое поведение Ильеса характеризуется с помощью выражения «*С какими глазами я приволоку туда прицеп?*» [Айтматов 1982:163].

Аналогичное явление наблюдается в следующем контексте:

«*Оозунан ак ит кирип, кара ит чыгын жатты.*» [Айтматов 2018: 296]. (букв.: Старуха не давала мне раскрыть рот. В ее рот входила белая собака, а выходила черная. Ругалась последними словами). В данном примере используется ФЕ, имеющая яркую эмоционально-экспрессивную окрашенность. В переводе на русский язык фразеологизм заменяется лексемами «бранить», «поносить»:

«*Старуха не давала мне и рта раскрыть. Она продолжала бранить и поносить меня самыми обидными словами*» [Айтматов 1982: 163].

«*Ушу ит өлгөн суукка таштап кетебизби?*» [Айтматов 2018: 305]. (букв.: Разве оставим их в такой холод, в котором собаки умирают?). Данный фразеологизм передает максимальную степень холода, очень сильный мороз. Однако в русском варианте значение максимальной степени холода отсутствует, поэтому читатель не в полной мере ощущает безысходность ситуации, в которой оказалась Асель: «*Оставить ее одну ночью в холод?*» [Айтматов 1982: 199].

Наряду с зоонимом *собака*, автор использует наименования *козленок*, *лошадь* и другие. В киргизском тексте автор употребляет фразеологизмы с данными компонентами, а в русском варианте заменяет их лексическими средствами. Например:

«*Теке-улакчасынан кыйшайып, кабактын астынан үлүрөйө тиктейм.*» [Айтматов 2018: 118]. (букв.: как козленок-подросток хмурясь, смотрю исподтишка). «*Терял самообладание и, набычившись, сопел.*» [Айтматов 1982: 87].

«*Өргө жүк көтөргөн аттай болуп, Данияр траптын бийигинде.*» [Айтматов 2018: 139] (букв.: Как лошадь, навьюченная тяжелым грузом, Данияр на вершине трапа).

«Данияр, покачиваясь, как оглушенный, шел вверх» [Айтматов 1982: 102].

При переводе русского текста на киргизский язык наблюдается аналогичное явление: в исходном тексте используется наименование животного (например, птица), которое утрачивается при переводе:

«... жена Зарипа, что в той снежной степи сберегает детишек, как птица под крылом, у колотящегося сердца...» [Айтматов 2018: 169].

«...экөөнү борошо урган ай талаадагы жалпак үйдө канатынын алдына калкалап, бооруна басып, жылытып» [Айтматов 2018: 153]. (букв.: ... в маленькой землянке в снежной степи, она согревала двоих [детей] под своим крылом).

«– Ну и дура, – еще тише, но со злорадством прошептала бабка...» [Айтматов 1982: 10].

«Өзүң билбей куруп кал, – деди таене жыланча ышылдай заардуу шыбырап». [Айтматов 2018: 216]. (букв.: Чтоб ты сквозь землю провалилась, – прошипела, как змея, старуха).

Также: *«О, как время идет».* [Айтматов 1982: 423]. *«Мезгилдин куштай учканын карачы!»* [Айтматов 2018: 77]. (букв.: Посмотри, как время летит, точно птица).

Мы проанализировали частотность употребления данного способа в произведениях, написанных на русском и на киргизском языках. Результаты представлены на двух диаграммах (рис. 15 и рис. 16).

Как показано на приведенной ниже диаграмме (рис. 15), в произведениях, написанных на киргизском языке, 3-й тип соответствий – утрата фразеологизма с компонентом-зоонимом и замена близкими по значению словами, составляет более 30%.

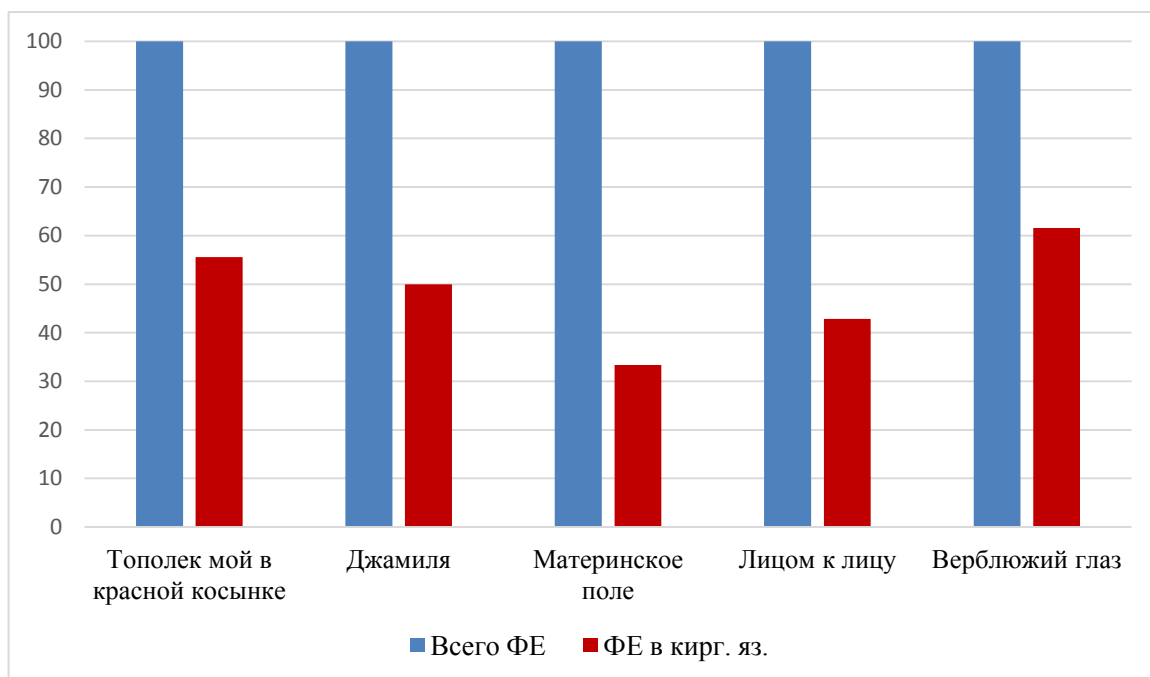

Рис. 15 Утрата фразеологизма с компонентом-зоонимом и замена близкими по значению словами

При переводе произведений с русского языка на киргизский такой способ перевода используется редко, в единичных случаях, о чем свидетельствует приводимая ниже диаграмма (рис. 15):

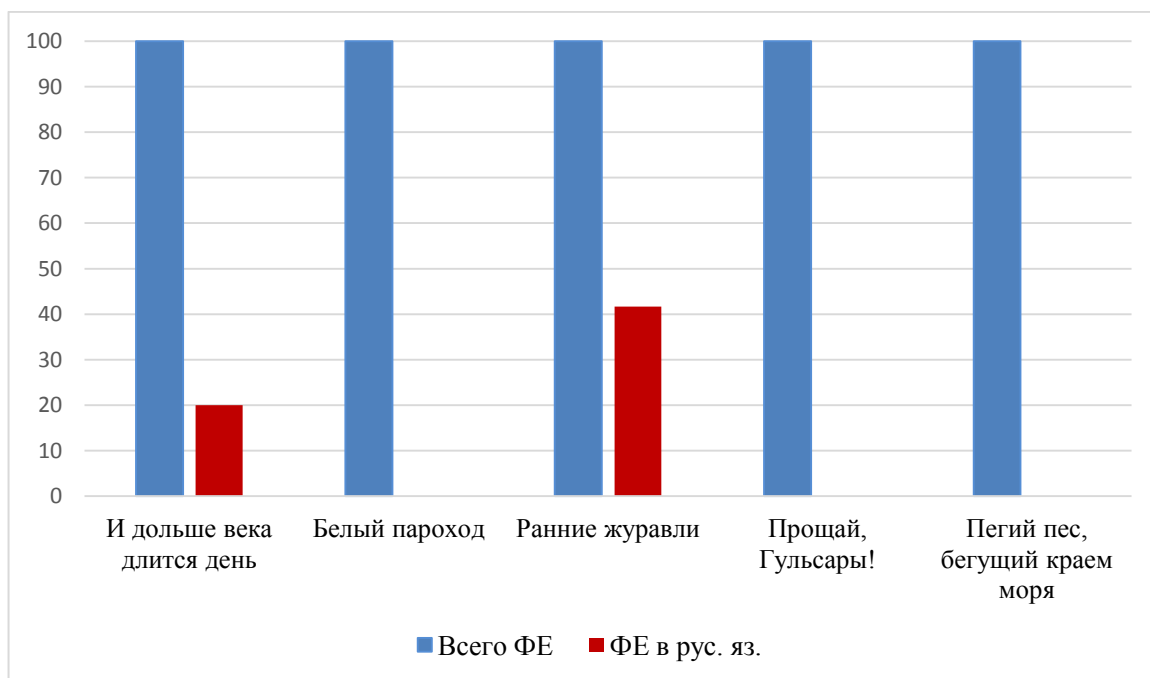

Рис. 16 Утрата фразеологизма с компонентом-зоонимом и замена близкими по значению словами

4. Включение зоонима в ПТ (при отсутствии ФЕ в ИТ)

Данный тип перевода заключается в том, что в переведенный текст включается ФЕ с компонентом-зоонимом, которая отсутствует в исходном тексте. Такой способ используется, как правило, при переводе с русского языка на киргизский, в произведениях «Прощай, Гульсары!», «Ранние журавли», «Пегий пес, бегущий краем моря, «Белый пароход». Например:

– *Ну и дура, – еще тише, но со злорадством прошептала бабка...* [Айтматов 1982: 10].

«Өзүң билбей куруп кал, – деди таене жыланча ышылдай заардуу шыбырап». [Айтматов 2018: 216]. (букв.: «Чтоб ты сквозь землю провалилась, – прошипела, как змея, старуха).

В первом контексте ФЕ отсутствует, однако в ПТ автор включает фразеологизм *как змея*, что усиливает выразительность высказывания.

Сравн. также: *Не будь добрым, а будь злым, – а он, на беду свою, остается неисправимо добрым.* [Айтматов 1982: 13].

«Ак көңүлдүн аты арыбайт, өзү жарыбайт». [Айтматов 2018: 220] (букв.: У доброго человека никогда конь не выходит вперед, а сам никогда не разбогатеет). В русском варианте пословица отсутствует, но при переводе в текст включается киргизская пословица.

Аналогичные примеры из повести «Ранние журавли»:

Аджимурат кинулся на шею отца и прилип, как вцепился, так и не отпускал» [Айтматов 1982: 518]. *«... ал атасын жакшы көрүп, ач кенедей жабышып аларына кошуналары да таң»* [Айтматов 2018, с. 370] (букв.: Когда он цеплялся на шею отца, как голодный клещ, соседи удивлялись).

Таким образом, на основании проведенного нами анализа мы пришли к выводу о том, что Ч. Айтматов более активно использует фразеологизмы с компонентом-зоонимом в киргизском варианте текста (оригинальном или переведенном). Это связано с тем, что родным языком писателя-билингва является киргизский, хотя русским языком он также владеет в совершенстве. В процессе перевода произведений с киргизского языка на русский фразеологизмы с

компонентом-зоонимом, как правило, утрачиваются. И напротив, при переводе с русского языка на киргизский писатель включает в текст ФЕ с компонентом-зоонимом, которые отсутствуют в исходном варианте.

На обобщающей диаграмме отражены все виды соответствий компонентом-зоонимов при переводе произведений Ч. Айтматова.

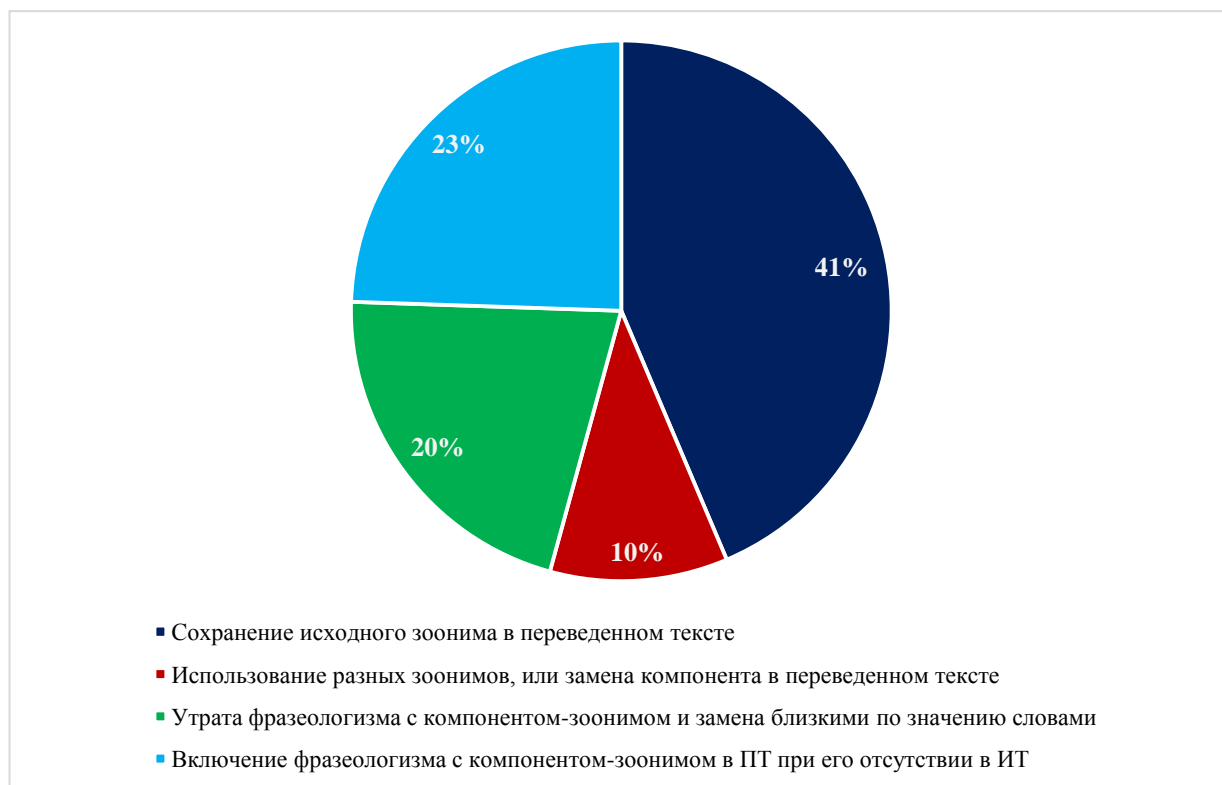

Рис. 17 Количество типов соответствий компонентом-зоонимов в произведениях Ч. Айтматова

Выводы по третьей главе

В результате проведенного исследования мы обнаружили особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в произведениях Ч. Айтматова, охарактеризовали особенности компонентного состава фразеологизмов и типы соответствий зоонимов в ИТ и ПТ. Материалом исследования послужили наиболее значимые произведения писателя: роман «И дольше века длится день», повести «Тополек мой в красной косынке», «Материнское поле», «Джамиля», «Белый пароход», «Лицом к лицу», «Прощай, Гульсары!», «Ранние журавли», «Верблюжий глаз» и «Пегий пес, бегущий краем моря». Данные произведения были написаны на русском или киргизском языке и затем переводились на другой язык самим Ч. Айтматовым либо с помощью переводчика.

При анализе способов перевода мы, опираясь на классификацию способов перевода, описанных в теории переводоведения, пришли к следующим выводам.

В процессе перевода на другой язык фразеологизмы с компонентом-зоонимом в творчестве Ч. Айтматова передаются различными способами:

1. Фразеологические эквиваленты, тождественные по составу и по семантике (25%).
2. Фразеологические аналоги, имеющие частично совпадающую образную основу (16%).
3. Описательный перевод с утратой исходного фразеологизма, при этом семантика ФЕ передается лексическими средствами (18%).
4. Включение фразеологизма в переведенный текст при его отсутствии в исходном тексте. Такой способ более характерен для перевода с русского языка на киргизский, так как для Ч. Айтматова родным языком является киргизский (22,6%).
5. Калькирование – пословный перевод фразеологизма на другой язык, позволяющий донести до читателя образную основу ФЕ (13,9%).

Языковое творчество Ч. Айтматова ярко проявляется в создании индивидуально-авторских ФЕ, а также в трансформировании общеязыковых

фразеологизмов. Наиболее активно используется такой прием трансформации, как расширение компонентного состава ФЕ и замена компонента-зоонима в ПТ.

Особенность компонентного состава фразеологизмов в творчестве Ч. Айтматова заключается в том, что писатель активно использует фразеологизмы с зоонимами, называющими диких животных и птиц, обитающих в горах и на степных просторах: *лиса, орел, коршун, беркут, волк* и т.д. Также частотны фразеологизмы с компонентами-зоонимами, называющими домашних животных, используемых в жизни киргизского народа, традиционно ведущего кочевой образ жизни: *лошадь, овца, верблюд*. Высокую активность во многих произведениях проявляют наименования хищных диких птиц, причем орнитонимы выступают, как правило, в символическом значении. Используются гиперонимы (птица, рыба) и гипонимы, называющие различные виды птиц, животных, насекомых.

В исследуемых произведениях зафиксированы как общеязыковые, так и окказиональные фразеологические единицы. Преобладают компаративные фразеологизмы с компонентом *как*, которые образно характеризуют действия и поступки персонажей. Образной основой индивидуально-авторских фразеологизмов, построенных по модели сравнительного оборота, выступает сопоставление животного с человеком по внешнему виду, по характеру.

Выявлена специфика употребления фразеологизмов в определенных произведениях. Так, в повести «Джамиля» одним из наиболее частотных является зооним *собака*. Активно употребляются наименования детенышей животных в произведении «Тополек мой в красной косынке» – *кулун/жеребенок, тайлак/верблюжонок*. В повести «Материнское поле» преимущественно употребляются орнитонимы, например, *птица*.

Компоненты-зоонимы в переводе на другой язык могут иметь различные типы соответствий в ИТ и ПТ:

1. Сохранение исходного зоонима в переведенном тексте.
2. Использование разных зоонимов, или замена компонента в переведенном тексте.

3. Утрата фразеологизма с компонентом-зоонимом и замена близкими по значению словами.

4. Включение фразеологизма с компонентом-зоонимом в ПТ при его отсутствии в ИТ.

Таким образом, в процессе перевода ФЕ с компонентом-зоонимом используются различные способы перевода, создание окказиональных фразеологизмов и трансформации узуальных ФЕ. Это позволяет переводчику добиться максимальной точности при передаче данных единиц на русский или киргизский языки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная фразеология русского и киргизского языков изучает фразеологический состав в различных аспектах – семантическом, структурно-грамматическом, диахроническом и других. Актуальными направлениями являются сопоставительное изучение фразеологизмов (А.В. Кунин, А.Д. Райхштейн, Ю.П. Солодуб и др.), лингвокультурологический подход (В.Н. Телия, М.И. Ковшова, В.В. Красных и др.) и переводоведческий аспект (В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.С. Виноградов и др.). Весомый вклад в становление киргизской фразеологии внесли Ж. Мамытов, Ж. Осмонова, Ж. Шукуров, заложившие теоретические основы изучения ФЕ в киргизском языкознании. Изучение фразеологизмов на материале киргизского языка в сопоставлении с русским, английским и другими языками было проведено в работах О.С. Абдыкаимовой, Н.М. Жумабековой и других лингвистов. Исследования фразеологических единиц в разноструктурных языках имеют большое теоретическое и практическое значение, позволяя выявить универсальное и национально специфичное разных лингвокультурах, что способствует более эффективной межкультурной коммуникации.

Проведенное нами во второй главе сопоставительное исследование фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволило обнаружить семантико-лингвокультурологическую специфику ФЕ с компонентом-наименованием животного во фразеологической картине мира русского и киргизского этносов. На основе количественно-статистического анализа выявлены наиболее значимые для жизнедеятельности каждого этноса наименования представителей фауны, проявляющие высокую фразообразовательную активность в обоих языках: среди наименований домашних животных – собака, овца/баран, лошадь/конь, корова/бык; наименования диких животных – лиса, волк, медведь, заяц; орнитонимы – ворон/ворона, курица/петух. Значительные расхождения во фразообразовательной продуктивности характерны для наименований животных, широко распространенных в жизни только одного этноса: свинья, верблюд, осел, беркут. Многие животные в языковом сознании русского и киргизского этносов имеют

совпадающие образно-символические значения: лиса – хитрость, заяц – трусость, осел – упрямство и т.д., что находит отражение во фразообразовании.

Национальная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и киргизском языках обусловлена экстралингвистическими факторами: значимость и необходимость животных и птиц для жизни социума; народные традиции; природно-климатические условия; длительность сосуществования человека и животного; знания об особенностях физических свойств и поведения определенных видов животных. Например, фразеологизмы с компонентом «верблюд» очень многочисленны в киргизском языке (в отличие от русского), так как это животное широко использовалось для перевозки грузов, передвижения, источника питания и т.д. Напротив, в русском языке высокую фразообразовательную активность имеет зооним «свинья», поскольку это животное было распространено в крестьянском хозяйстве (в киргизском языке отмечен 1 фразеологизм). В русской лингвокультуре большое место занимают ФЕ с наименованиями домашних птиц (курица, петух, гусь), а в киргизской – ФЕ с наименованиями хищных диких птиц (беркут, кречет, сокол).

Фразеологизмы с компонентами «лошадь», «собака», «овца», «баран» и другими имеют как сходные, так и отличительные черты. Так, например, зооним «лошадь» в сопоставляемых языках имеет приблизительно равную продуктивность, вследствие большой значимости животного в жизни каждого этноса. ФЕ номинируют человека по внешнему виду, характеру, поведению, однако отличаются по образной основе. В языковой картине мира русского народа лошадь ассоциируется с тяжелым физическим трудом, так как в крестьянском хозяйстве лошадь служила основной рабочей силой. Киргизские ФЕ передают более широкий спектр значений: пространственно-временная семантика; номинация лошадей по масти, цвету шерсти и гривы, особенностям передвижения, степени выносливости; спортивные состязания и т.д. Это обусловлено разнообразием функций животного в кочевой жизни киргизского этноса.

Зооним «собака» в обеих лингвокультурах имеет максимальную фразообразовательную активность и отличается совмещением противоположных

коннотативных сем, что связано неоднозначным отношением социума к животному. В обоих языках преобладают ФЕ с отрицательной коннотацией, негативно характеризующие поведение человека, однако в каждом языке имеются национально специфичные единицы с данным компонентом. Например, киргизские ФЕ могут обозначать внешний вид человека, а в русском языке используется противопоставление «собака – кошка».

Во фразеологической картине мира киргизского и русского этносов значительное место занимают ФЕ с компонентом-орнитонимом, так как различные виды птиц имеют важное значение в жизни каждого народа. Состав орнитонимов включает наименования домашних и диких птиц: *карга* (ворон), *бүркүт* (орел), *шумкар* (сокол), *тоок* (курица), *сагызган* (сорока) и другие. Наибольшее количество ФЕ образовано от зоонима *ворон/ворона*, который в языковом сознании обоих этносов передает тождественное символическое значение. Национальная специфика ФЕ заключается в преобладании определенных орнитонимов. Наименования домашних птиц (*курица, петух, гусь, утка*) в русском языке по количеству значительно превышают ФЕ киргизского языка, что обусловлено широким распространением птиц в крестьянском хозяйстве. Напротив, в киргизском языке высокую продуктивность проявляют наименования хищных ловчих птиц (*кречет, беркут*).

Яркий национальный колорит также присущ фразеологизмам с компонентом-инсектонимом. Так, практически все фразеологизмы с компонентом *муха* в киргизском языке являются национально специфичными и не совпадают ни по структуре, ни по значению с русскими единицами. Кочевой образ жизни и наличие большого количества домашних животных обусловили наличие в киргизском языке многочисленных ФЕ с наименованиями кровососущих насекомых, что не свойственно русскому языку. Особенности русских ФЕ: образование на основе терминологических словосочетаний; номинация человека по внешнему виду, движениям или издаваемым звукам; ассоциативная связь образов муравья и пчелы с трудолюбием; синтаксическая модель «инсектоним + глагол в форме повелительного (изъявительного) наклонения».

Яркой чертой сходства русского и киргизского языков является наличие многочисленных фразеологизмов, построенных по синтаксической модели сравнительного оборота с компонентом «как» (*как собака, как баран*). Однако семантика фразеологизмов, имеющих тождественный компонентный состав, во многих случаях не совпадает.

В процессе сопоставительного исследования выделены различные виды соответствий фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и киргизском языках. ФЕ могут быть эквивалентными, полностью совпадая по значению и образной основе, однако такое явление наблюдается достаточно редко. Более распространены семантические аналоги, которые выражают тождественное значение, но имеют не совпадающую образную основу, различный компонентный состав. В единичных случаях отмечено калькирование.

В третьей главе диссертационного исследования охарактеризованы особенности употребления и перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повестях и романе Ч. Айтматова. Писатель-билингв, в совершенстве владевший русским и киргизским языком, во многих случаях самостоятельно переводил свои произведения, что обеспечивало высокую точность перевода. Использовались следующие способы перевода:

1. Фразеологические эквиваленты, тождественные по составу и по семантике (25%).
2. Фразеологические аналоги, имеющие частично совпадающую образную основу (16%).
3. Описательный перевод, при котором фразеологизм утрачивается и семантика передается лексическими средствами (18%).
4. Включение фразеологизма в переведенный текст при его отсутствии в исходном тексте. Такой способ более характерен для перевода с русского языка на киргизский, так как для Ч. Айтматова родным языком является киргизский. (22,6%).
5. Калькирование (13,9%).

Языковое творчество Ч. Айтматова ярко проявляется в создании индивидуально-авторских ФЕ, а также в трансформировании общеязыковых фразеологизмов, наиболее часто применяется расширение компонентного состава ФЕ и замена компонента-зоонима в ПТ.

Писатель активно использует фразеологизмы с зоонимами, называющими диких животных и птиц, обитающих в горах и на степных просторах: *лиса, орел, коршун, беркут, волк* и т.д. Также частотны фразеологизмы с компонентами-наименованиями домашних животных, используемых в жизни киргизского народа, традиционно ведущего кочевой образ жизни: *лошадь, овца, верблюд*. Высокую активность во многих произведениях проявляют наименования хищных диких птиц, причем орнитонимы выступают, как правило, в символическом значении.

В исследуемых произведениях зафиксированы как общеязыковые, так и окказиональные фразеологические единицы. Преобладают компаративные фразеологизмы с компонентом *как*, которые образно характеризуют действия и поступки персонажей. Образной основой индивидуально-авторских фразеологизмов, построенных по модели сравнительного оборота, выступает сопоставление животного с человеком по внешнему виду и характеру.

Компоненты-зоонимы при переводе на другой язык имеют следующие типы соответствий в ИТ и ПТ:

1. Сохранение исходного зоонима в переведенном тексте.
2. Использование разных зоонимов, или замена компонента в переведенном тексте.
3. Утрата фразеологизма с компонентом-зоонимом и замена близкими по значению словами.
4. Включение фразеологизма с компонентом-зоонимом в ПТ при его отсутствии в ИТ.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлены и описаны лингвокультурологические и семасиологические особенности фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и киргизском языках, охарактеризована их национальная специфика, проанализированы особенности

употребления и перевода ФЕ в творчестве Ч. Айтматова. Практическое значение нашей работы и ее перспективы определяются возможностью применения полученных результатов во фразеографической и переводоведческой практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдубалиева Б.Ж. Түрк элдеринин макалдарынын жалпылыктары жана өзгөчөлүктөрү (кыргыз, алтай, хакас, тува макалдары). Фил. ил. канд. ... дис. авторефераты. Бишкек, 2010. 22 с.
2. Абдувалиев И. Этимология жана лексикография: окуу китеби. Бишкек, 2007. 144 с.
3. Абдыкаимова О.С. Функционально-семантическое и структурно-семантическое исследование соматических фразеологизмов (на материале кыргызского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек: 1992. 22 с.
4. Абдыманапова Б.А. Мекен таануу предметин окутууда макал-лакаптарды жана накыл сөздөрдү пайдалануу // КББАнын Кабарлары. Бишкек: 2013. № 3 (27). С. 216-219.
5. Абдыракматова Н.К. Особенности межъязыковой транспозиции фразеологических единиц (исследования лингвокультурологической специфики переводов романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день» на немецкий и кыргызский языки»: дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2011. 166 с.
6. Айтбаева Н. Б. Переводческое мастерство Ч. Айтматова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Бишкек, 1998. 29 с.
7. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово»: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта, 2009. 344 с.
8. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
9. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
10. Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта. Русские пословицы с названиями животных в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 202 с.

11. Алшейхо Газала, Болгарова Р.М. Национально-культурная специфика турецких и русских паремиологических единиц с компонентами – гидронимами // Вестник филологических наук. Т. 5, № 8. Белгород, 2025. С. 45-52.
12. Анисимов Р. Н. Названия «диких животных» в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 82–88.
13. Анисимов Р.Н. Фразеологические единицы, характеризующие человека, в якутском языке: в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири, казахским и турецким языками: дис. ... канд. филол. Якутск, 2024. 261 с.
14. Анохина С.В. Textoобразующие потенции лексико-фразеологических антропонимов в прозе И.А. Бунина // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): международная научно-практическая конференция, посвящённая юбилею д.ф.н. А.М. Мелерович. М.: ООО «Издательство «Элпис»», 2008. С. 290-292.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека: монография. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
16. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147–173.
17. Архангельская Ю. В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2005. 23 с.
18. Аюпова Г. К., Галиева Б. Х. Особенности репрезентации соматического кода культуры во фразеологизмах (на материале казахского и русского языков) // Язык культуры и культура языка: Сборник статей I Международной научной конференции / Отв. ред. Т. Ю. Колягина. Сургут, 2023. С. 9–13.
19. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 76 с.
20. Бабкин А.М. Русская фразеология. Ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 261 с.
21. Бабкин А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре// Современная русская лексикография: 1977. Л., 1979.

22. Балли Ш. Краткий очерк стилистики. М.: Эдиториал УРСС, 1905. С. 43-57.
23. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы// Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51-64.
24. Бакашова Ж.К. Художественное мастерство Чингиза Айтматова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1998. 50 с.
25. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
26. Баскакова А.В. Лингвокультурологические репрезентации паремий родства: на материале английского, русского и польского языков: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2023. 220 с.
27. Баскакова Н.Н. Фразеологические единицы в художественной прозе русских писателей-народников: на материале произведений Н.Н. Златовратского и А.И. Левитова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. 23 с.
28. Бекмурзаева Ф.Ш. Анималистические ментальные образования лошадь / конь и horse / mare в кросскультурных языковых картинах мира: на материале русского и английского языков: дис. ... кан. филол. наук. Краснодар, 2021. 331 с.
29. Белая Е.Н. Комплексный подход к исследованию национально-культурной специфики английских, французских и русских фразеологических единиц: монография. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2021. 240 с.
30. Болгова Е.В. Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении: семантико-прагматический подход: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2021. 254с.
31. Буслаев Ф.И. Русский быт и пословицы // Исторические очерки. Т. 1. СПб.: 1861. 80 с.
32. Ван Мэнмэн. Национально-культурные особенности функционирования наименований птиц в китайском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2021. 210 с.

33. Ван Сыци. Функционально-семантические особенности орнитонимов в русском поэтическом дискурсе XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2023. 245 с.
34. Ван Сэнь. Фразеологическая составляющая романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: структурно-семантический и функциональный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. 223 с.
35. Ван Ци. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в китайском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2023. 178 с.
36. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики: монография. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
37. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
38. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
39. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
40. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. М., 1977. С. 140-161.
41. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М.: РАО, 2001. 224 с.
42. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
43. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. М.: АСТ Восток-Запад, 2007. 509 с.
44. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности: монография. М.: Изд-во РУДН, 1996. 170 с.
45. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2008. 336 с.

46. Габдуллина А.Р. Целостность переводческого преобразования художественного текста : на материале англоязычных переводов рассказов А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2024. 184 с.
47. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. М.: Интердиалект, 2001. 456 с.
48. Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 54-68.
49. Гак В.Г. Фразеологическая трансформаторика и проблемы фразеогрaфии (на материале русской идиоматики) / Фразеологизм и его лексикографическая разработка // Материалы IV Международного симпозиума. Минск: Наука и техника, 1987. С. 60-64.
50. Гапаров С. Кыргыз макал, лакаптарынын синтаксистик түзүлүшү: окуу куралы. Фрунзе: Мектеп, 1979. 140 б.
51. Гачев Г. Ментальности народов мира: курс лекций. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
52. Гачев Г. Чингиз Айтматов в свете мировой культуры. Фрунзе: 1989. 483 с.
53. Гашева Л.П. Позиция процессуальных фразеологизмов в предложении: Семантико-грамматический и коммуникативный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 1999. 609 с.
54. Гвоздарев Ю.А. Фразеологические сочетания современного русского языка. Ростов н/Д: Изд-во Рост, ун-та, 1973. 102 с.
55. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов-н/Д: Изд-во Рост, ун-та, 1977. 184 с.
56. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
57. Гумбатова Р.Р. Этнокультурная нетривиальность зоонима «лиса» в русском и тюркских языках // Материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию Е. Д. Поливанова. Бишкек, 2021. С. 153-157.
58. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 449 с.

59. Гутман Е.А., Литвин, Ф.А., Черемисина, М.И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: 1987. С. 34-42.
60. Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В. Фразеологизмы с компонентом карак «глаза» в тувинском и русском языках (сопоставительный аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 370–373.
61. Дербишева З.К. Язык и этнос: монография. М.: «Флинта», 2018. 256 с.
62. Дергилева О.С. Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц: на материале художественных произведений М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2009. 233 с.
63. Дехканова О.К. Синхронно-типологический анализ системы паремий и фразем с компонентами слов-фитонимов в языках разного грамматического строя (на материале узбекского, таджикского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Худжанд, 2022. 214 с.
64. Джолдошева Ч.Т. Киргизская проза в русских переводах. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. 130 с.
65. Джолдошева Ч.Т. Современная киргизская повесть и проблемы перевода. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. 168 с.
66. Динисламова О.Ю. Образ человека во фразеологической картине мира мансийского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2022. 267 с.
67. Дин Лина. Русские и китайские фразеологизмы духовно-религиозных текстов: тематическая классификация и лингвокультурологическая интерпретация: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2025. 242 с.
68. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 189 с.
69. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии// Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37-48
70. Дунканаев А.Т. Кыргыз макалдарынын тексттик-коммуникативдик

өзгөчөлүктөрү: окуу куралы. Каракол, 2010. 202 б.

71. Емегенова Э. А. Фразеологизмы с компонентом «заяц» в русском, алтайском и китайском языках: сопоставительный анализ // Диалог культур: поэтика локального текста: Материалы V международной научной конференции, Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г.: в 2-х т. Т. 2. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 244-247.

72. Ерастова Д.А. Освоение идиоматики родного языка в онтогенезе: дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2023. 169 с.

73. Ермолаева М.В. Процессуальные фразеологизмы, содержащие компонент-зооним // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 22 (239). С. 114-116.

74. Жамшитов Г.Ж. Глагольные фразеологизмы кыргызских и русских языков и их лексикографическое описание: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2000. 21 с.

75. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высш. школа, 1986. 310 с.

76. Жуков В.П. Русская фразеология: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.

77. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: URSS, 2019. 158 с.

78. Жумабекова Н.М. Вариативность зоонимических глагольных фразеологических единиц в английском и кыргызском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2010. 22 с.

79. Завгороднева М.П. Актуализация природно-ландшафтного кода фразеологизмами и паремиями: лингвокультурологический анализ: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2025. 284 с.

80. Захарова Н.Н. Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте: на материале произведений В. М. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 23 с.

81. Зекиева П.М., Медиева Э.А. Лексический состав разговорных фразеологизмов в русском и английском языках // Вестник филологических наук. Т. 5, № 6. Белгород, 2025 С. 147-151.
82. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. 3-е изд., стер. Ростов н/Д.: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2006. 544 с.
83. Зиновьева Е.С., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: МИРС, 2009. 292 с.
84. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: От теории к практике. – СПб: Нестор-История, 2016. 179 с.
85. Ибрагимов С. Лингвокультурология – тилдик маданият таануу. Тарыхы жана теориялык негиздери. Бишкек, 2004. 117 б.
86. Иванов, Е.Е. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения /Е.Е. Иванов, Ж.В. Марфина, О.В. Шкуран // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68.
87. Ибрагимов С. Национально-культурная коннотация фразеологизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2008. 28 с.
88. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 280 с.
89. Иванов Е. Е. Мир диких животных и их образов в тувинских загадках / Е. Е. Иванов, Ш. В. Монгуш. // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 65–83.
90. Иманакунова Ш. Технология использования пословиц на уроках кыргызского языка в средней школе для совершенствования речевой деятельности учащихся: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Бишкек, 2017. 20 с.
91. Исабеков И. Фразеологизмы и проблемы их перевода (на материале кыргызского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2004. 18 с.
92. Исмаилов А.И. Философия духа кыргызского народа: монография: Бишкек: Учкун, 2002. 272 с.

93. Исянгулова З.Р., Исянгулова Г.А. Сравнительный анализ фразеологизмов башкирского и казахского языков // Научный альманах. 2020. № 9-2 (71). С. 172-175.
94. Казачук И.Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка: Монография. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2004. 310 с.
95. Кармышаков А.О. Сопоставительная фразеология русского и кыргызского языков. Бишкек: БГУ им. К. Карасаева, 2010. 216 с.
96. Кенесбаев С. К. О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке // Известия АН ССР. Серия «Филология и искусствоведение». Алма-Ата, 1954. С. 6-27.
97. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
98. Коваева Б.М., Мудаев А.И., Манкирова В.Б., Лахиева Э.М., Сангаджиева Нарма П.С. Сопоставительный анализ концепта «гостеприимство» в лингвокультурах калмыков и китайцев (на примере пословиц и фразеологизмов) // Вестник филологических наук. Т. 4, № 5. Белгород, 2024. С. 205-210.
99. Ковалева А.В. Формирование языковой картины мира средствами фразеологии на уроках русского языка в киргизской школе: дис. ... канд. пед. наук. М.: 2024. 207 с.
100. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.
101. Ковшова М.Л. Национально-культурная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4(30). С. 90-100.
102. Койчуманов Ж.И. Элдик педагогиканын берметтери (Кыргыз макал-лакаптары педагогикалык аспектте). Бишкек, 1998. 131 б.
103. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
104. Коновалова Э.К. Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур // Филология и лингвистика в

современном обществе: материалы I Международной научной конференции. СПб.: Мидград, 2005. С. 109-113.

105. Косимов М.Н. Пословицы и поговорки как отражение языкового сознания русского и таджикского народов: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2023. 191 с.

106. Котова М.Ю. Славянская паремиология: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 231 с.

107. Краснощёков Е.В., Цурикова А.Н. Тема Родины в пословицах и поговорках русского, английского и немецкого языков // Вестник филологических наук. Т. 5, № 6. Белгород, 2025 С. 93-99.

108. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. С. 176-180.

109. Крымская М.Я. Семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов русского и французского языков со значением процесса речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

110. Кудина Е.В. Фразеологические единицы с компонентом «имя собственное» современного немецкого и украинского языков: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1982.

111. Куличенко Ю.Н. и Королевская Е.М. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом // Научный диалог. 2017. № 4. С. 44-56.

112. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.

113. Кунин А.В. О фразеологической номинации // Фразеологическая семантика: Сб. науч. тр. М., 1983. Вып. 211. С. 88-100.

114. Курбатова Ю.В. Роль и место фразеологии в процессе формирования представления о родном языке как национально-культурном феномене // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 536-539.

115. Курт Н.К. Проблемы перевода произведений Ч. Айтматова на иностранные языки // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1. С. 598-601.

116. Кыдыев К.У. Современные аспекты исследования в области фразеологии: метод. разработка. Бишкек, 1999. 34 с.

117. Кыдыев К.У. Сопоставительное изучение фразеологизмов в произведениях Ч. Айтматова (на материале кыргызско-русских и русско-кыргызских фразеологизмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2000. 20 с.

118. Кыдыев К.У. Фразеологизмы в творчестве Ч. Айтматова. Каракол: Инновационный центр «Архи». 2002. 168 с.

119. Ларин В.А. Очерки по фразеологии: О систематизации и методах исследования фразеологических материалов. // Ученые записки ЛГУ. Серия филол. наук. Т. 198. Вып. 24. 1956. С. 199-203.

120. Латышев Технология перевода. М.: Академия, 2005. 542 с.

121. Лебедев Л.В. Билингвальная языковая личность и стиль автора-переводчика художественного текста: на материале произведений В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2024. 204 с.

122. Лебедева И.Ю. Семантическая структура лексических групп обозначений животных в современном русском языке. Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 1985. 251 с.

123. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. Курган: Курганский государственный университет, 1999. 186 с.

124. Леонтович, О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. М.: Гнозис, 2007. 368 с.

125. Ли Фэн. Символика зоонимов «волк» и «медведь» в русском песенном жанре: лингвокультурологический аспект // Вестник филологических наук. Т. 5, № 8. Белгород, 2025. С. 110-113.

126. Лиджиева А.С. Семантика соматизмов в составе фразеологизмов: на материале калмыцкого языка и языка ойратов Китая: дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2021. 261 с.

127. Линь Цзыюй. Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом-животным в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021. 192 с.

128. Лобанова А.С., Русинова И.И. Культурная семантика фитонимов в коми-пермяцких фразеологизмах и поговорках // Вестник Пермского университета. 2023. Т.15, № 3. С. 54-66.

129. Майборода А.А. Структурно-тематическая типология фразеологизмов с компонентом обозначения цвета и животных в английском языке (на примере англо-русского фразеологического словаря // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112). С. 415-418.

130. Ма Лиши. Символизация орнитологических образов в русской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2022. 174 с.

131. Ма Лиши Сравнительно-сопоставительный анализ символа «воробей» (на материале русского и китайского языков) // Вестник филологических наук. Т. 4, № 6. Белгород, 2024. С. 181-185.

132. Максutow Б.Б. Функционирование фразеологических единиц в языке газеты (на материале русского и киргизского языков) автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2006. 25 с.

133. Малафеева Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: Челябинск, 1989. 168 с.

134. Мамытов Ж. Азыркы кыргыз тили: фонетика жана лексикология: жог. окуу жайларынын филол. фак. студ. у-н. Бишкек: ЖЭКА ЛТД, 1999. 12 б.

135. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 203 с.

136. Мелерович А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: дис. ... д-ра филол. наук. Кострома, 1980. 375 с.
137. Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц: учеб. пособие. Ярославль: Ярославский гос. пед. ин-т, 1979. 79 с.
138. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.
139. Мигранова Л.Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л.Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 26 с.
140. Миронова А.А., Цзюй Чуаньтин. Семантическая структура пословиц в русском и китайском языках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 7. С. 170-173.
141. Михайлова Ю.Н., Чжао И. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18 № 4. С. 168-181.
142. Михальчук Н.Г. Фразеологические единицы как средство формирования идиостиля М. А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 34 с.
143. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. №3. С. 6-20.
144. Мокиенко В. М. Национальное и интернациональное в русской паремиологии // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. С. 202–205.
145. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1990. 286 с.
146. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. М.: Наука, 1977. 280 с.

147. Мукамбаева Ж. Кыргыз диалектологиясы жана фразеология: окуу куралы. Бишкек, 1998. 168 б.
148. Мусаев С.Ж. Кыргыз макалдарынын этнолингвистикалык негизи // Түрк тилдери ж-а адабияты. Бишкек, 2003. С. 136-39.
149. Мусаева В. И. Элдик накыл кептер. Бишкек: «Бийиктик», 2009. 97 б.
150. Мэнчжу У. Лексикографическое описание сравнительных конструкций-зоонимов в русском и китайском языках: кросс-культурный аспект: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2024. 282 с.
151. Нарынбаева Б.Б. Фразеологическая картина мира французского и кыргызского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Бишкек, 2017. 22 с.
152. Нефедова Л.А. Манипулятивный потенциал зоонимов как экспликаторов анималистического кода культуры (на материале немецкого языка 2020-2024 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Выпуск 7. С. 2270-2276.
153. Николаева Т.Н. Типологическая параметризация компаративной фразеологии современного якутского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2003. 22 с.
154. Николаева Н.В. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков) дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2022. 302 с.
155. Николина Е.В. Названия внутренних органов в составе фразеологизмов, характеризующих человека, в тюркских языках Сибири, казахском и киргизском // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. – Новосибирск, 2003. С. 233-249.
156. Новикова А.В. Сравнительный анализ произведений Ч.Т. Айтматова на русском, немецком и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2006. 272 с.
157. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: МГУ. 2006. 335 с.

158. Ойноткинова Н. Р. Зоонимы, обозначающие семейство беличьих, в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 19-32.

159. Омаров А.А. Соматический код культуры в фразеологических картинах мира: на материале даргинского и арабского языков: дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2022. 485 с.

160. Омри Акила. Лингвокультурологический анализ лексемы «дом» в арабском, французском и русском языках: на материале паремий: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2023. 191 с.

161. Орехова М.В. Фразеологические единицы как элемент идиостиля Б.Зайцева: на материале романов: дис. ... канд. филол. наук. Орел: 2009. 235 с.

162. Осмонова Ж. Идиомы в киргизском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук: Фрунзе, 1969. 27 с.

163. Өмүралиева А. Кыргыз макалдарынын тексттик табияты (тексттик этнолингвистикалык аспект): филол. илим. канд. дис. автореф.: Бишкек, 2008. 22 б.

164. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. Методы исследования фразеологического состава языка. / Р. Н. Попов. Орел: ОГУ. 2010. 275 с.

165. Попова Д.С., Болотова Е.В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в текстах англоязычных газет // Вестник филологических наук. Т. 4, № 9. Белгород, 2024. С. 84-89.

166. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Просвещение, 1989. 234 с.

167. Поливанов Е.Д. Русский язык сегодняшнего дня. Л.: Государственное издательство, 1928. С. 36.

168. Прохоров В.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 224 с.

169. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: учебное пособие. М.: Высш. школа, 1980. 143 с.

170. Ракитина А.Ю. Фразеологизмы-сравнения современного русского и хакасского языков: лексикосемантический аспект // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 3 (27). С. 31-32.
171. Ратушная Е.Р. Межъязыковые соответствия в русской, украинской и болгарской фразеологии (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом) // Международная научная конференция «Россия и Западная Европа: диалог культур». Курган: КГУ, 1993. С. 118-124.
172. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования. Курган: Курганский гос. ун-т, 2000. 223 с.
173. Рахматуллаев Ш. Некоторые вопросы узбекской фразеологии. Ташкент: Укутувчи, 1966. 248 с.
174. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
175. Решетнева У. Н. Флора, фауна в пословицах народов Востока // Вторые Лазаревские чтения: материалы Всеросс. научной конференции. Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2003. С. 224-226.
176. Решетнева У.Н. Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 202 с.
177. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии: учебное пособие. Самарканд: Изд-во Самарканд. Ун-та, 1973. 223 с.
178. Ройзензон Л.И., Авалиани Ю.Ю. Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1967. С. 68-81.
179. Ромашина О.Ю. Специфика перевода эмоциональных паремий (на материале сопоставительного анализа пословичного фонда русского и английского языков) // *Paremienarodu slovanskych* Россия – Китай: этнокультурная специфика речевого общения: коллективная монография: Владивосток, 2014. 324 с.
180. Рысбаев С.К. Кыргыз элинин накыл кептери жаштарды элдик этикага үйрөтүүчү маанилүү каражаттардын бири // БГУнун Жарчысы: Бишкек, 2014. № 4(30). С. 163-166.

181. Сабитова З.К. Лингвокультурология. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 187 с.
182. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. 310 с.
183. Салчак, А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах / А. М. Салчак // Символ науки. 2019. № 6. С. 25–26.
184. Сапарбаев А. Кыргыз тилинин лексикологиясы жана фразеологиясы. Жогорку окуу жайларынын филол. фак. студенттери үчүн окуу китеби. Бишкек, 1997. 328 с.
185. Сардарбек кызы Н. Переводческие трансформации в русских и киргизских переводах повестей Ч. Айтматова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2005. 26 с.
186. Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 137 с.
187. Секебаева Ж.К. Компаративные фразеологические единицы как элемент национально-культурной специфики языкового сознания (на материале русского и киргизского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2008. 25 с.
188. Селиванова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: ООО «МИРС», 2009. 270 с.
189. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Универс, 1993. 656 с.
190. Сетаров Р.Д. Национальная специфика образной номинации (на материале названий растений). Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. 125 с.
191. Сиссе Кумба. Антропоцентрический потенциал зооморфного кода названий животных в духовном кругозоре носителей русского фольклора: дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2021. 153 с.
192. Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Akademia, 2000. 128 с.
193. Смадиярова З.А. Учурдагы жаш муундарды тарбиялоодогу элдик

макал- лакаптын орду // КБААнын Кабарлары, 2013. № 3(27). С. 133-155.

194. Смирнов А.А. Жанровые особенности использования англоязычных фразеологических единиц с национально-культурным компонентом «зооним»: дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2023. 343 с.

195. Симрницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: 1956. 268 с.

196. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: дис. ... д-ра филол. наук. М.: 1985. 486 с.

197. Солодухо Э.М. Сопоставительный анализ заимствованной фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1974. 24 с.

198. Софронова И.К. К вопросу о национально-культурной семантике художественного текста писателя-билингва // Русский язык и литература в современном диалоге культур: Сб. науч.тр. Регенсбург, 1994. С. 163-165.

199. Степанова В.А. Использование зоонимосодержащих конструкций для описательной характеристики людей в афроамериканской картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2022. 169 с.

200. Суералиева Д.С. Сабакта макал-лакаптарды пайдаланып окутуунун мааниси // проф. С. Ибрагимовдун 70 ж. мааракесине арналган илимий-практ. конф. материалдары. Бишкек, 2012. 186 б.

201. Сулайманова Р.Т. Кыргыз элдик оозеки чыгармачылыгындагы атуулдукка тарбиялоо маселелеринин чагылдырылышы жана алардын педагогикалык тажрыйбалардагы орду: пед. илим. канд. дис.: Бишкек, 2005. 153 б.

202. Сыдыков А.Н. Этнолингвистическая специфика лексики кыргызского и русского языков: дис. ... д-ра филол. наук. Бишкек, 2013. 328 с.

203. Сюй Чжэнюй. Сопоставление зооморфных метафорических номинаций китайского и русского языков: на материале басен И.А. Крылова и их переводов на китайский язык: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2023. 168 с.

204. Сяобинь Д. Изучение фразеологизмов-зоонимов в китайском языкознании // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104) С. 489-491.

205. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск:

Изд-во ПГУ, 1999. 448 с.

206. Таукова, Э.Л. Сопоставительный анализ ФЕ русского и английского языков в функционально-параметрическом отображении: на материале анималистической фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2004. 344 с.

207. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.

208. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

209. Тельпов Р.Е., Чжан Цзялян Сопоставительный анализ русских и китайских пословиц и поговорок об учении // Вестник филологических наук. Т. 4, № 2. Белгород, 2025 С. 252-261.

210. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/slovo, 2000. 624 с.

211. Темирханова Г.К. Объективация характеристики человека во фразеологических единицах кумыкского языка: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2021. 177 с.

212. Третьякова И.Ю. Типы и способы окказионального преобразования фразеологических единиц в поэтических текстах (на материале современной русской поэзии): дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 1993. 228 с.

213. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2011. 379 с.

214. Тукушова Н.М. Фразеологические единицы с антонимичными компонентами в английском и казахском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 221 с.

215. Тургунова Г.А. Проблемы переводного воссоздания национальных этнолингвистических реалий в разносистемных языках (на материале английского и кыргызского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2008. 25 с.

216. Тыбыкова Л. Н. Символика красоты в алтайских зооморфизмах // Этнокультурное наследие народов Алтая: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022. С. 339-353.

217. Тюнтешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск, 2006. 224 с.

218. Усупбеков Ш. Макал, ылакаптардын тарбиялык мааниси. Фрунзе: Мектеп, 1967. 32 б.

219. Федоркина Е.А. Фразеология в художественном дискурсе Е.И. Носова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 19 с.

220. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1986. 396 с.

221. Филистович Т.П. Фразеологизмы в художественном тексте: структурный, синтаксический и семантический анализы // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112) С. 521-525.

222. Фокина А.А. Фразеологизмы с соматическим компонентом голова / вуй / head в разноструктурных языках (на материале русского, марийского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Фокина А. А. Йошкар-Ола, 2016. 25 с.

223. Фоменко Е.Л. Зоонимы и их фразеоморфологический потенциал // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5. С. 431-433.

224. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языкознание. Общий курс. В кн.: Академик Ф.Ф.Фортунатов. Избр. труды, т.1. М., 1956.

225. Хайруллина Р.Х. Сопоставительная лингвокультурология: учебное пособие. Уфа: Мир печати, 2015. 139 с.

226. Хао Цзяньчжуан, Кошелева Е.Ю. Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащих зоонимы: сопоставительный анализ / Цзяньчжуан Хао, Е.Ю. Кошелева // Молодой ученый. 2015. №11 (91). С. 1701-1703.

227. Хефни Халфалла А.Х. Зооморфизмы как эмотивные эталоны в современной русской лингвокультуре: на фоне арабской лингвокультуры: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: 2022. 346 с.
228. Хомякова Е.Г., Петухова Т.И. Лингвокультурология: Истоки и проблемы. /Отв. ред. О.В. Емельянова. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. 132 с.
229. Хрипкова Д.И. Паремиологические единицы с компонентом модальности в английском, татарском и испанском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 228 с.
230. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2006. 184 с.
231. Цзюй Чуаньтин. Семасиологическая структура паремий с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: 2020. 22 с.
232. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. Челябинск: ЧГПУ. 2006. 143 с.
233. Чепасова А.М. Мир русской фразеологии. Фразеологизмы, восходящие к образам животного мира // Русский язык в школе. 1990. № 6. С. 56-59.
234. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (Постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58-70.
235. Черемных Ю.А. Представления о собаке в русской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2024. 199 с.
236. Чернышова И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высш. школа, 1970. 200 с.
237. Чертыкова М. Д. Концептуализация внешнего образа женщины в хакасской лингвокультуре (по материалам художественных произведений) // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11. № 3 (43). С. 151-159.
238. Чжао Чжитян. Функционально-параметрическое описание фразеологизмов русского и китайского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: 2012. 19 с.

239. Чжоу Ян. Лингвокультурологическое описание русских устойчивых сравнений с компонентом-зоонимом: на фоне китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: 2022. 200 с.
240. Чыманов Ж.А. Кыргыз тили сабагында макал-лакаптарды колдонуу // Билим ж-а турмуш. Бишкек, 2006. № 1 (7). С. 18-22.
241. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. Саратов, 1991. 220 с.
242. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1996. 230 с.
243. Шералиева А.Ж. Кыргыз орто мектептеринде фольклорду окутуунун методикасы (V-VI класстардын мисалында): пед. илим. канд. дис. автореф.: Бишкек, 2014. 22 б.
244. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2001. 454 с.
245. Шукурова Ж. Кыргыз тилиндеги фразеологиялык айкалыштыктар жөнүндө // Труды института языка и литературы. Фрунзе, 1956, выпуск 7. С. 55-61.
246. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений: учеб. пособие. М.: Флинта, 2022. 405 с.
247. Шустова С.В. Лингвокультурология. Анимализмы в английской лингвокультуре: Анимализмы в английской лингвокультуре: учебное пособие. Пермь: Пермский ин-т экономики и финансов, 2022. 91 с.
248. Эльжуркаева М.Я. Фразеологические единицы с компонентом-прилагательным в чеченском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Грозный, 2024. 186 с.
249. Эгембердиев Р. Фразеологизмы в эпосе «Манас»: дис. ... канд. филол. наук: Фрунзе, 1979. 178 с.
250. Эргешова С. Паремиялардагы антонимдик концептердин менталдык мазмуну. Бишкек, 2012. 152 б.

251. Ян Вэньхуэй. Компаративные устойчивые сочетания с зоонимами в системе обучения китайцев русскому языку: дис. ... канд. пед. наук. М.: 2024. 232 с.
252. Ян Сюе. Гендерные доминанты в китайских и русских поговорках в контексте семейных отношений: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2025. 211 с.
253. Abraham W. Idioms in contrastive and in universally based typological research: toward distinctions of relevance [Text] / W. Abraham // Proceedings of the First Tilburg Workshop on Idioms / Martin Everaert and Erik-Jan van der Linden (eds.). – Tilburg: ITK, 1989. P. 1-22. 335.
254. Aikhenvald A. Y. Linguistic Expression of Perception and Cognition: A Typological Glimpse [Text] / A. Y. Aikhenvald, A. Storch // The Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology / A. Y. Aikhenvald R. M. W. Dixon (eds.). – Koninklijke: BRILL, 2013. P. 1-46. 336.
255. Alexander R.J. Fixed Expressions, Idioms and Phraseology in Recent English Learner's Dictionaries// EURALEX'92 I-II. Proceedings/ Ed. by H. Tammola et al. Tampere, 1992.
256. Cowie A. P. Phraseology: Theory, Analysis, and Applications [Text] / A. P. Cowie. – Oxford: Oxford University Press, 2001. 272 p. 344.
257. Esenova O. Image Metaphors for Hair with the Animal and Plant Source Domains [Text] / O. Esenova // Acta Linguistica. – Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2013. – Vol. 7. – No 1. P. 46-55.
258. Filippov E. The Impact of American English on British English in vocabulary, phraseology and word usage / E. Filippov // Иностранные языки в школе. 1970.-№ 5. P. 122-126.
259. Teller P. Some Discussion and Extension of Manfred Bierwisch's work on German Adjectives. Foundations of language, 1969, vol. 5, № 1. C. 185-217.
260. Weinreich U. Problemes in the Analysis of Idioms: Substance and Structure of Language. – LA: University of California Press, Berkly and Losangeles, 1984. 208 p.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

261. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 1. Повести. Роман. М.: Мол. Гвардия, 1983. 607 с.
262. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 3. Повести. Роман. М.: Мол. Гвардия, 1983. 495 с.
263. Айтматов Ч.Т. Чыгармаларынын толук жыйнагы: 10 томдук. Т. 1. Бишкек: «Улуу тоолор», 2018. 524 с.
264. Айтматов Ч.Т. Чыгармаларынын толук жыйнагы: 10 томдук. Т. 2. Бишкек: «Улуу тоолор», 2018. 596 с.
265. Айтматов Ч.Т. Чыгармаларынын толук жыйнагы: 10 томдук. Т. 7. Бишкек: «Улуу тоолор», 2018. 544 с.
266. Алимбеков А. Кыргыз элинин билим берүү салттары. Бишкек: Педагогика, 2001. 44 б.
267. Аманалиев Б. Из истории философской мысли киргизского. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. 76 с.
268. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 т. Т.6. М.: ГИХЛ, 1953. 455 с.
269. Гончаров И.А. Обрыв. М.: Изд-во «Слово», 2008. 668 с.
270. Романова Е. Дамы-козыри. М.: Изд-во «Вагриус. Русич», 2015. 6 с.
271. Серафимович А. Скитания. На заводе. Очерки. Статьи. М.: ГИХЛ, 1958. 63 с.
272. Чехов А.П. Художество. Т. 4. [Рассказы, юморески], М.: Наука, 1982. С. 287-292.

СПИСОК СПРАВОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

273. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. литер. 1998. 431 с.
274. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл. 1969. 341 с.
275. Бегалиева Н.К. Кыргыз элинин аялдар жөнүндөгү макал-лакаптары. Бишкек: Бийиктик, 2002. 186 б.
276. Бекботоев С. Кыргыздын кылымдарды карыткан 1001 макал-лакабы

Текст /түз. С. Бекботоев. Бишкек: Бийиктик, 2010. 336 б.

277. Бектұров Ш., Бектұрова А. Қазақша-орысша сөздік: Мектеп оқушыларына және қазақ тілін үйренушілерге арналған. Астана: «Фолиант», 2001. 316 бет. (на казахском яз.)

278. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.

279. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2006. 784 с.

280. Даль В. И. Пословицы русского народа в 2 ч. Часть 1 / составитель В. И. Даль. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 411 с.

281. Джапанов А.А. Афоризмдер Текст: сөздөн күчтүү эч нерсе жок. Бишкек: Турар, 2011. 402 б.

282. Джапанов А.А. Кыргыз элинин макал-лакаптары // Кыргызские народные пословицы и поговорки. Бишкек: Турар, 2011. 1 т. 296 б.

283. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии// Вопросы языкознания. №6. 1997. С. 37-48.

284. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок Текст / М.: Сов. энцикл., 1966. 535 с.

285. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. 408 с.

286. Закиров С. Кыргыз элинин макал-лакаптары Текст / С. Закиров. Фрунзе: Мектеп, 1962. 127 б.

287. Залкар ойлор Текст / түз. ж-а котор. А. Ашыров; жалпы ред. ж-а кириш сөзү А. Токомбаевдики. Фрунзе: Кыргызстан, 1975. 336 б.

288. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. - Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 590 с.

289. Ибрагимов М. Кыргыз макал-лакап, учкул сөздөрү Текст / жыйнаган М. Ибрагимов. Кара-Балта: 2005. 500 б.

290. Исаков Б. Сабат санжырасы Текст / Б. Исаков. Бишкек: Мектеп, 1993.

192 б.

291. Исаков Б. Санат сөз Текст: окуучунун китеп текчесине / Б. Исаков. Бишкек: Учкун, 2005. I бөлүк. 288 б.

292. Карасаев Х. Накыл сөздөр. II китеп. Фрунзе, 1987. 214 с.

293. Карасаев Х.К. Накыл сөздөр Текст: тил казынасынан баян / Х.К. Карасаев. Фрунзе: Кыргызстан, 1982. 368 б.

294. Керимжанова Б. Кыргыз макалдары, лакаптары жана учкул сөздөрү. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1964. 95 б.

295. Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных Текст / Т.В. Козлова. М.: «Дело и Сервис», 2001. 208 с.

296. Койчуманов Ж. Макал-лакаптар. Бишкек: Шам, 2001. 208 б.

297. Койчуманов Ж.Ы., Кадыров Ы. Макал-лакаптар, нуска сөздөр, накул кептер, залкар ойлор / КР билим берүү академиясы. Бишкек: Турар, 2012. 544 б.

298. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь Текст: Ок. 20000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984.

299. Кыдырбаева Р.З. Кыргыз адабий илиминин терминдер сөздүгү. Бишкек: Бийиктик, 2004. 572 б.

300. Кыргыз макал-лакап Текст / туз. А. Алсеитов; ред. Т. Мамбетжунушов, О. Калиева. Бишкек: Мамл. тил ж-а энцикл. борбору, 2005. 132 б.

301. Кыргызские пословицы-поговорки Текст / из собрания академика К.К. Юдахина: на кыргызско-русском языке / сост. Н. М. Сарбагышова. Бишкек: Кыргызмамбас, 2007. 204 с.

302. Лингвистический энциклопедический словарь Текст. / науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.

303. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. 853 с.

304. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц Текст / В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.

305. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю.

Шведова. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

306. Пословицы и поговорки кыргызского народа: из собрания академика К.К. Юдахина Текст / сост. Д. Давлетбакова. Бишкек: Илим, 1997. 232 с.

307. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 289 с.

308. Пословицы русского народа: сборник В. Даля в 2 томах. М.: Художественная литература, 1984. 383 с.

309. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки Текст / М.А. Рыбникова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 230 с.

310. Садыкулова А. Макал-лакаптар. Бишкек: Мектеп, 2010. 280 б.

311. Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе: Илим, 1988. 332 б.

312. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М.: Рус. яз., 1991. – Т. 2. – 463 с.

313. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

314. Таджиева Г. Накыл сөз казынасы Текст: кыргыз элинин макал-лакап ж-а учкул сөз түрмөктөрү / Г. Тажиева, А. Курманбекова. Бишкек: Бийиктик, 2011. 728 б.

315. Таджиева Г., Курманбекова А. Сокровище народного духа. (Пословицы, поговорки и изречения кыргызского народа на русском языке). Бишкек: «Улуу Тоолор», 2016. 712 с.

316. Тихонов А.Н. Пословицы, поговорки и другие изречения русского народа Текст / А.Н. Тихонов // Зимин В.И., Спирин А.С. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544 с.

317. Толубаев М. Махмуд Кашкаринин «Диван лугат-ит түрк» сөздүгүндөгү макал-лакаптар Текст / М. Толубаев, С. Каратаева. Бишкек, 2010. 101 б.

318. Төлөев Ж. Кыргыз макал-лакаптары Текст / туз. Ж. Төлөев. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. 70 б.

319. Усупбеков Ш. Кыргыз макал-лакаптары Текст / түз. ж-а баш сөзүн

жазган Ш.Усупбеков. Фрунзе: Кыргызстан, 1982. 224 б.

320. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: Текст / М.: Астрель, 2008. 878 с.

321. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др.; Под ред. А.И. Молоткова. СПб: Вариант, 1994. 543 с.

322. Фразеологический словарь современного русского языка / Сост. Ю.А. Ларионова. М.: Аделант, 2014. 511 с.

323. Фразеологический словарь кыргызского языка / Сост. Ж. Осмонова, Конкобаев К., Жапаров Ш. Бишкек: 2001. 519 с.

324. Юдахин К.К. Русско-киргизский словарь. Текст / под ред. К.К. Юдахина. М.: ГИИНС, 1957. 990 с.